

МГНОВЕННЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
USA TODAY!

ПЕНН
КОУЛ

СИЯНИЕ
ВЕЧНОГО
ПЛАМЕНИ

Вечное пламя

Пенн Коул

Сияние вечного пламени

«O2»

2022

Коул П.

Сияние вечного пламени / П. Коул — «О2», 2022 — (Вечное пламя)

ISBN 978-5-353-11920-3

Корона Люмноса не ошибается. Когда она выбирает Дием, все понимают – прежний мир обречен. Для смертных Дием – предательница, перешедшая к врагам. Для Потомков – угроза, которую нужно устранить до Коронации. Теперь ее ждет дуэль с принцем Лютером – тем, кто должен был занять трон. Тем, чьи прикосновения обжигают, а взгляд заставляет забыть о здравом смысле. Дуэль не на жизнь, а на смерть. Чтобы выжить, Дием должна за тридцать дней раскрыть заговор против короны, узнать правду о своем происхождении и пройти Обряд Коронации. Но самое трудное – выбрать сторону: стать орудием мести для смертных... или правительницей, которая изменит ход истории. Выбор, который сожжет границы между добром и злом. КОГДА ВСПЫХИВАЮТ СТАРЫЕ СЕКРЕТЫ, СГОРАЕТ ВСЕ. Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, употребление алкогольных напитков. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

ISBN 978-5-353-11920-3

© Коул П., 2022
© О2, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	51
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	75
Глава 12	81
Глава 13	87
Глава 14	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Пенн Коул
Сияние вечного пламени

Copyright © 2022 by Penn Cole. First published in 2023
© ООО «РОСМЭН», 2026

Королевства Эмариона

Люмнос, Королевство Света и Тени

Свет обжигает, жалит тень,
Синева их глаз пронзает ночь и день.

Фортос, Королевство Силы и Доблести

Глаза и клинки их пылают красным.
Исцелят любой недуг или сразят одним ударом прекрасным.

Фаунос, Королевство Зверей и Чудовищ

В мохнатой шкуре, в перьях, в чешуе,
Все под контролем желтых глаз на той земле.

Арборос, Королевство Корней и Шипов

В зелени глаз их природы насмешка, природы угроза.
Чем острее шипы, тем прекраснее роза.

Игниос, Королевство Песка и Пламени

Пламя в душе, пламя в глазах.
Их огненная сила хранится в песках.

Умброс, Королевство Желаний и Секретов

Черны глаза их, черны сердца,
Поцелуем отдаешь им свой разум до конца.

Мерос, Королевство Моря и Неба

Взгляд их сравнится с мстительным морем,
В пучине готовы они утопить твою горе.

Софос, Королевство Искры и Мысли

Хитроумия искра и мудрости шквал,
Глаза цвета розы сразят наповал.

Монтиос, Королевство Льда и Камня

Сиреневый камень, сиреневый взгляд,
Конец твоих дней будет льдом их объят.

Посвящается каждой погасшей искорке, которой нужно немного помощи, чтобы засиять снова

Глава 1

Галлюцинация.

Это явно была галлюцинация.

Проклятие то было или благо – об этом много спорят и сейчас. Других объяснений не существовало. Видения, которых я старательно избегала целое десятилетие, вернулись, и винить тут следовало только меня саму.

Годами я принимала редкое снадобье, известное как огнекорень, чтобы избавиться от диких, невозможных иллюзий, которые появились у меня в детстве, – иллюзий того, что я способна чувствовать и делать вещи, которые смертные вроде меня чувствовать и делать не должны.

До бесследного исчезновения почти семь месяцев назад моя мать, лучшая целительница Люмноса, Королевства Света и Тени, одного из девяти в Эмарионе, как одержимая следила, чтобы я принимала ежедневную дозу. Она предупреждала, что видения вернуться, стоит мне пропустить хоть день.

Ну я точно пропустила больше, чем день.

Несколько недель назад я бросила весь свой запас порошка характерного красного цвета в море по причине, которую даже сейчас могла бы объяснить с трудом.

Возможно, потому, что огнекорень притуплял эмоции, оставляя в душе пустоту и холод; или же из-за таинственной черноглазой старухи, которая подкараулила меня в темном проулке и убедила отказаться от огнекорня, раскрыв секреты моей семьи, которые ей вообще знать не полагалось.

В то время огнекорень олицетворял все, что я ненавидела в жизни, – каждую потерю, каждую тайну, каждый невидимый поводок, державший меня в непримечательной, безопасной жизни. Выбросив его, я почувствовала свободу, какой никогда прежде не знала.

Но сейчас, стоя на карачках в кругу тлеющей, почерневшей травы возле родительского дома, свободной я точно себя не чувствовала. Теллер, мой единокровный братишка, оторопело смотрел на что-то у меня над головой. А огнекорень, единственное спасение от безумия, которое я так опрометчиво на себя навлекла, теперь покоился на дне Святого моря.

Паника схватила меня за горло, потому что из головы не шли слова Теллера: «Дием... на тебе корона. Магия выбрала тебя. Ты – новая королева Люмноса».

– Я схожу с ума, – прохрипела я. – Я потеряла рассудок и ничего не могу поделать.

– Ты с ума не сходишь, – возразил Теллер, хотя лицо его дышало сомнением. – Я сам вижу корону, она парит в воздухе прямо над тобой.

Я потянулась, чтобы сорвать ее, пальцы сомкнулись, но я почувствовала только холодную пустоту.

Лицо Теллера просматривалось все лучше и лучше, по мере того как он приближался ко мне, озаренный таинственным светом. Я развернулась к темному лесу, чтобы найти источник этого света, а потом поняла, что источник – пространство у меня над головой и серебристое сияние, исходящее от моей кожи.

Очередная иллюзия.

С губ сорвался беспомощный всхлип.

– Я приведу отца, – сказал Теллер. – Если и он увидит корону, то...

– Нет! – выкрикнула я.

Наш отец, Андрей, и так на меня злился. После нашей ссоры... боги, какие ужасные вещи я ему наговорила...

«Ты мне не отец!»

«Где наша мама? Почему ты перестал искать ее? Почему ты не горевал по ней?»

«Наверное, ты не ищешь ее, потому что тебе все равно. Наверное, это из-за тебя она исчезла».

Я сожалела о каждом слове.

Кровным отцом Андрей мне не был, но роль родителя играл с горячей самоотверженностью. Его любовь к нам с мамой не вызывала сомнений, и, хотя на деле я ни секунды не верила, что он причастен к ее исчезновению, досада на бесконечные секреты нашей семьи привели меня в бешенство.

Андрей мог не простить мне такую жестокость. Если узнает, что я врала ему и об огнекорне...

– Пока не говори ему! – взмолилась я. – Пожалуйста, Теллер!

– Кому-то сказать нужно. Если это впрямь Корона Люмноса, значит, король умер и тебе придется... – Теллер покачал головой, не в силах произнести слова.

«Нет!»

Все это было частью галлюцинации. Да, да, как же иначе?

Может, Теллер и не стоял рядом со мной. Может, я, в плену безумия, разговаривала сама с собой.

Мой взгляд упал на болотистый берег, тянувшийся перед нашим участком, – там я выбрасывала пузырьки с огнекорнем в море. Течение здесь сильное, но вдруг...

Я поднялась и заковыляла к воде, неловко скинув сапоги и ножевой ремень. Я по-прежнему была в тунике принца Лютера и в форменных брюках Королевской Гвардии с пластинами брони на бедрах. В эти вещи меня одела кузина принца после того, как моя одежда сгорела на оружейном складе. Ткань, словно губка, впитала ледяную воду, приклеилась к моей коже и потянула меня к илистому дну.

– Пламя пламенное, Дием, что ты делаешь?! – запротестовал Теллер. – Вернись, там холодно, как в ледниках ада!

Слишком сосредоточившись на поисках, я не ответила. Нырнула и попыталась разглядеть пузырьки характерной формы, но вода была слишком мутной, чтобы можно было увидеть больше фута ее темной глубины.

Я вынырнула, чтобы отдышаться, и на поверхности воды заметила свое отражение. Ряби вопреки, видела, как она парит надо мной, – светящиеся точки мерцали алмазами.

Корона Люмноса.

«Нет, – сказала я себе. – Это не корона, а просто мое воображение. Мое безумие».

Новая волна страха заставила войти в воду глубже и судорожно шарить по морскому дну.

– Дием, вернись на берег! – позвал Теллер. – Мы с этим разберемся.

– Не могу! – крикнула в ответ я. – Не могу! Я... Я должна...

– Вернись, не то я отца приведу.

– Нет! – Я развернулась и увидела панику в карамельно-карих глазах Теллера.

– Пожалуйста, Дием! – взмолился он. – Ты меня пугаешь.

– Огнекорень... Я вышвырнула его сюда пару недель назад. Я злилась, вот и решила... – Я зашла глубже в чернильно-черное море. – Мне нужно его найти. Если найду, то все это кончится.

На лице братишки отразилось что-то вроде жалости, его голос зазвучал тише:

– Огнекорень тут не поможет, Ди. Корона настоящая.

– Нет, – прохрипела я, чувствуя, как вокруг горла затягивается невидимая петля.

– Помнишь, когда мы были маленькие, ты очень боялась, что огнекорень не подействует, – тихо начал Теллер. – Ты заставила меня пообещать, что, если начнешь сходить с ума, я скажу тебе об этом. Я дал слово, что так и сделаю, помнишь?

Я заставила себя кивнуть.

– Ты должна мне довериться. Дием, жизнью клянусь, тебе это не кажется. Ради девяти королевств, я понятия не имею, как так получилось, но порошком огнекорня корону не выведешь.

Теллер говорил так искренне, что я впрямь поверила бы ему, если бы слушала. Но я отвлеклась. На темноволосую голубоглазую девушку-Потомка, которая стояла возле него с букетом белых роз, лепестки которых словно напитались мерцающим лунным светом.

Розы полетели на землю.

– Блаженный Клан, ты... ты...

Теллер шагнул к ней:

– Лили, что ты здесь делаешь?

Взгляд девушки остановился на мне – на чем-то над моей головой.

– Дием пригласила меня на ужин, и я решила... – Девушка подняла ладони ко рту. – Это... это правда? Ты, правда?..

Неожиданное появление Лили вывело меня из ступора. Я побрела к берегу, подбирая слова, которые объяснили бы, что нет, это не может быть правдой по тысяче разных причин, только слова не шли. В тот момент *правда* казалась чересчур сложным понятием.

– Это значит – наш король умер, – прошептала Лили, опустила на колени и прижала кулак к сердцу. – Да здравствует наша королева!

– Пожалуйста, не надо! – запротестовала я, пытаюсь отжать свои промокшие вещи. – Я не ваша королева.

Взгляд Теллера метался между мной и Лили.

Он медленно начал опускаться на колени:

– Да здравствует...

– Прекрати! – зашипела я, схватила его за руку, поднимая с колен. – Хоть ты так не говори!

Лили склонила голову:

– Блаженная Мать Люмнос выбрала тебя.

– Значит, она ошиблась. Я не могу быть – Лили, пожалуйста, встань! – я не могу быть королевой. Я лишь смертная.

Росла я в бедной деревушке, части Смертного Города, и всю жизнь провела вдали от роскошного мира Потомков, отпрысков девяти богов, братьев и сестер, известных как Клан, в незапамятные времена поселившихся на нашей смертной родине. О правилах престолонаследия я знала очень мало, но понимала одно – после смерти монарха на престол восходит могущественнейший из Потомков. Корону Люмнос носил лишь тот, в чьих жилах текла ее кровь.

До сих пор.

Лили встала, каждая черточка ее лица до сих пор дышала почтением.

– Может, она решила, что теперь править должен смертный.

– Раньше такое случалось?

Лили покачала головой:

– Ни в одном из девяти королевств смертных монархов прежде не было. Но говорят, Блаженная Мать Люмнос видит будущее. Может, она считает, что нужны перемены.

– А может, ты не смертная, – тихо добавил Теллер.

Мой взгляд метнулся к братишке.

– Зачем ты так говоришь? По-твоему, я похожа на Потомка?

Теллер почесал затылок и внимательно осмотрел меня с ног до головы, словно видя в первый раз:

– Ты высокая, как они. И всегда была сильной. Не помню у тебя ни одной царапины с тех пор... – Братишка замер. – С тех пор, как у тебя начались видения.

– Да были у меня раны, – возразила я, хотя мысли путались в паутине воспоминаний и ни одной кровавой раны не вспоминалось.

За последнее время мне досталось лишь раз – несколько недель назад в королевском дворце, когда страж-Потомок ткнул мне в горло ножом. Но тот клинок был из фортосской стали, одного из немногих материалов, способных пронзить кожу Потомка. Почти непроницаемая кожа, а еще быстрое физическое восстановление и владение магией проявлялись у детей Потомков с наступлением половой зрелости – в то же время, когда у меня начались видения.

В памяти воскресла последняя стычка с принцем Лютером. Выразительные серо-голубые глаза, взиравшие на меня, кровавые следы, которые я оставила у него на коже.

«Знаю, что ты чувствуешь мою силу, – подначил тогда Лютер. – Потому что я чувствую твою. Ты такая же смертная, как я».

Нет! Нет, нет, нет, нет.

Я не могла не быть смертной. Моя мать знала бы, что зачавший меня – Потомок, и никогда не утаила бы это от меня. Ведь не утаила бы?

– А как насчет твоих глаз? – спросила Лили, прищуриваясь, чтобы увидеть характерный голубой цвет, который обозначил бы меня как Потомка Люмнос, а не оттенок карего, как у смертных. – Я никогда раньше не замечала, они?..

– Серые, – ответила я. – Не как у смертных и не как у Потомков. Но родилась я с карими глазами, и они изменили цвет, когда я...

Возглас Лили перебил меня:

– Серые? У тебя глаза серые?!

– А что? Это что-то значит?

– Покажи! – настойчиво попросила Лили.

У меня напряглись плечи. Я давно усвоила, что внимания к необычному цвету моих глаз нужно опасаться. Дети от связи Потомков и смертных считались вне закона, и любой голубоглазый ребенок, не способный доказать чистокровное происхождение, приговаривался к смертной казни, если его найдут.

«Веская причина для твоей матери тебе врать», – подсказал рассудок.

Лили сдавленно вскрикнула, вглядываясь в мои дымчатые радужки, отпрянула, потом развернулась, словно собиралась убежать:

– Мне нужно идти. Мне нужно рассказать об этом Лютеру. Он ведь...

– Нет! – Я рванула к ней и схватила за плечи. – Лили, не говори об этом брату. Ты должна пообещать мне, что ни слова не скажешь.

– Ты не понимаешь, Лютер может тебе помочь. Он видел...

– Не нужна мне его помощь! – рявкнула я, пожалуй, резковато.

В глазах Лили промелькнула боль, о чем я пожалела, но по этому вопросу мы с принцессой вряд ли когда-нибудь сошлись бы во взглядах.

Брат Лили был самым вероятным наследником короля, к восхождению на трон его готовили с раннего детства. Магическая сила Лютера была так устрашающе велика, что настоящих соперников у него даже не предвиделось. Имя Лютера было фактически выгравировано на короне.

Учитывая то, что лишь несколько часов назад я царапнула кинжалом ему горло, что мы грозили друг другу смертью, сообщать Лютеру, что теперь корона моя, я совершенно не торопилась, и это не вспоминая *другие* сильно пугающие события.

– Ему нельзя говорить об этом, – сказала я. – Никому нельзя. По крайней мере, пока. Пожалуйста, Лили, умоляю тебя!

– Но ведь ты наша королева, – прошептала Лили со страдальческим выражением лица.

Я сильнее стиснула ей плечи:

– Раз я твоя королева, ты должна мне повиноваться, так? Ты должна делать то, что я велю?

Лили закусил губу и кивнула.

– Тогда, как королева, я велю тебе не рассказывать об этом никому. *Особенно* принцу Лютеру.

Лили всхлипнула, сообразив, что попала в ловушку.

– Об этом все узнают, разок взглянув на тебя, – заметил Теллер, показав на корону.

– Наверняка есть способ спрятать ее или снять. – Я с надеждой взглянула на Лили. – Есть ведь?

– Король Ультер надевал корону лишь по особым случаям, – ответила Лили, потом замялась. – Но, возможно, снять ее получится лишь после того, как ты пройдешь Коронацию.

– Лили имеет в виду Обряд Коронации. Это ритуал, который проводят на Кёриле, – пояснил Теллер и показал на Святое море – в сторону запрещенного острова в его центре.

Я еще никогда так не радовалась тому, что мой братишка, единственный из смертных, получил приглашение учиться в престижной академии Потомков, поэтому прекрасно разобрался в их мудреных традициях.

– А когда его проводят? – спросила я.

– После Периода Оспаривания. В течение тридцати дней любой Потомок королевства может оспорить права нового монарха, если считает, что тот... – Теллер глянул на меня с сочувствием, – не достоин носить корону.

– Хорошо. – Я коротко хохотнула, чувствуя, как напряжение покидает мое тело. – Даже отлично. Лютер может оспорить мои права. Боги, да я просто уступлю их ему. Пусть хоть все Потомки считают меня недостойной, мне без разницы.

Теллер и Лили обменялись мрачными взглядами.

– Все не так просто, – медленно проговорил Теллер. – Если Потомок требует провести Оспаривание, он должен сражаться с новым монархом на дуэли, пока один из них не погибнет. – Казалось, слова причиняют Теллеру физическую боль. – Это битва не на жизнь, а на смерть, Ди.

– Наверняка есть другой способ... – Неподдельный ужас на лице братишки заставил меня замолчать.

Окружающий мир начал раскалываться. Если все это было правдой, привычная мне жизнь закончилась. Смертные с их совершенно оправданным недоверием к Потомкам и откровенной ненавистью к королевской семье выгонят меня из деревни. Я проживу достаточно долго, чтобы помириться с отцом? А чтобы найти нашу пропавшую маму?

А Генри... Боги, Генри!

Возлюбленный моего детства; мужчина, на брачное предложение которого я так и не ответила; человек, приведший меня в кровавые ряды Хранителей Вечнопламени, повстанческого движения смертных. Хранители доказали, что ради уничтожения Потомков не остановятся ни перед чем. Если они решат, что я одна из Потомков или, чего хуже, монарх...

Тяжесть всего этого начала тянуть меня на дно. Только вчера я была непримечательной смертной девушкой, жившей непримечательной жизнью, а теперь стала... И кем же я стала?

– Скажите мне, что это галлюцинация, – прошептала я. – Скажите, что я сошла с ума и это какой-то ужасный сон.

Руки Теллера обхватили мои плечи.

– Что бы ни случилось, одна ты не останешься. Мы справимся с этим вместе.

Его голос дрожал так сильно, что это едва не разбило мне сердце. Благодаря элитному образованию Теллер знал о последствиях восхождения на трон куда больше моего. Если ему так страшно...

Стыд захлестнул меня, охладив раскаленную лаву паники. Я старшая сестра, я должна быть сильной ради Теллера. Должна была обещать ему, что все наладится. После исчезновения мамы спокойный и уравновешенный Теллер и так стал в нашей семье опорой. Еще и это бремя я взвалить на него не могла.

Набрав в легкие побольше воздуха, я сминала, сминала, сминала страх в свинцовый шар, который можно закатить в темные закоулки сердца, потом отстранилась от Теллера и прижала ладонь к его щеке. В глазах братишки отразился свет от короны и выхватил весь страх, который Теллер так старательно прятал.

– Завтра ты пойдешь к отцу и к Генри. Скажешь им, что я уехала из Смертного Города в гости к подруге, а когда вернусь, не знаешь.

Теллер бросил взгляд на наш родительский дом:

– Нам точно не стоит поговорить с отцом прямо сейчас? Вдруг мама сказала ему что-то, прежде чем... – Он осекся.

– Сейчас не стоит. Сперва мне нужно разобраться в этом самой.

Теллер нахмурился, но кивнул. Я беззвучно вознесла молитву благодарности за верного брата, хотя кому ее адресовала, Клану Потомков или Старым Богам смертных, точно не знала сама.

– А сегодня куда мы пойдем? – спросил Теллер.

– Ты останешься здесь. Простудировешь свои учебники, выяснишь, что в них сказано о короне, об Обряде Коронации, об Оспаривании, – все, что может помочь мне решить эту проблему.

– А что насчет тебя?

На этот вопрос у меня ответа не было. Я не могла рисковать, показываясь хоть кому-то, пока эта жуткая штуковина парит у меня над головой.

– Я могу помочь, – вмешалась Лили. – В королевских охотничьих угодьях есть сторожка. Без разрешения монарха ее использовать никто не посмеет, так что тебя не потревожат. Кроме того, ты ее законный владелец. – Лили пожала плечами. – Отныне вся королевская собственность принадлежит тебе.

У меня сердце замерло при мысли о том, что все излишества и роскошь, за которые я некогда презирала монархов, теперь мои. Только подумать, что я могла бы сделать со всем тем богатством – сколько проблем решить, скольким людям помочь...

Я покачала головой, прогоняя шальные мысли. Я не собиралась цепляться за трон и уж точно не желала с кем-то сражаться за него не на жизнь, а на смерть. Все это было одной большой, немислимой ошибкой. Мне просто требовалось немного времени, чтобы это доказать.

Глава 2

Час спустя я осталась одна в королевской охотничьей сторожке, просторном деревянном доме, притаившемся в тихом уголке леса. Внутри дом богато отделали теплым деревом, обставили уютной мебелью, повесили шкурами. В гостиной слабо пахло табаком и гикори¹; стены украшали головы убитых зверей и картины маслом с изображением прошлых монархов.

Двери были заперты на кровезамки, отпираемые лишь «королевской кровью, пролитой добровольно». Когда я уколола палец и прижала его к гладкому черному диску, щелчок замка открыл скорее дверь в моей душе, чем у меня перед глазами.

От правды не убежать. *Королевская* кровь означала *мою* кровь. Я впрямь была королевой, по крайней мере, пока.

Лили ушла, вопреки моим протестам, пообещав вернуться с едой и сухой одеждой. Ее внезапное рвение служить мне сбивало с толку и совершенно не напоминало рядовое презрение, если не откровенную ненависть, с которыми относились к монархам большинство смертных. Мне подумалось, что легче уважать монарший престол, если растешь с уверенностью, что однажды его унаследует твой любимый брат.

Мне не хватило смелости спросить Лили, как Лютер может отреагировать на потерю короны, которую, по единодушному мнению окружающих, он должен был получить. Я гадала, как считает принцесса: Лютер убьет меня сразу или дождетя Оспаривания, чтобы сделать это более официально.

Даром что в последнее время Лютер и врагом моим не воспринимался. Он спас меня из рушащегося оружейного склада. А когда мы прощались, он так смотрел на меня, он так целовал меня...

По спине прокатилась дрожь.

Я подошла к большому каменному камину и с трудом развела огонь непослушными обмороженными пальцами. Сырая одежда облепила тело, и я никак не могла согреться, как сильно ни разгоралось бы пламя.

Насквозь промокшую тунику я сняла через голову и разложила у огня, затем так же поступила с остальными вещами. Я невольно фыркнула, увидев элегантно белое белье, которое этим утром кузина Лютера надела на мое бесчувственное тело. Бордовое кружево переплеталось с бархатной лентой, в застежке под чашами сапфир окружали жемчужины.

Как же мне влиться в мир, где даже вещи, которые прячут под одеждой, стоят больше, чем все мое имущество?

Я завернулась в одеяло и бросила в огонь полено, подняв целое облако кружащихся искр. Мышцы свело судорогой от приступа сильной паники: вспомнились оружейный склад и отчаянные крики пострадавших. Вздвигающиеся языки пламени обвиняюще тыкали в меня пальцем: «Это ты виновата! Ты их убила».

Казалось, меня жалят раскаленные угли, дождем полившиеся на меня, когда рухнуло здание. А на коже не было ни единого ожога или царапины – никаких следов пожара, которое спалило мне одежду и на несколько часов лишило чувств. Ни один смертный не должен был пережить такое, но если... если я не смертная...

– Нет! – рявкнула я, стискивая зубы, и отбросила эти мысли подальше прежде, чем они успели укорениться.

Воспоминания о пожаре наконец прогнали озноб, но оставили после себя невыносимую усталость. За один тот ужасный день я словно целую жизнь прожила. Безнадежно потерянная, я не представляла, где начинать поиск ответов.

¹ Род деревьев семейства ореховых.

– Когда больше ничего не удастся, продолжай двигаться, – сказала я пустой комнате, повторив команду, которую вбил мне в голову отец. – Если не можешь бежать – иди. Если не можешь идти – ползи.

Голос отца наполнил мои мятежные мысли: «Если ты в меньшинстве, в смятении, или кажется, что все пропало, продолжай двигаться. Только вперед, до самого последнего вдоха».

У меня сердце перевернулось. Во мне еще кипела злость нашей ссоры, но слова отца внесли очень нужную ясность. Нельзя вечно прятаться в этой сторожке. Мир не рыщущий зверь, который может потерять интерес и убежать прочь. Нужно и дальше двигаться вперед, выяснять, кто я такая и что значит носить эту корону.

Королева или нет, я оставалась Дием Беллатор, а Беллаторы не бегут от проблем только потому, что проблемы пугают.

За окном тяжело застучали копыта. Лили явно вернулась верхом.

Я почувствовала укол вины за то, что юная девушка ночью таскается туда-сюда, напрасно стараясь завоевать мое расположение. Плотнее обернув одеялом полуголое тело, я подошла к двери и распахнула ее, не дав Лили постучать.

– Честное слово, Лили, зря ты... – Я осеклась, перехватив взгляд светлых, почти серебряных глаз, область которых пересекал глубокий, зловещий шрам.

Глаза принца Лютера. Лили предала меня.

* * *

Если я раньше думала, что видела гнев Лютера, то это было пустяком по сравнению с безумной яростью стоящего передо мной сейчас.

Я едва узнавала принца: вытаращенные глаза, дикий взгляд, бескровные губы. Его грудь вздымалась от учащенного дыхания, мышцы были напряжены до дрожи. Лютер больше напоминал зверя, чем неизменно хладнокровного принца, к которому привыкла я. Меч с инкрустированным драгоценными камнями эфесом Лютер обычно носил за спиной, а сейчас оголил и зажал в пальцах с побелевшими костяшками.

Очевидно, принц не собирался ждать Периода Оспаривания, чтобы пролить мою кровь.

Я беззвучно выругалась. Моими смертными кинжалами кожу Потомка не пронзишь, а единственное оружие, которое могло меня спасти – клинок из фортосской стали, подаренный Бреком, другом Генри, – я потеряла, бросив к ногам Лютера в пылу нашего нечаянного поцелуя.

Воспоминания о той сцене подогревали мне кровь.

Кольца света и тени, проявление магии Потомков, вьющимися побегами клубились вокруг предплечий Лютера. Шрам, рассекавший ему лицо, казался темнее обычного, предвещающая насилie, которое ему было по силам развязать.

Лютер приблизился на шаг, встав в дверном проеме. Лишь собрав всю свою смелость, я подавила желание отступить.

Как ни странно, сердце мне кольнула обида. Вопреки нашим колоссальным различиям и моим подозрениям касательно его роли в исчезновении моей матери, наивная часть меня чувствовала, что между нами образуется какая-то связь. Связь не вполне дружеская, а... иная.

Но меч в руке Лютера и жгучая пульсация его ауры не оставляли сомнений: он явился сюда явно не ради дружбы.

По коже поползли ледяные мурашки страха, но я расправила плечи и подняла подбородок. Может, мне страшно, но я скорее умру – наверное, в буквальном смысле, – чем покажу свой испуг Лютеру Корбуа.

– Без боя не сдамся, – предупредила я. – Хотя бы дай мне меч, чтобы бой получился справедливым, если тебе в принципе известно значение этого слова.

Темные линии его бровей сдвинулись, заострившиеся черты лица стали чуть спокойнее.

– Вряд ли я виновата в том, что корона выбрала меня, а не тебя, – продолжала я. – Вот только выясню, как от нее избавиться, и можешь забирать. Не желаю иметь ничего общего ни с тобой, ни с твоей расой.

На лице у Лютера отразилось изумление. Неужели ему никогда не приходило в голову, что кто-то может не желать короны?

Я опасливо посмотрела на его меч с инкрустированным эфесом:

– Раз не хочешь давать мне оружие, убей меня магией. Умирать от *этого* я отказываюсь. Слишком постыдно.

Лютер проследил за моим взглядом и ошетинился, глядя на свой меч так, словно только что его заметил.

– Как давно ты знаешь правду? – спросил он с убийственной мягкостью. – О том, кто ты такая. О том, кем ты станешь.

Я стиснула зубы:

– Я уже говорила тебе. Я простая смертная. Ничего подобного я не ожидала.

– Врать бессмысленно. Для секретов слишком поздно.

Я позволила одеялу упасть и решительно приблизилась к принцу.

– Как ты смеешь читать мне нотации о секретах?! – прошипела я. – Почему тебе не рассказать мне о том, что ты сделал с моей матерью?!

Замерев, Лютер смотрел на меня. Темные мысли явно отразились в его взгляде, медленно скользившем по моему обнаженному телу.

– Подними взгляд, принц! – рявкнула я.

Зрачки Лютера расширились, и он снова посмотрел мне в глаза.

Я кивнула на его меч с инкрустированным эфесом:

– А теперь убери эту кичливую железку, пока я не сделала это за тебя.

Целую минуту принц изучал меня, не говоря ни слова. Его желваки так и ходили под кожей: он принимал какое-то непростое решение – вероятно, определял, в какую часть меня нанести удар в первую очередь.

– Поэтому ты убила короля? – наконец спросил он. – Потому что думаешь, что я обидел твою мать?

– Убила короля? – Я чуть не подавилась словами.

– Незадолго до его смерти ты оставалась с ним наедине.

– По *твоей* просьбе! И на тот момент он был чуть жив.

– Стражи сказали, что слышали спор. В покоях были признаки борьбы.

Я закрыла рот. Я так и не поняла, что случилось во время моей странной встречи с умирающим королем: он пригвоздил меня к себе с невероятной силой; его хрупкое тело сияло неестественным светом.

«Они предупреждали, что ты придешь за мной, – проговорил тогда король Ультер. – Они сказали, что твоя кровь разрушит наши основы и сметет наши границы. Пожирательница Корон, Разрушительница Королевств, Вестница Мщения».

О нашей маленькой беседе распространяться не стоило.

– Что случилось с моим дядей? – потребовал Лютер.

– Ничего, – буркнула я.

– Он говорил с тобой?

– Тебя это не касается.

– Скажи мне! – прорычал Лютер.

Я подбоченилась и ответила на его гневный взгляд таким же:

– Не скажу, пока ты не объяснишь, где моя мать.

Лютер заметил это движение, и его взгляд скользнул к моей обнаженной талии.

У него аж ноздри затрепетали.

– Твоя мать в этом участвовала? Я знал, что вы вместе что-то замышляете. Твое странное поведение во дворце, твои попытки флиртовать со мной, чтобы отвлечь...

– Флиртовать с тобой?! – проорала я. – *Флиртовать* с тобой?! Насколько я помню, Лютер Корбуа, это ты вечно не давал мне прохода. – Принц открыл рот, чтобы ответить, но я, чувствуя, что щеки мне заливают горячий румянец, ткнула пальцем ему в грудь и заставила его замолчать. – Я не стала бы флиртовать с тобой, даже будь ты последним из живых мужчин на нашем гребаном континенте.

Серо-голубые глаза Лютера вспыхнули.

«Лгунья», – будто бы говорили они.

Началось безмолвное противостояние. Я тратила все силы, чтобы сохранять свирепый вид, а Лютер, казалось, не мог разобраться в выражении моего лица и искал ответ, скрытый глубоко внутри. Он протянул ко мне руку, а когда я отшатнулась, замер, сжал пальцы и опустил ладонь.

Лютер поднял взгляд, сосредоточившись на бесплотной короне. Казалось, ее вид его умиротворяет. Дыхание принца замедлилось, на лице отразилось что-то непонятное.

– Ты и твоя мать не связаны со смертью короля? Клянешься, что это так?

– Вообще-то тебе я никакие объяснения давать не обязана! – фыркнула я. – Но нет, я с его смертью не связана, клянусь. Если с ней связана моя мать, то мне об этом не известно.

Лютер оценивающе посмотрел на меня, потом отступил на шаг и вложил меч в ножны:

– Одевайся, я отвезу тебя во дворец.

– Прости, но мне придется отказаться, – сухо проговорила я.

– Ты собираешься править целым Люмносом из сторожки в лесу?

– Я вообще ничем править не собираюсь. Я же сказала, что не хочу эту корону. Как только найду способ ее снять, можешь сражаться за нее со своими друзьями.

Лютер нахмурился:

– От короны можно избавиться, только умерев.

– С этим мы разберемся, – буркнула я, подняла одеяло с пола и отступила вглубь сторожки.

Я приблизилась к камину и взяла свои сырые вещи. Лютер откашлялся и смущенно отвернулся, пока я одевалась. На миг я даже вкус победы почувствовала: вот ведь, принца проняла.

– Даже если ты настойчиво желаешь остаться здесь, тебя найдут, – проговорил он через плечо. – Гриверна монарха теперь привязана к тебе, и долгой разлуки Сора не вынесет. Стоит мне вернуться во дворец, она последует за твоим запахом. А моя семья поймет, что нужно следовать за ней.

– Тогда, наверное, мне стоит убить тебя, чтобы ты не вернулся во дворец.

Лютер и бровью не повел:

– Сора все равно тебя найдет. Ее зовет сила короны.

Я вспомнила потрясающее создание, которое видела во время предыдущих визитов во дворец, – легендарное чудовище с головой морского дракона, крыльями и когтями орла и телом льва. Иметь такое невероятное существо в услужении...

– Если поедешь со мной сейчас, то, по крайней мере, явишься во дворец на своих условиях. Сможешь рассказать лишь то, что захочешь рассказать, – продолжал Лютер. – В нашем мире это огромнейшее преимущество.

Скрепя сердце мне пришлось признать, что Лютер прав. А я ведь только ругала себя за то, что свои проблемы решаю слишком опрометчиво.

Со вздохом, слишком напоминавшим стон, я застегнула на поясе ножевой ремень, потом, морща нос, натянула хлюпающие сапоги.

Я шагнула в поле зрения Лютера и скрестила руки на груди:

– Полагаю, Лили сказала тебе, что я здесь?

Лютер встретил мой взгляд, но промолчал.

Я изогнула бровь:

– Она должна была вернуться сюда. Я не могу уехать, если девушке среди ночи придется идти в пустую сторожку.

Лютер стиснул зубы:

– Лили сюда не придет.

– Значит, она таки предала меня, – буркнула я.

– Не сердись на нее. Лили думала, что помогает тебе.

– Почему? Потому что ты пообещал ей, что поможешь мне? – фыркнула я. – А потом приехал сюда махать мечом и обвинять меня в убийстве. Снова.

Не будь я уверена, что принц не способен на такие эмоции, то подумала бы, что за его ледяным взглядом притаилось чувство вины.

Собрав вещи, я жестом велела Лютеру потушить огонь. От взмаха его руки вокруг камина сгустился и зашипел темный туман. Когда тени растаяли, от пламени остался лишь завиток дыма.

Не удержавшись, я *таращилась*. Я была свидетельницей ужасающего насилия, которое способна вызывать магия Потомков, но видеть, как магической силой разбрасываются так просто, так небрежно... Я сомневалась, что когда-нибудь привыкну к этому.

– И ты могла бы так сделать, – проговорил Лютер, заметив мое восхищение, и кивнул на дымящиеся уголья. – Раз корона выбрала тебя, значит, твоя магическая сила превосходит мою.

– Нет у меня никакой магической силы.

– Ясно, продолжай себе врать.

Мой взгляд мог испепелить его заживо.

– У меня *нет* магической силы.

– Не может быть. И с твоей стороны будет очень разумно не упоминать это во дворце.

Закатив глаза, я протиснулась мимо него и вышла в прохладный вечерний воздух. К ближайшему дереву была привязан конь.

Один конь.

Только один конь.

Я резко остановилась.

– Ни в коем случае, – заявила я, качая головой. – На одном коне с тобой я не поеду.

– Тут недалеко.

– Тогда пешком дойду. Хотя я же монарх. *Ты* пешком пойдешь.

– Клянешься, что не хочешь власти, а сама вон как быстро начала ею пользоваться.

Я пронзила Лютера самым злобным из своих взглядов, отчего уголки его рта слегка приподнялись. Что это было... Он насмехается надо мной?

– Не мог привести двух коней?

– Я не ожидал, что понадобится больше одного.

– Ты не рассчитывал, что я пойду с тобой, или собирался убить меня до возвращения во дворец?

Лютер прошел мимо меня не ответив.

Конь оказался настоящим гигантом – его спина была на целую голову выше меня. В вечернем мраке его белая лоснящаяся шерсть сияла звездами, лишь промеж глаз чернела отметина.

Восторгаясь прекрасным скакуном, я почувствовала, как просыпаются какие-то воспоминания. Почему-то конь казался мне знакомым. Но это было невозможно: *таких* коней я прежде не видела.

Предсказуемо вычурное седло было вышито яркими узорами и обильно инкрустировано драгоценными камнями. С малинового чепрака из стеганого шелка свисала бахрома из мелких жемчужин, по бокам к седлу крепились стремена из чистого золота. Как многие изготовленные Потомками предметы, оно было потрясающе красивым и до абсурдного непрактичным.

Язвительные комментарии я оставила при себе лишь потому, что была слишком занята насмешками над рукой, которую Лютер протянул мне, чтобы помочь сесть на коня. С огромным трудом и унижительным пыхтением я наконец взобралась на коня и устроилась в седле.

Я замерла, когда рука Лютера скользнула мне по боку, чтобы ухватиться за рожок седла меж моих разведенных бедер. Одно плавное, грациозное движение, и Лютер, вскочив на коня, устроился у меня за спиной.

Изгиб седла вынуждал нас сидеть вплотную друг к другу, мускулистые бедра Лютера прижимались к моим. Его руки, державшие поводья, скользили по моей талии, а когда он наклонился вперед, его подбородок касался моего виска.

Знакомый аромат Лютера ошеломил меня. От него должно было пахнуть богатством. От него должно было нести экзотическими благовониями и специями, не доступными ни одному из смертных; всеми символами его привилегированного статуса.

Вместо этого в пьянящем мускусном аромате Лютера ощущались ноты кедра, кожи и мха. Лютер пах лесом – моим самым любимым местом на свете, единственным местом, где я чувствовала себя по-настоящему живой.

Лютер пах домом.

От этого я ненавидела его еще сильнее.

– Ты дрожишь.

– Я в полном порядке.

Лютер все равно крепко обнял меня, и я едва сдержала стон: так приятен был обжигающий жар его тела, проникавший сквозь мою промокшую одежду.

Лютер пустил коня рысью. Наши тела раскачивались в размеренном ритме, отодвинуться от Лютера не получалось. Его бедра беспрестанно терлись о мои, да еще казалось, он прижимает меня к себе все крепче, крепче и крепче. Лютер дышал, и я чувствовала каждое движение его груди, каждый громкий удар его сердца, стучащего еще быстрее моего.

Я гадала, не терзают ли его, как меня, воспоминания о случившемся между нами в последний раз: его руки были у меня на талии, мой кинжал у его горла, потом его губы на моих губах, мои пальцы у него в волосах.

Я подумала о Генри, и чувство вины затопило меня. Официально мы никогда не встречались, но его брачное предложение не оставляло сомнений: он считал, что мы больше чем случайные любовники. Узнай Генри о том поцелуе...

Впрочем, это казалось наименьшей из наших проблем. Никто не ненавидел Потомков сильнее, чем Генри. Он мог упасть на колени и поблагодарить Старых Богов за то, что раскрыли мою чудовищную сущность прежде, чем он приковал себя ко мне узами брака.

На глаза навернулись горячие слезы. Вопреки трещине, образовавшейся между нами, я не была готова потерять Генри, и уж точно не ради короны, за которую не собиралась цепляться.

Спасибо ветру, который хлестал мне лицо и стирал следы эмоций. Каждый этап моей жизни был полнейшей катастрофой, но я решила изображать уверенность перед Лютером и теми, кто ждал меня в конце этой поездки.

Мы резко повернули, и рука Лютера стиснула мне бедро, чтобы удержать в равновесии. Мои возражения не успели превратиться в слова из-за одуряющего прикосновения губ Лютера к моему уху.

Дорожка выпрямилась, конь поскакал галопом. Мои волосы развевались на ветру, щекоча Лютеру лицо, поэтому он аккуратно убрал их мне за ухо. Его пальцы неспешно очер-

тили изгиб моей шеи, и на сей раз я не могла объяснить холодом дрожь, прокатившуюся по моей спине.

Конь скакал все быстрее, и мой взгляд привлекли вспыхивающие на солнце золотые нити, вплетенные в шелковистую гриву. В памяти всплыла давняя беседа.

«...ехал на гигантском коне, таких огромных я в жизни не видывал. Никогда того коня не забуду – белый как снег, с черной отметиной между глаз и высокий, как дом. И с золотой лентой в гриве».

Тут я догадалась. Поняла, почему конь показался знакомым. Я прежде его не видела, а вот Генри видел.

Генри стал свидетелем того, как конь и его жестокий всадник затоптали смертного мальчишку в Люмнос-Сити. После той трагедии Генри присоединился к войне Хранителей против Потомков.

«Когда я сказал ему, что мальчишка погиб, он даже пальцем не пошевелил. Так и сидел на коне, разодетый в золото, и смотрел на труп как на пустое место. Потом он просто стряхнул с седла грязь и ускакал прочь».

Лютер – в тот день Генри видел Лютера. Это он бездушно затоптал мальчишку.

Кровь у меня закипела так, что мог пойти пар. Я сосредоточила внимание на копытах коня, стучавших по гравиевой дорожке, – на копытах, растоптавших невинного ребенка.

Как могла я хоть на миг поверить, что этот мужчина мне не враг? Я видела его жестокость по отношению к собственным стражам, легкость, с которой он проливал их кровь за невыполнение его приказов. Лютер признавался в любви к покойному королю, ответственному за бесчисленные зверства по отношению к смертным.

Слишком глупая и наивная, я соблазнилась его красивым лицом и упала прямоком в смертоносные объятия.

Лютер должен был заплатить. Они все должны были заплатить.

Наверное, я чересчур поспешно отказывалась от короны. Вдруг она уравнивает угнетателей и угнетенных? Я могла бы привлечь их к ответственности – Лютера и остальных. Я могла бы заставить их страдать так, как страдала моя раса, и наконец, наконец дать смертным хороший шанс вернуть украденное у нас в давние времена.

В глубине души у меня созрела холодная решимость. Я всегда мечтала о великих свершениях, и вот он, мой шанс. Судьба манила безошибочной ясностью.

Пережить Оспаривание.

Пройти Обряд Коронации.

Уничтожить Потомков.

Глава 3

Едва конь Лютера ступил на выложенную каменной мозаикой подъездную аллею, ведущую к дворцовой двери, я перекинула ноги через седло и спрыгнула на землю.

К телу этого *убийцы* я не могла прижиматься больше ни секунды. Каждый миг нашей поездки я планировала его крах.

Лютер что-то прокричал, но его слова остались неслышанными: я шла к парадной двери, подняв взгляд высоко на насест гриверны. Он пустовал, Сора нигде не просматривалось, но каким-то образом я ее чувствовала. Пульс гриверны стал голосом, который звал меня даже за многие мили.

«Ее зовет сила короны», – сказал в сторожке Лютер.

Может, сила гриверны в ответ звала меня.

– Ко мне, Сора! – шепнула я.

Слова вылетели будто не из моего горла, а из какого-то нового источника власти глубоко внутри меня, который я сама еще не исследовала.

– Я здесь, – продолжала шептать я, вглядываясь в обсидиановое небо.

Через несколько секунд показалась Сора, нарезающая широкие, быстрые круги вокруг дворца. Ее пронзительный крик огласил придворцовую территорию, словно фанфары, возвещающие о прибытии королевы. Удары мощных крыльев гриверны звучали в такт со стуком моего сердца. Все шансы прибыть незамеченной исчезли, когда толпа темных фигур образовалась за окнами дворца, обрамленная золотым светом, льющим изнутри. Королевская семья собралась посмотреть.

Хорошо.

– Ко мне, Сора! – крикнула я.

Командовать гриверной было на удивление естественно, словно мы с ней всегда были вместе, а наши души связывала глубокая древняя связь.

Траектория гриверны изменилась. Быстрее молнии она бросилась ко мне, затем приземлилась, подняв облако пыли, – под ней аж каменная плитка потрескалась. Крылья были широко разведены, темные перья трепетали, а потом раз, и крылья сложились, прижавшись к изящному львиному телу.

Сора изогнула шею и издала оглушительный вопль. Небольшая группа стражей, собравшаяся у входа, встревоженно отступила на пару шагов.

Для моих ушей это было как урчание. Его звук умиротворял присущую мне от рождения дикость души, отвечал на вопрос, который я задавала, не осознавая сама.

Я шагнула вперед, вытянув руку.

Лютер снова меня окликнул, наверное, предупреждая. Я не сомневалась, что гриверна меня не тронет. Сора скорее вырвала бы себе горло, чем тронула волосок у меня на голове. Откуда такая уверенность, я не представляла, но знала это так же точно, как собственное имя.

Узкая морда Сора опустилась навстречу моей руке. Я улыбнулась, а она тихо заклекотала, узнавая меня.

– Ты знала, да? – Кончиками пальцев я гладила грубую, шероховатую кожу у нее под зобом. – Еще до смерти короля ты откуда-то знала, кем я стану.

Сора фыркнула и медленно моргнула золотыми змеиными глазами.

Приблизившись еще на шаг, я обхватила руками массивный подбородок возвышавшейся надо мной гриверны. Мои пальцы скользили по темным чешуйкам ее длинной шипастой шеи, пока они не сменились покрытой шерстью сталью ее мощного тела. Плотные мышцы трепетали от моего прикосновения.

Словно в ответ Сора головой уткнулась мне в бок, прижимая меня к себе. На Лютера и стражей она посмотрела, зарывчав низко и раскатисто.

Так звучало предупреждение любому, кому хватит глупости угрожать ее королеве.

– Потрясающе! – Я хрипло засмеялась, не в силах сдержать улыбку. – Ты... невероятная!

Я почувствовала дикую силу ее преданности мне, обусловленную лишь короной у меня над головой. Я принялась гадать, сколь глубока ее верность. Станет ли Сора защищать меня от всех Потомков? От других монархов, от их собственных гриверн?

Сора явно читала мои мысли так же легко, как я читала ее. С пронзительным воплем она подняла острый, как лезвие, коготь. Да, она защитит. Да, она нападет. Стоит мне позвать, и Сора откликнется.

Отрезвляющая реальность заставила содрогнуться.

Посмотрев на Лютера, я, как ни странно, увидела в его глазах любопытное изумление. Он вырос, видя гриверну рядом с дядей. Однажды он рассказывал мне о ней, как о его взбалмошной домашней любимице. Его наверняка удивляло, что она так быстро переметнулась к следующему монарху.

Возможно, он жалел, что не убил меня в сторожке, когда я была легкой жертвой. Теперь меня охраняла Сора, и покончить со мной стало куда сложнее.

В ответ гриверна фыркнула.

Я улыбнулась, погладила ее по подбородку и повернула к дворцу. К входу я направилась с высоко поднятой головой, не сводя глаз с силуэтов собравшихся, которые следили за каждым моим движением. Лютер вошел за мной в фойе, отстав примерно на шаг.

Стражи, однажды напавшие на меня за то, что я осмелилась пронести во дворец оружие, теперь держались подальше. Они прятали взгляд, когда прижимали кулак к груди в формальном приветствии.

Я прошагала в глубину фойе, а потом была вынуждена признать, что идти мне некуда. Лютер попросил меня прийти во дворец, я согласилась. И что теперь?

Повернувшись к нему лицом, я подбоченилась.

– Ну вот, я здесь, – просто объявила я.

Обычно холодный взгляд принца потеплел от радостного изумления.

– Вот уж вошла так вошла!

Я ухмыльнулась:

– Думаю, мы с Сорой крепко подружимся.

– Тут будь осторожна. Гриверны верны своим монархам, но могут действовать по собственной воле. Если ты боишься или сильно кого-то не любишь, Сора может лишить его или ее жизни в попытке тебя порадовать.

Я медленно приблизилась к Лютеру и подалась к нему:

– Похоже, осторожной нужно быть не мне одной.

Глаза Лютера вспыхнули от моей угрозы.

– Я попросил Лили собрать семью на втором этаже. Предположил, что тебе лучше встретиться со всеми сразу, но если хочешь посвятить следующие несколько дней знакомствам тет-а-тет...

Да я лучше в Святом море утонула бы, чем занялась бы хоть одним, хоть другим.

– Общее знакомство меня вполне устроит.

Лютер кивнул, потом неуверенно взглянул на меня:

– Эта встреча очень важна и для тебя, и для моей семьи. Если желаешь, я попрошу их заново собраться завтра и могу предложить совет о том, как про...

– Твой совет не требуется.

Лютер стиснул зубы:

– Очень хорошо, но, может, стоит поспать и переодеться...

– Мне и так неплохо, – перебила я.

Я понимала, что веду себя опрометчиво. Если кто-то в девяти королевствах и мог дать мне дельный совет, то это Лютер. Речь шла о его семье, и он, несомненно, годами просчитывал ходы, которые должен будет сделать новый монарх.

Только доверять ему я не могла.

Ни в этом вопросе, ни в каком другом.

– Как пожелаешь, – холодно проговорил Лютер. – Следуй за мной.

Мы молча шли по дворцу, пока не показался арочный дверной проем. На массивной дубовой двери вырезали Сору, изобразив, как изящная гриверна пробирается сквозь лесную чащу. Когти выпущены, крылья расправлены, пасть раскрыта в беззвучном крике, клыки обнажены...

Поза Лютера изменилась – он снова превратился в горделивую статую, которую так часто изображал. Плечи расправлены, спина прямая, зубы стиснуты. Внезапная перемена застала меня врасплох: я и не подозревала, как здорово он расслабляется в моем присутствии.

– Готова? – спросил Лютер, глядя на меня сверху вниз.

Я попыталась незаметно скопировать его движения – сделала круг плечами и вызывающе подняла подбородок.

– Готова, – ответила я, кивнув.

Лютер прижал ладонь к двери, потом замер:

– Ты спасла жизнь моей сестре, поэтому я перед тобой в неоплатном долгу. Вряд ли ты прислушаешься, но позволь дать совет, который может спасти тебе жизнь. – Лютер сделал паузу, и его голос зазвучал куда мрачнее: – Рассказывай им как можно меньше – о себе, о своих планах, о своей магии. И особенно о своей матери.

Не успела я ответить, Лютер махнул рукой – по двери расползлись переплетенные побеги света и тени, широко ее распахивая.

Глубокий вдох, и я шагнула вперед, чтобы занять свое место на троне.

Глава 4

Одного мгновения хватило, чтобы понять: согласиться на эту встречу в спешке и без подготовки было ошибкой.

Королевская семья оказалась большой. *Очень* большой. Не менее ста Потомков толпились в просторной гостиной, и всё продолжали прибывать – заходили через дверь в глубине комнаты.

Потомки облачились в свои лучшие наряды, гостиная утопала в шелке и атласе, парче и бархате. Волосы всех цветов радуги и у мужчин, и у женщин были заплетены в сложные косы, собраны в высоченные пучки, завиты элегантными локонами. На руках сверкали умопомрачительные цапки, любой из которых хватило бы, чтобы годами кормить семью смертных.

Во время моих прошлых визитов во дворец большинство Потомков, которые мне попадались, были одеты чересчур формально – скорее для бала, чем для обычного дня дома. А вот сегодня на многих членах королевской семьи, особенно на близких мне по возрасту, было возмутительно мало одежды. Даже секс-работницы из Райского Ряда скромнее одевались.

Почти все взрослые были выше меня и смотрели сверху вниз, надменно поднося идеально прямые носы. Для смертной женщины я всегда считалась высокой, но для женщины-Потомка, если я впрямь была из них, я наверняка была миниатюрной, и это действовало мне на нервы. Я не ценила то, как рост влиял на мою самооценку, пока не лишилась этого преимущества.

Разумеется, каждый из Потомков был произведением искусства, головокружительно красивым на свой собственный манер. Характерно синие глаза оттенками варьировались от темнейшего индиго до блестящего кобальта и бледно-голубого, почти белого. Прожив всю жизнь среди кареглазых смертных, я чувствовала, что один синий взгляд завораживает больше другого.

Роскошным убранством отличалась даже гостиная. Целую стену расписали вручную, изобразив короля Ультера на троне; его лицо уже задрапировали черной траурной лентой. Меж стульями и диванчиками стояли столы, заставленные золочеными кубками и графинами из резного хрусталя с тяжелым дном, сверкающими в свете огромной люстры.

И перед ними стояла... я.

Мокрая, испачкавшаяся, в одежде не по размеру, пропахшей соленой водой. С растрепанными волосами, наполовину выбившимися из неопрятной косы. С тусклыми, бесцветными глазами и покрасневшими от усталости веками. Со смертными кинжалами, бесполезными, как пруттики.

В мире смертных мое эго подпитывали родители. Отец учил меня быть сильной и бесстрашной, умело владеющей оружием всех видов. Мать учила меня быть умной, независимой и, самое главное, не бояться высказывать свое мнение.

Но здесь, среди детей богов, я чувствовала себя, скорее, бесталанной посредственностью. Я смотрела на них, не шевелясь, не говоря ни слова, сожалея о каждом своем решении. Очень некрасиво получится, если я убегу из дворца в Смертный Город и познакомлюсь с ними как-нибудь потом?

Рука Лютера тыльной стороной задела мою – лишь на миг, но касание получилось слишком долгим, чтобы сойти за непреднамеренное.

Лютер низко опустил подбородок:

– Ваше Величество, имею честь представить вам мою семью, Дом Корбуа. – Он показал на собравшихся в гостиной. – Дом Корбуа, имею честь представить вам монарха, наследницу короны, Ее Королевское Величество Дием Беллатор, владычицу Люмноса, Королевства Света и Тени.

Тишина.

Никто не шелохнулся.

Лютер слегка прищурился, его голос зазвучал громче:

– Наш король умер. – Он повернулся лицом ко мне, потом сжал руку в кулаке и с силой ударил себя в грудь. Еще ниже опустив подбородок, он преклонил колени. – Да здравствует наша королева!

Почти мгновенно примеру брата последовала Лили, а потом, один за другим, остальные; даже слуги, которые тихо наполняли стаканы и вытягивали шеи, чтобы глянуть на меня. Гостиная замерла в ожидании моей реакции.

Я смотрела на коленопреклоненных. Малодушная, придирчивая Дием хотела сбежать, оставив их мариноваться в страхе того, что их влияние подошло к концу. Но если я решила самостоятельно разрушить власть Потомков, придется делать это изнутри. А для этого было нужно, чтобы они мне доверяли.

Пока.

– Можете подняться, – проговорила я.

Вперед выступил пожилой мужчина с темными волосами, светлой кожей и холеной бородой:

– Ваше Величество, я Реми Корбуа, младший брат покойного короля Ультера, да упокоит Блаженная Мать Люмнос его душу. Имею честь править нашим королевством как регент до вашего Обряда Коронации. – Реми сделал паузу, выжидая глядя на меня.

Я молчала. Реми откашлялся и сделал знак рукой. К нему подошла женщина с тонкими губами и длинными черными кудрями, следом Лили, старательно прятавшая от меня глаза.

– Позвольте представить мою жену Авану и нашу дочь Лилиан. – Дамы синхронно сделали реверанс. Реми бросил взгляд на Лютера: – Кажется, с моим сыном вы уже знакомы.

Родители Лютера... и Лили. Как же они вырастили настолько разных детей? Склонив голову набок, я бесцеремонно их разглядывала.

В ответ на мое пристальное внимание Реми стиснул зубы:

– Позвольте также представить вам моего старшего брата Гэрета Корбуа, Стража Теней, его жену Фрею и их сыновей, Эмонна и Тарана.

Четверо красивейших из виденных мной Потомков выступили из толпы – двое пожилых и двое молодых. Казалось, семью высекли из мрамора и окунули в жидкое золото.

Пожилая пара изумляла элегантностью. Они буквально выплыли вперед, словно на волнах воздуха. У пожилого мужчины были смуглая кожа и темно-русые волосы, чуть тронутые сединой. Женщина показалась мне не от мира сего – светлая кожа, платиновые волосы, шелковой рекой стекавшие до изгиба талии. Черты лица у обоих были угловатые, что подчеркивало холодную хитрость их глаз. Я отметила, что супруги лишь чуть заметно кивнули, когда приблизились.

А вот их сыновья...

Младший, Таран, выступил вперед первым. Я узнала в нем блондина, сопровождавшего Лютера при пожаре на оружейном складе. Сухая стена мышц, Таран должен был выглядеть устрашающе, но кривоватая полуулыбочка и расслабленная поза тотчас меня успокоили. В простой белой тунике и кожаных брюках он казался бы смертным, если бы не мощное сложение.

Таран поклонился быстро и низко, невзначай коснувшись рукоятей своих кинжалов. Они тоже оказались простыми: красоте предпочли эффективность, что среди Потомков было редкостью.

Таран явно увидел, что я заметила его прикосновение, потому что быстро опустил руку и сконфуженно улыбнулся:

– Рад знакомству, Ваше Величество!

Раз, и Тарана оттолкнул его старший брат Эмонн, который встал перед ним и поклонился до самого пола.

Не стала бы отрицать, что Эмонн великолепен. Стройнее мускулистого брата, он двигался с плавной грацией своих родителей. Короткие золотистые волосы были уложены идеальными – ни волосок не выбивался – волнами. Ничего общего с неряшливыми, длиной до плеч кудрями его младшего брата.

Эмонн наклонился вперед, чтобы взять меня за руку, мягкими пальцами оплел мои и поднес их к губам.

– Да здравствует королева! – проурчал он.

Краем глаза я заметила, как Лютер и Таран обменялись раздраженными взглядами.

Если честно, флирт Эмонна показался мне беспардонным, но стоило выяснить, что его недолюбливает Лютер, и во мне проснулась коварная интриганка. Я захлопала глазами и улыбнулась, словно Эмонн меня очаровал.

– Какой галантный! – проворковала я.

Лютер сильно нахмурился.

Следующий час прошел в безостановочных официальных представлениях. Каждый из Корбуа был вежлив, пусть даже и холоден, хотя меньшего я и не ожидала. В моем усталом сознании их лица слились воедино, и когда встречающие меня кончились, я запомнила буквально пару имен.

На общем бесстрастном фоне ярко выделялась молодая женщина по имени Элинор. Ее веселый смех оказался и неожиданным, и заразительным. Болтая с ней, я почувствовала, что ее задор передается мне. Голос Элинор разбудил смутные воспоминания, хотя где его слышала, я не помнила, и спросить не решилась.

Еще запомнилась Аликс. Как Таран, она была у оружейного склада в ночь нападения. Когда Лютер запретил мне входить в здание склада, одна Аликс верила, что я смогу спасти застрявших там стражей. По ее взгляду я поняла, что она меня узнала, и мы обменялись кивками в знак взаимного уважения.

Аликс была... Я с трудом подбирала слова, чтобы ее описать. Она была идеальной воительницей. Гибкое, но мускулистое тело, обильный пирсинг, полубритая голова – казалось, Аликс родилась для поля боя.

Не безмозглой исполнительницей приказов. Нет, казалось, Аликс из тех, кого отправляют уничтожить вражеского короля в его собственном военном лагере и ждут обратно целым и невредимым. Аликс была непобедимой героиней, которую я лишь изображала в детстве, играя в «войнушку» с Теллером.

Одна часть меня преклонялась перед Аликс и думала, как убедить ее сделать меня ей подобной. Другая часть вспоминала о моих тайных целях и гадала, не придется ли мне убить ее прежде, чем она убьет меня.

Лютер не покидал меня почти весь вечер, сохраняя неизменное спокойствие. Он отпустил лишь несколько комментариев и вмешивался, лишь чтобы выручить меня, когда вопросы его родственников становились неудобно пытливыми.

Изредка он отлучался дать приказ слугам или стражам, и я злилась на себя за сильную тревогу, которую испытывала в его отсутствие. Недоверие недоверием, но он стал якорем в бурных водах странного, нового для меня мира, и к самостоятельному плаванию я готова пока не была.

Когда я со всеми перезнакомилась, Реми, отец Лютера, снова выступил вперед и повел меня к диванчику в центре гостиной. Он сел напротив меня вместе с женой и дочерью. Гэрет, дядя Лютера, и его семья присоединились к нам, устроившись на стульях и пуфиках, пока остальные Корбуа топтались неподалеку, безуспешно притворяясь, что не подслушивают.

Лишь Лютер отважился сесть рядом со мной.

– Мой сын объявил вашу фамилию как Беллатор, – проговорил Реми. – Боюсь, я не знаком с этим Домом. Из какой части Люмноса вы родом?

Я чуть не засмеялась. Среди смертных имя моего отца считалось легендарным. А то, что Реми – регент и не знает смертного героя войны, который живет в его королевстве... лишний раз подтверждало верность моих планов.

– Я из этого региона, – ответила я. – По сути, я всю жизнь прожила в двух шагах от этого самого дворца.

Лютер напрягся.

Реми вскинул брови:

– В самом деле, удивительно. Я думал, что знаю все Дома в Люмнос-Сити.

Я холодно улыбнулась:

– Возможно, с жителями нашего великого королевства вы знакомы хуже, чем думаете.

На лбу у Реми запульсировала вена.

Он улыбнулся в ответ и кивнул:

– Недочет, который я немедленно исправлю.

К нашей группе подошла Аликс:

– Вы родственница Андрея Беллатора?

– Это мой отец, – подтвердила я.

Реми повернулся к Аликс:

– Ты его знаешь?

– Я знаю его имя. И думала, что все знают.

Аликс нравилась мне все больше и больше.

– Беллатор – очень уважаемый командир армии, – продолжала Аликс. – Он имеет наивысшее для смертного военное звание в современной истории. Он уже давно в отставке, но о его лидерских качествах до сих пор слагают легенды.

Я не сдержала гордую улыбку.

– Для смертного? – Гэрет практически изрыгнул второе слово, будто оно оставило во рту неприятный привкус. – У вас смертный родитель?

Я стала думать, как ответить. Я не забыла загадочный совет Лютера: «Рассказывай им как можно меньше», но понимала и что не смогу долго скрывать свое происхождение. Скоро выяснится, как мало я знаю о Потомках и их культуре. Попытки скрыть причину этого лишь вызовут еще большие подозрения.

– Не один родитель, а оба, – наконец проговорила я. – Моя мать тоже смертная.

Гостиная наполнилась удивленным оханьем и шепотками.

– Так вы... смертная? – осведомился Реми, хмурясь.

– Нет, не смертная, – вмешался Лютер, не дав мне ответить. – Андрей Беллатор – ее приемный отец.

Удивленная, я резко повернула голову в его сторону. Об этом не знали даже жители Смертного Города, и я точно никогда не делилась этим с Лютером.

– А ваш родной отец? – спросил Гэрет.

Я стиснула зубы:

– Он умер до моего рождения, его имя мне не известно.

Снова шокированное оханье и шепот. Я старательно сохраняла внешнюю невозмутимость и никак не реагировала.

– Простите наше удивление, Ваше Величество, – начал Реми, – но смертным и Потомкам...

– Запрещено иметь общих детей, я знаю, – сухо проговорила я.

– Нам придется... то есть многие потребуют... – Реми заерзал на своем месте. – Другие Дома захотят провести исследование вашего происхождения.

– Оно вряд ли принесет результат. Мой отец не знает о моем рождении, а моя мать... – Я замялась. – Уже не с нами.

Перешептывание превратилось в самую настоящую какофонию. Казалось, Реми мутит. Гэрет и его жена усмехались, словно у меня выросли рога. Друг Лютера Таран ухмылялся.

Лютер встал, поправил камзол, потом откашлялся. Разговоры тотчас стихли, вся семья устала на Лютера с безмолвным уважением.

– Признаю, наша новая королева получила необычное воспитание, – начал он.

– Ты хочешь сказать ужасающее, – пробормотал Гэрет.

– Однако это создает уникальную возможность. Бездомному Потомку еще ни разу не удавалось успешно занять трон. Трудно править королевством даже при поддержке крупного Дома, а в одиночку это было бы... – Лютер повернулся ко мне, опуская голову. – Опасно.

Я прищурилась. Он мне угрожал?

– Но если королева присоединится к Дому Корбуа, – без запинки продолжал Лютер, – мы могли бы стать влиятельными союзниками.

Реми выпрямил спину, сообразив, в чем задумка сына:

– В самом деле, Ваше Величество, мы почтем за честь принять вас в семью. Дом Корбуа занимал трон веками – ни один другой Дом не поможет вам соответствовать требованиям новой роли лучше нас. Мы в состоянии предложить вам большие материальные ресурсы и защиту на Период Оспаривания.

– Защиту? – спросила я.

– Никто из Дома Корбуа не стал бы оспаривать ваши права на трон... *если бы вы были одной из нас.* – Реми улыбался, а его голос звучал резко.

Он угрожал мне, как и его сын.

Гэрет заговорил еще жестче:

– Представители других Домов не позволят ей присоединиться к Дому Корбуа, не имея кровного родственника. Если выяснят, что она выбирает Дом по чистой прихоти, начнется хаос. Особенно когда они выяснят, что она полукровка.

Оскорбительное выражение распалило мой гнев.

– Отец, мы все полукровки, – с легким озорством проговорил Таран. – Мы все произошли от Люмос и ее смертного супруга. Если ты, конечно, не допускаешь, что Блаженная Мать занималась инцестом с братьями по Клану.

– Но это было бы ересью, – бойко добавил кто-то – Элинора, которую я помнила по какой-то прошлой встрече. – И ни один Корбуа не станет оскорблять нашу богиню-покровительницу, верно, дядюшка?

Гэрет уставился на них, а Элинора и Таран зловредно ухмыльнулись.

– Кроме того, у нас сотни мертвых кузенов. – Таран пожал плечами. – Одного из них мы запросто можем назвать ее отцом.

Похоже, такой вариант успокоил группу. В тишине, накрывшей гостиную, все головы повернулись ко мне.

Не знаю, чего я ждала: эмоции и почти постоянный сумбура управляли мной с тех пор, как умирающий король схватил меня за руку и начал нести пророческую ахинею.

Меня совершенно не интересовал союз с этой мерзкой семьей, по воле которой в основном и происходило угнетение смертных, с которым я хотела покончить. И меня *абсолютно точно* не интересовал союз с принцем Лютером.

Но если откажусь от предложения, и Лютер, действуя от имени своего Дома, оспорит мои права на трон... Вопреки всей своей браваде, я погибну в мгновение ока.

И я ничего не знала о других Домах Потомков. Возможно, они были такими же мерзкими или еще хуже.

Я посмотрела на мрачное, непроницаемое лицо Лютера. Он предложил этот план, чтобы вернуть долг, который якобы имел передо мной, или готовил меня к провалу, дабы получить корону, о которой мечтал для себя?

Лютер сел рядом со мной, так близко, что прижался ко мне бедром, и присутствующие в гостиной дружно вскинули брови.

– Это важное решение, – проговорил он. – Может, Вашему Величеству понадобится время его обдумать.

Время. Да, мне требовалось время.

– Да, – быстро ответила я. – Я... я об этом подумаю.

Реми кивнул и обвел взглядом семью:

– До тех пор ни один из нас не станет говорить о нашей королеве с не присутствующими в этой комнате. Понятно, Дом Корбуа?

По толпе покатился согласный ропот.

– Хочу внести ясность. Если надеетесь сохранить свой дом, свои титулы, свой королевский статус, вы не расскажете об этом никому. Понятно?

На этот раз согласный ропот прозвучал громче.

Услышав слова Реми, я вдруг поняла, что это больше не королевская семья. Принцесса Лилиан, принц Лютер... без кровного родственника на троне они превратятся в простых жителей Люмноса.

Неудивительно, что Лютер предложил такую сделку. Он мог потерять все, включая свой драгоценный титул. Это едва не заставило меня тотчас отказаться от предложения.

Но мои планы не ограничивались одним этим Потомком. Дом Корбуа скоро перестанет существовать.

Как и остальные Дома Люмноса.

Глава 5

Ночь тянулась медленно: одни Корбуа извинялись и уходили, уже устав от меня, другие топтались в гостиной и тихо болтали, наверняка сплетничая о скандальном происхождении новой королевы.

Я подошла к Лили, которая всю ночь старательно меня избегала.

– Принцесса Лилиан, могу я поговорить с вами наедине? – строго спросила я.

Она наконец посмотрела на меня круглыми от страха глазами:

– М-м-м, ну, конечно, Ваше Величество.

Чувствуя обжигающий взгляд Лютера, я протиснулась мимо него и повела Лили в пустой угол гостиной.

Бедняжка покачала головой и начала заикаться:

– М-мне очень жаль. П-пожалуйста... пожалуйста, не з-злись.

Я вздохнула:

– Лили...

– Знаю, я обещала не говорить ему, но Лютер... Он... он может понять. Он может помочь тебе. Он обещал, что поможет. Он сказал, что...

– Лили.

– Блаженный Клан! – У Лили сорвался голос. – Я предала тебя. Ты моя королева, а я предала тебя при первом же испытании на верность.

– Лили!

Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась, вздрагивая при каждом всхлипе. Лютер направился было к нам из другого конца гостиной, потом замер.

– Посмотри на меня! – велела я.

Лили послушалась. Ее темно-сапфировые глаза покраснели от слез.

Я легонько сжала ей плечи:

– Я на тебя не злюсь.

Лили шмыгнула носом:

– Не злишься?

– Нет. А теперь вытри слезы.

Лили вытерла щеки и расправила плечи:

– Но... но я ведь обещала...

– Послав брата в сторожку, ты думала, что помогаешь мне?

Лили убежденно закивала:

– Лютер – хороший человек. И он может тебе помочь – больше, чем ты думаешь.

В *этом* я искренне сомневалась, но понимала ослепляющую силу сестринской любви.

– Тогда я не могу на тебя злиться. Поменяйся мы ролями, я тоже не смогла бы утаить такой секрет от Теллера. – Я смахнула с щеки Лили слезинку и улыбнулась. – Ты была мне чуткой и внимательной подругой. В будущем такая дружба мне понадобится.

Лили аж лицом просветлела.

– Да, конечно, сделаю все, что тебе понадобится!

– Не знаешь, можно ли провести во дворец Теллера, чтобы никто не заметил?

– Легко, – отозвалась Лили, наконец улыбнувшись. – Я постоянно туда-сюда пробираюсь. Я засмеялась. Подростки есть подростки, хоть Потомки, хоть смертные.

– Отлично. Приведи его завтра сюда. Не возражаю, если об этом узнает Лютер, но никому другому, пожалуйста, не говори.

– Мой рот на замке, на сей раз по-настоящему. – Лили порывисто обняла меня за шею, прижавшись ко мне. – Спасибо большое, Ди... то есть Ваше Величество.

– Только не это! Зови меня Дием.

Я обняла ее в ответ. Лили оказалась славной, и я подозревала, что старший брат любит ее сильнее, чем хотел показать. Придется мне сделать так, чтобы принцесса как можно меньше пострадала от моих планов.

Но, уничтожая ее брата, всю ее семью, я никак не могла избавить Лили от болезненных последствий.

Наконец к нам подошел Лютер:

– Лили, уже поздно, а тебе завтра в школу. Пора спать.

Девушка закатила глаза:

– Впервые за века у нас не король, а королева, и ты ждешь, что я буду *спать*?!

– Могу приказать, чтобы он позволил тебе не ложиться спать, – предложила я. – Если скажет нет, прикажу отрубить ему голову.

Лили захихикала:

– Спасибо, но, пожалуй, не стоит. Лютеру нравится говорить нет, а мне нравится его голова.

– Мне повезло, – сухо проговорил Лютер.

Лили встала на цыпочки, чтобы поцеловать брата в щеку, а он наклонился вперед, чтобы ей было легче дотянуться. К огромному моему неудовольствию выглядело это умилительно. Неожиданно обняв меня на прощанье, Лили застенчиво улыбнулась Лютеру и зашагала к двери.

Едва принцесса ушла, Лютер испытующе на меня посмотрел:

– Лили кажется счастливой.

Я пожала плечами:

– Она счастливая девушка.

– Ты ее не наказала. – Фраза прозвучала как наблюдение и слегка как вопрос.

– Конечно нет. Лили еще молода. Может, она напрасно тебе так верит, но я не чудовище, чтобы винить ее в этом.

По лицу Лютера пробежала тень.

– Спасибо, – тихо сказал он.

Повисла долгая, неловкая пауза. Я обвела взглядом комнату, разыскивая кого-то, ну хоть кого-то, кто спас бы меня от этого разговора.

– Встречу ты провела отлично, – похвалил Лютер. От этого комплимента в груди стало тепло, за что я мысленно себя отругала. – При родных я говорил серьезно, – продолжал он. – Каковы бы ни были твои планы на корону, мы можем помочь. Я могу помочь.

– Час назад ты угрозами пытался заставить меня присоединиться к вашему Дому. – Я скрестила руки на груди. – Это уже третья твоя угроза моей жизни за сегодняшний день.

– Я не... – Лютер поскреб щеку, маска непоколебимого спокойствия дала трещину. – Это недоразумение, вредить я тебе никогда не хотел. Сказанное при родственниках – не угроза, а предупреждение. Если другие Дома узнают, кто ты, они покоя тебе не дадут.

Я пожала плечами:

– Может, этого я и хочу. Может, их предложения будут интереснее, чем у Дома Корбуа.

Лютер подвигал челюстью:

– Если ты этого желаешь, я могу договориться о встречах, тайком, по секрету от моей семьи. Но, выбрав другой Дом, ты останешься совсем одна. По крайней мере, среди Корбуа у тебя есть союзники.

Я фыркнула:

– Кто, например, ты?

– Да, – прорычал Лютер. – И Лили. И другие – те, кто не верен ни Дому Корбуа, ни моему отцу. Те, кто будет верен тебе, если ты с ними познакомишься.

Я вгляделась Лютеру в лицо, высматривая следы плана, который он наверняка вынашивал:

– Откуда ты узнал правду о моем... отце?

– Ничего я не узнал. Просто догадался.

А я только что подтвердила его правоту.

Застонав, я потеряла себе виски:

– Ты раскрыл мой самый большой секрет всей своей семье. Как насчет «рассказывай им как можно меньше»?

– Ты не оставила мне выбора. Если выдавать себя за первую в истории смертную королеву, ты не проживешь и недели. Сказать им, что ты смертная наполовину, тоже идея не блестящая, но как королеву тебя теперь за это не накажут. Этот вариант безопаснее. К тому же... – Лютер хищнически наклонил голову. – Мы оба знаем, что у тебя есть тайны серьезнее этой.

Я замерла, голос понизился до чуть слышного шипения.

– А что с твоими секретами, принц? Один из моих ты украл. Думаю, ты должен мне один взамен.

Лицо Лютера словно закрылось, и он молча отвернулся.

– Лютер, где моя мать?

Снова тишина.

Во мне забурился гнев, кулаки сжались.

– Где она?

Когда Лютер повернул голову в мою сторону, его взгляд был пронизывающим и темным, как ночь. Он наклонил голову ко мне, открыл рот, чтобы ответить, но прежде чем успел заговорить, к нам направился ненужный свидетель. Лютер тут же закрыл рот.

– Ваше Величество! – не проговорил, а пропел Эмонн и встал так близко ко мне, что костяшками пальцев задел бедро.

«Не случайность», – подумала я.

Эмонн низко опустил голову, хотя его блестящие глаза буквально впились в мои.

– Искренне надеюсь, что знакомство с нашей семьей не ошеломило вас.

– Ничего подобного, – отозвалась я, натянуто улыбнувшись. – Твой отец был само очарование.

Эмонн зацокал языком.

– Назвать вас полукровкой... Какие вульгарные слова. Прошу простить его поведение. Сегодняшние события шокировали моего отца. – Взгляд Эмонна метнулся к Лютеру, и его лицо стало надменным. – Думаю, они всех нас шокировали.

– Интересно, – ледяным тоном проговорил Лютер, – учитывая, сколько раз я слышал от тебя эти самые слова.

Эмонн ничуть не смутился – напротив, улыбнулся еще шире.

– Ты ошибаешься, дорогой кузен. Вероятно, на твою память влияет твоя собственная связь с детьми-полукровками.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого, замороженная их ледяными взглядами и напряженными позами. Эти двое определенно друг друга недолюбливали.

Взгляд Эмонна снова скользнул ко мне и потеплел.

– Завтра я удовольствием привел бы вам экскурсию по придворцовой территории. То есть если вы сумеете вырваться из тисков королевской сиделки.

Лютер замер:

– В этом нет необхо...

– Какое любезное предложение, – перебила я. – На экскурсию пойду с удовольствием. Ведь если приму предложение Дома, мне нужно будет познакомиться с будущими кузенами. – Я мило улынулась Лютеру. – Ты согласен?

Тот ответил своим фирменным неподвижным взглядом, молча предупреждая меня трепетанием ноздрей:

– Как пожелаете, Ваше Величество.

– Значит, договорились, – прошептал Эмонн. – Я приду за вами после ланча.

– Отлично. – Я просияла в ответ, упиваясь неудовольствием Лютера. – Пожалуйста, давай на «ты» и зови меня Дием.

Эмонн поднес обе моих руки к губам и дважды поцеловал костяшку каждого пальца:

– До завтра, Дием.

Плутовато подмигнув мне, Эмонн зашагал прочь, и мне пришлось закусить щеку, чтобы не расхохотаться. Для Потомков, печально известных своей апатичностью, эти из кожи вон лезли, чтобы порисоваться перед своей новой королевой.

Лютер наблюдал за мной с таким видом, словно у него набралась целая библиотека слов, которые он отчаянно старался сдержать.

– Хочешь что-то добавить? – спросила я самым невинным тоном.

– Ты ясно дала понять, что в моих советах не нуждаешься.

– Прежде это тебя не останавливало.

Лютер долго смотрел на меня – скользнул взглядом вниз, задержался на моих кинжалах, потом снова вверх:

– Полагаю, сегодня вечером ты собираешься остаться во дворце.

– Я собиралась остаться в сторожке. Подальше от... – Я показала на остаток толпы. – От всего этого.

– В сторожке небезопасно. Там тебе спокойно не будет.

– Я смогу защититься, уверяю тебя.

– Нет, не сможешь. – Слова Лютера прозвучали твердо, не как оскорбление, а как констатация факта. – От смертного еще есть вероятность, а вот от Потомка – точно не сможешь. До тех пор, пока не научишься контролировать свою магическую силу.

Гордость мою он уязвил.

– Я же говорила, нет у меня никакой магической силы.

– Это мы можем обсудить завтра.

– Обсуждать тут нечего...

– Тело короля лежит на парадном одре в его покоях, но ты пока можешь воспользоваться гостевыми покоями. Я уже распорядился, чтобы их приготовили.

Разговоры о том, где мне спать, скоординировали тело и мозг, и я нежданно, ошеломляюще нежданно поняла, как сильно устала.

– Ладно, – пробормотала я, чувствуя, как смыкаются веки.

Не разговаривая, мы брели по изгибам и поворотам темных коридоров, вдоль которых дверей было больше, чем я могла сосчитать. То, что дворец большой, я знала по внушительному внешнему виду, но внутри он оказался лабиринтом, который мне никогда не понять и тем более не назвать домом.

– Ты здесь вырос? – спросила я, пока мы шли.

– Мы все здесь выросли. Сколько живет любой из нас, Корбуа всегда занимали трон.

Я вяло спросила себя, понравилось ли бы нам с Теллером проводить здесь детство – кататься по натертым до блеска перилам, прятаться за изысканной мебелью, сочинять истории о чопорных, надменных на вид предках, чьи портреты висели на каждой стене.

Я попробовала представить Лютера малышом, хихикающим и дерущимся с Лили, как хихикали и дрались мы с Теллером. Попробовала, но не смогла.

– Тебе нравилось расти во дворце? – спросила я.

– Расти членом семьи Корбуа – большая привилегия, – бесстрастно, чуть ли не бессознательно ответил Лютер. – Всех наших детей холят, лелеют и защищают, предоставляют им любые имеющиеся возможности. Я очень благодарен за эти преимущества.

– Я спросила не об этом. Ты был счастлив?

Какое-то время Лютер молчал, звук наших шагов отражался от каменных стен.

– С самых малых лет меня считали наследником короля. Детство и все последующие годы я провел, готовясь к этому долгу. Для остального времени почти не было.

Против воли я ощутила сочувствие. Я знала, каково расти, понимая, что твоя судьба уже предрешена.

– Моя мать стала готовить меня в целительницы, едва я начала ходить, – тихо проговорила я. – На другое будущее я рассчитывать не могла. Конечно, это совсем не то, что расти наследницей короля, но... – Я покачала головой и посмотрела себе на ноги. – У смертных женщин очень мало возможностей. Все вечно твердили, что мне повезло от рождения иметь больше выбора.

Лютер глянул на меня, и его лицо смягчилось.

– Но если выбор делаешь не ты, особого счастья не чувствуется.

– Не чувствуется, – согласилась я.

Взгляд Лютера заскользил по широким коридорам дворца, его поза стала расслабленной, лицо – задумчивым. Вспомнилось, каким я увидела его наутро после пожара на оружейном складе, – беззаботного, безыскусного и обезоруживающе искреннего.

– Здесь было прожито много счастливых моментов, – проговорил Лютер. – Другого дома я не знаю. Почти все мои воспоминания связаны с этими стенами, и хорошие, и плохие.

– Так ты помогаешь мне потому, что не хочешь уезжать из дворца?

– Нет, не поэтому. Но я рад, что ты наконец признала: я тебе помогаю.

Я наморщила нос:

– Я имела в виду не это.

В неярком свете свечей в канделябрах и светильниках я едва увидела, что уголки губ Лютера поползли вверх. Ну вот, он снова усмехался. Я попробовала набраться сил и возмутиться, но ни капли энергии не осталось.

Я мысленно пометила себе, что нужно будет снова разозлиться на него после того, как выплюсь.

– Я не боюсь того, что Дом Корбуа утратит королевский статус, если ты спрашиваешь об этом. Какое бы решение ты ни приняла, мы выживем. – Лютер сделал паузу. – Но если ты найдешь способ передать корону другому, прошу, не выселяй детей из дома: вдруг она вернется к Корбуа.

Я нахмурилась:

– Я не хочу никого выгонять из дома. Потомки и без меня достаточно навьгоняли.

– Да уж.

От его неожиданного согласия я с шага сбилась и, клянусь, заметила удивление в глазах самого Лютера, словно он не собирался говорить эти слова вслух.

– Ты не ответил на мой вопрос, – не унималась я. – Я не спрашиваю, чего хочет твоя семья. Я спрашиваю, чего хочешь ты.

Лютер обвел меня взглядом и сбавил шаг, рассматривая мое лицо.

– Все ожидали, что ты унаследуешь трон, – проговорила я.

– И ты считаешь, я разочарован тем, что этого не случилось.

– А ты разочарован?

Лютер остановился и развернулся ко мне. Он сложил руки на груди, отчего его и без того мощное тело показалось еще мощнее.

Я никогда не считала себя маленькой, ни в каком смысле этого слова. Но почему-то перед этим мужчиной с его сложением, силой физической и магической, утонченностью, знаниями и эго... Я чувствовала себя ничтожеством. Пылинкой, парящей в мощном потоке солнечного света.

– Если бы меня призвали на трон или призовут в будущем, я принял бы возложенную на меня честь.

Слова повисли в воздухе, часть их осталась невысказанной.

– Но? – настойчиво спросила я.

Лютер нахмурился. Казалось, он смотрит не на меня, а скорее сквозь меня, словно воскрешая в памяти что-то давно забытое.

– Нет, я не разочарован. Я всегда считал, что моя судьба – служить монарху, а не быть им.

И снова я попробовала отыскать в глазах Лютера правду. Какой же наивной я была, раз поняла, что верю ему?

Ладонь принца легла мне на поясницу и легонько подтолкнула вперед, отчего пелену усталости мне прорезала горячая волна возбуждения. Я не могла не отметить, что его ладонь не отрывалась от меня еще долго после того, как я снова подстроилась под его шаг, – до тех самых пор, пока мы не свернули в коридор, полный стражи.

– Это королевское крыло. В семейном крыле бывает шумно: кузены приходят и уходят, когда вздумается. Я подумал, что ты предпочтешь что-то более уединенное.

Лютер подумал правильно. При мысли, что за каждым моим движением будут следить все те любопытные незнакомцы, становилось очень не по себе.

Лютер показал на две двери по разные стороны коридора – одну не охраняли, у другой стояли на часах четыре стража.

– Можешь остаться здесь, пока не освободятся королевские покои. – Лютер махнул рукой на охраняемую дверь, потом на другую. – А там мои покои. Если что-то понадобится, стучи, не стесняйся.

Ну разумеется, Лютер поселил меня там, где можно ошиваться неподалеку и следить.

Я взглядела в лица стражей и с облегчением отметила, что ни один из них не из тех Потомков, с кем я препиралась во время предыдущих визитов во дворец.

Изогнув брови, я посмотрела на Лютера:

– Ты впрямь думаешь, что это необходимо?

– Пока ты не приняла предложение моей семьи, да, я так считаю.

Я пронзила его язвительным взглядом:

– А эти стражи в курсе, что единственный обитатель дворца, который уже пытался меня убить, это ты?

Судя по озадаченному виду каждого из стражей, в курсе они не были.

Лютеру хватило ума изобразить замешательство.

– Я уже объяснил, что это недоразумение.

– Ты хотел выяснить, убила ли я короля.

– Я... – Лютер напрягся, стараясь от молчаться. – Да, хотел.

– А если бы я сказала да? Ты приказал бы меня убить?

– Нет.

– Лжец!

Руки у Лютера дернулись, пальцы сжались.

– Дием, если бы я замышлял убить тебя, тайком делать это не стал бы. Я сразился бы с тобой на Оспаривании, у всех на виду.

Оказалось, я таки не слишком устала, чтобы на него злиться.

Кровь закипела. Таинственный внутренний *голос*, тот, что распял меня с тех пор, как я перестала принимать огнекорень, дремал, свернувшись в клубок, а тут содрогнулся и поднял голову.

«Борись!»

– Во-первых, – изрыгнула я, – раз ты всегда настаивал на важности титулов, можешь называть меня «Ваше Величество» или «Моя королева».

Лютер поджал губы:

– Разумеется! Прошу прощения, *моя королева*.

– И зачем ждать Оспаривания? Готова сразиться с вами в любой день и час, *принц*. – Я сняла кинжал с ножевого ремня и направила острие на Лютера. – Сегодня я уже проливала твою кровь. Почему бы не повторить?

Лютер не выдержал.

Быстро, как змея, его рука оплела мне запястье и дернула вперед, заставив меня приблизиться так, что кончик моего кинжала прижался ему к груди.

– Что вы намерены делать с этой *кичливой железкой*, Ваше Величество, волосы мне стричь? Сомневаюсь, что она достаточно остра даже для этого.

Чтобы доказать свою правоту, Лютер толкнул мою руку с кинжалом чуть дальше. Кончик легко прорезал толстые слои его одежды – клинки свои я точу, чего и всем желаю – но долго моя гордость не продлилась, ведь кожа Лютера лишь слегка примялась от нажатия.

– Тебе нужен *другой* твой кинжал, – сварливо проговорил Лютер.

Я демонстративно опустила взгляд себе на икру, надеясь внушить ему, что клинок из фортосской стали до сих пор в прикрепленных к сапогу ножнах.

Не отпуская мое запястье, Лютер распахнул рубашку – мой пропавший кинжал оказался у него за поясом.

– Его ищешь? – с издевкой поинтересовался Лютер.

Я резко вытянула свободную руку, чтоб вырвать кинжал, но Лютер стиснул и то запястье, заблокировал его у меня за спиной и использовал свою хватку, чтобы подтянуть меня ближе к себе. Другую мою руку он держал ровно, кончик кинжала по-прежнему упирался ему в сердце.

Стражи нервно таращились на нас и держали руки на оружии, не понимая, как реагировать. Не понимая, кого из нас нужно защищать.

«Борись!»

Голос побуждал меня к действию. Отцовские тренировки прорывались у меня из мышц знакомой чередой движений. Я закружилась, проворачивая руку, пока Лютеру не стало слишком неудобно держать хватку и мое запястье не выскользнуло у него из пальцев.

Очень многие отцовские уроки подготовили меня к такой ситуации – к схватке с противником, превосходящим в размере, силе, оружии. В какой-то мере мне было удобнее сражаться с противником вроде Лютера, чем с карликом в два раза мельче меня.

Но Лютер и сам был прекрасно натренирован. Руки и ноги так и мелькали – мои удары он отражал с легкостью. Когда мы наконец остановились, я даже не понимала, что произошло.

Мой кинжал со звоном упал на пол. Тело оказалось заблокировано, спина плотно прижата к его груди. Правую мою кисть Лютер вывернул, не выпуская из тисков, левую обездвижил, прижав мне к боку, где его рука сжимала мне ребра.

Лаская мне шею горячим дыханием, Лютер наклонился и прошептал:

– Если бы я хотел вас убить, Ваше Величество, вы были бы уже мертвы.

Высокий приглушенный крик эхом разнесся по коридорам и доносился будто бы из покоев короля.

Сора. Благодаря связи наших душ я чувствовала ее вибрирующую панику. А она чувствовала, что я сражаюсь и терплю поражение.

Один из стражей вынул меч из ножен медленно, неуверенно, будто сомневаясь, в чем больший грех – вмешаться или бездействовать.

– Сэр! – позвал он.

Лютер все это игнорировал. Короткая щетина у него на подбородке чувствительно щеко-тала мне плечо, и тело предательски изгибалось в его объятиях. Лютер крепче обнял меня за талию.

– Ну как доказать тебе, что мне можно доверять? – шепотом спросил он, легонько задевая губами мне кожу.

– Доверять тебе? – прошипела я, с облегчением отметив, что моя душа не сдавалась ему так легко, как тело. – Ты из богами проклятого ума выжил?!

Я попыталась вырваться из его тисков, но Лютер не пускал.

«Борись!»

Боги, да я *убить* его хотела! В основном за неловкость оттого, что он так легко брал надо мной верх, но список причин рос час от часу.

Памятуя о стражах, ловящих каждое наше слово, я понизила голос:

– Хочешь завоевать мое доверие, попробуй для начала рассказать, где она.

Лютер понимал, о ком я. Он словно окаменел.

Сора закричала, и стены дворца содрогнулись от вибрирующего гула. С потолка посыпалась штукатурка. Секунду спустя раздался еще один гневный вопль, потом еще один.

Лютер разжал тиски, и я отшатнулась от него, схватив с пола мой смертный кинжал.

– Останови Сору, – велел Лютер.

– Выкуси!

– Останови ее, не то она разгромит королевские покои, прорываясь к тебе.

– Отлично, пусть весь этот гребаный дворец по камню разнесет.

Стены содрогнулись от очередной вспышки гнева гриверны.

– Останови ее, и я расскажу тебе все, что могу.

Я выдержала паузу:

– Ты расскажешь мне, где она?

– Я расскажу тебе то, что вправе рассказать. Ничего больше я предложить не могу.

На тщательно подобранные слова я ответила гневным взглядом, но таки пошла на попятную. Закрыв глаза, я вслепую потянулась во мрак, где в хаосе моих путаных мыслей парил дух гриверны.

Я направила мысль в ее сторону: «Мне опасность не грозит».

Вопли прекратились, сменившись недовольной трелью. Я чувствовала, как гриверна себя сдерживает, ведь ей хотелось увидеть меня и убедиться, что я невредима.

«Мне опасность не грозит, – повторила я. – Мы просто повздорили».

Благодаря нашей связи я почувствовала, как Сорина паника сменяется недовольным согласием.

Я выжидательно посмотрела на Лютера:

– Ну?

– Завтра. – Он стиснул зубы в ответ на мой разгневанный взгляд. – Сейчас уже поздно, и мы оба не в том настроении.

– Если не сдержишь слово, Лютер Корбуа, я скормлю тебя гриверне.

– По крайней мере, этот бой будет равным.

Всю свою ярость до последней капли я излила на средние пальцы, которые вытянула в его сторону. Мимо разинувших рты стражей я прошагала к себе в комнату и захлопнула за собой дверь.

На пару секунд я замерла, грудь вздымалась от гневных вдохов. *Голос* внутри не умолкал – заводил меня, призывая *бороться, бороться, бороться*.

Вдруг я оцепенела.

За дверью, в коридоре гремел голос Лютера. Такой злости я от него прежде не слышала – даже не думала, что он способен на такие эмоции. Я прильнула ухом к двери и напрягла слух.

– За измену всем четверым вам я должен отрубить головы и насадить их на кол. Я только что напал на нашу королеву, а вы, трусы, стояли и наблюдали за мной. В следующий раз, когда кто-то поднимет на нее руку, а вы не убьете напавшего на месте, я выколю вам глаза и скормлю их собакам. Неважно, кем будет тот напавший – мной, регентом или самой Блаженной Матерью Люмнос. Выполняйте свою гребаную работу и защищайте нашу королеву!

Тихие, приглушенные возгласы согласия.

– Это ясно?! – проревел Лютер.

– Да, Ваше Высочество! – ответили стражи громким хором.

Зло застучали шаги, хлопнула соседняя дверь.

«Интересно», – подумала я.

Слова Лютера гремели у меня в голове, пока я шла в ванную комнату. Кожа пылала от моего собственного гнева и долгого нахождения рядом с телом Лютера. Побрызгав на лицо холодной водой, я чуть ли не ожидала, что от мокрых щек поднимется пар.

Увиденное стерло все мои мысли.

Над умывальником висело большое зеркало в бронзовой раме. В нем я увидела свое полное отражение в первый раз с тех пор, как...

Корона.

Пульсирующая, сияющая, она со сверхъестественной грацией парила буквально в дюйме у меня над головой. Выглядела она точно так же, какой я помнила ее на короле Ультере – не неподвижным объектом, а живым существом. Тенистые, усеянные шипами плети были в состоянии непрерывного роста, вились, давали новые побеги по мере того, как старые чахли. Россыпь звезд мерцала и вспыхивала, почти ослепляя.

Я казалась сущей развалиной – налитые кровью глаза, мятая одежда, бледная, облепленная грязью кожа, а корона – образцом несравненной, божественной красоты.

С губ у меня сорвался смех.

Неужели я впрямь пошла в гостиную к утонченной знати в таком виде и объявила себя правительницей? А знать... дружно с этим согласилась?

Все потому, что я, Дием Беллатор, бедная смертная целительница, носила корону. Я была королевой Люмноса.

Взгляд зацепился за ванну с декоративными ножками, до краев полную горячей воды. Я пробормотала благодарственную молитву в адрес неведомого слуги, который, увидев мое жалкое состояние, набрал ванну – по доброте душевной или из осуждения, меня не волновало.

Раздевшись, я погрузилась в мыльную воду и застонала, когда тепло расслабило перенапряженные мышцы. Голову я вымыла разными снадобьями с ароматом гардении, потом оттирала тело от грязи, пока не порозовела раздраженная кожа. Закончив, я прижала голову к изогнутому фарфоровому краю ванны, закрыла глаза и позволила наконец прорваться плотине утомления.

Очевидно, в какой-то момент я заснула, потому что, когда из коридора донесся быстрый стук, вода была холодной.

Неохотно выбравшись из ванны, я обернулась тонким полотенцем и узлом завязала его на груди. У меня не осталось сил вытирать ручеек воды, текший за мной, пока я медленно брела к двери. Прижавшись к двери, я едва смогла удержаться в вертикальном положении и широко распахнуть дверь.

Лютер.

Самообладание не изменяло ему все две секунды, которые он почерневшими глазами смотрел на мое мокрое, едва прикрытое тело.

Все, хватит открывать двери голой.

– Принц, мы это уже обсуждали. – Я показала себе на лицо. – Смотрим сюда.

У Лютера напряглась шея.

Он расправил плечи и протянул мне комковатый холщовый мешок:

– Я кое-что тебе принес.

Я захлопала глазами, удивленная тяжестью мешка:

– Что в нем?

Лютер жестом велел мне посмотреть самой. Потянув за тесемки, я увидела целую кучу ножей из фортосской стали, каждый в своих ножнах, некоторые достаточно компактные, чтобы носить под одеждой. Лютер даже набросал в мешок ремней, чтобы носить ремни разными способами. На части ножей были рукояти из слоновой кости или экзотических сортов дерева, но ни на одном не просматривалось позолоты или драгоценных камней.

– Я подумал, что с ними тебе будет здесь спокойнее, – проговорил Лютер. Совершенно против воли в груди у меня что-то оттаяло.

– А я-то думала, вы здесь носите оружие только как украшение, – проговорила я, кивнув на обильно инкрустированный драгоценными камнями эфес меча, торчавший у него за плечом.

– Этот нож – семейная реликвия. Разит он не хуже любого другого клинка Эмариона и прошел немало битв. – Лютер будто бы оправдывался, и, что подозрительно, мне это казалось милым. – Но я понимал, что ты предпочтешь что-то... менее броское.

Я буркнула в знак согласия. Ладно, нужно признать, придумал Лютер здорово. Только говорить ему об этом ни к чему.

– Пожалуй, я и это должен тебе отдать. – Лютер распахнул камзол, вытащил из-за пояса мой кинжал и протянул мне рукоятью вперед.

Я смотрела на него не двигаясь. Кинжал был чистым, отполированным, больше не облепленным кровью. Мой взгляд медленно скользнул от руки Лютера к шее, куда я сегодня не вполне умышленно вонзила острие.

А потом случился самый страстный, всепоглощающий, всезатмевающий поцелуй в моей жизни. Поцелуй, сотканный из огня и страсти, ненависти, обиды и, наверное, чего-то еще. Поцелуй, высекший искру у меня в груди и... между ногами.

Лютер молча наблюдал за мной. Я видела, как слова складываются у него в глазах, крутятся на языке; как мышцы его лица дергаются в попытке их сдержать.

Его голос смягчился:

– Дием, касательно случившегося сегодня...

Я вырвала нож у него из руки и захлопнула дверь у него перед носом.

Лютер представлял собой угрозу, это стало совершенно очевидно. Что бы ни творилось между нами раньше, это должно было закончиться. Я вступала в войну.

И считала Лютера своей первоочередной целью.

Глава 6

В моих покоях кто-то был.

Я проснулась от шарканья ног и далекого стука открываемых и закрываемых шкафчиков. Открыть глаза я не решалась.

Прошлой ночью, собрав последние капли энергии, я рассовала принесенные Лютером ножи по комнате: спрятала за дверь, у ванной, в ящичке прикроватного столика, – потом скользнула на постель, застланную шелковыми простынями, и заснула, прижимая к груди кинжал Брека.

Сейчас мои пальцы сжимали пустоту. Наверное, я выпустила кинжал из рук. Начни я его нащупывать, мог бы пропасть элемент неожиданности, а этим рисковать не хотелось.

Шаги застучали громче. Стараясь не шуметь, я запустила руку под подушку и сжала пальцами нож, который туда спрятала.

А потом стала ждать. И слушать. Шепот шелка, трущегося о шелк. Скрип деревянных ножек стула, волочащихся по каменному полу. Долгий, протяжный вздох. Легкое тело, прислонившееся к углу кровати.

Рывок!

Одним слаженным движением я отшвырнула постельное белье в сторону, вытащила нож из ножен и рванула вперед, бросившись на...

Раздался пронзительный вопль, за ним мелькнула вспышка такая яркая, что я на миг ослепла.

Взвизгнув, я упала обратно на матрас и ударилась спиной о деревянное изголовье.

– Вот дерьмо! То есть Блаженный Клан! Простите, я не хотела использовать магию. Вы как, ничего? – В смутно знакомом женском голосе звучало отчаяние.

Я моргала, стараясь избавиться от танцующих перед глазами мушек. У кровати стояла перепуганная женщина со стопкой одежды в руках.

– Как ты сюда попала?! – рявкнула я.

– Меня Лютер впустил. Он сказал, что вам может понадобиться чистая одежда. – Женщина многозначительно посмотрела на мое тело, обнажившееся полностью после того, как во сне с меня соскользнуло полотенце.

В самом деле, как же я из раза в раз оказываюсь голой перед этими Потомками?!

– Мы познакомились вчера вечером, – напомнила женщина, робко улыбаясь. – Я Элино́р. Одна из многочисленных Корбуа.

Точно, передо мной была Элино́р, та бойкая женщина, задор которой выделялся на фоне мрачных лиц.

Я бросила нож и опустилась на колени, прижимая простыню к груди и густо краснея:

– Да, я тебя помню. Привет еще раз.

– Простите, что я вас напугала.

– Прости, что я пыталась тебя зарезать.

– Ничего страшного, – проговорила Элино́р, пожав плечами.

Принесенную одежду она бросила на кровать и глянула на оставленный мной холщовый мешок, содержимое которого теперь валялось в постели:

– Вы всегда спите с кучей ножей?

– Вчера вечером их принес Лютер. Наверное, он считает, что один из вас попытается меня убить.

Элино́р фыркнула:

– Это смешно!

– Почему?

– Ну, если бы кто-то пытался... – Элино́р осеклась и побледнела. – Вряд ли он когда-нибудь... Я не о том...

– Ты о том, что повод убить меня есть прежде всего у Лютера?

Элино́р смущенно кивнула, и я засмеялась:

– Это я и пыталась сказать ему.

Элино́р закатила глаза, отодвинула ножи в сторону и плюхнулась на кровать рядом со мной:

– Удачи вам в попытках сказать ему хоть что-то!

Эта женщина мне уже нравилась.

– Раз Лютер вооружил меня до зубов, а потом тайком провел тебя сюда, пока я спала, то он невысокого мнения о моих навыках самозащиты, или ты чем-то сильно его разозлила.

Элино́р усмехнулась:

– Ну тут наверняка второй вариант. Я ежедневно стараюсь вывести его из себя.

Она мне очень понравилась.

– Но Лютер велел мне вас не будить, – продолжала Элино́р. – Я просто не слишком хорошо выполняю его приказы. Я подумала, вы захотите, чтобы кто-то проводил вас на завтрак. Вы же совсем одна здесь.

«Совсем одна здесь».

Слова пульсировали, как открытая рана. Я впрямь осталась одна, и не только во дворце, а в этом мире Потомков. Мои родные, Генри, Мора – все, кого я любила... они были в паре миль отсюда, а казалось, что в другом королевстве.

– Да, – через силу ответила я. – Было бы здорово.

Элино́р начала перебирать принесенные вещи, и я вдруг поняла, что тут одни платья. И не просто платья, а сплошь элегантные, длиной до пола.

Платья я не носила с детства. Едва Теллер подрос и стал годиться мне в товарищи по играм, я начала завидовать тому, что в брюках он быстрее лазает по деревьям и носится по лесу.

Однажды вечером я закатила истерику и побросала все свои платья в камин, требуя, чтобы родители одевали меня так же, как братишку.

Когда я чуть повзрослела и почувствовала внимание мальчиков, то начала жалеть о своем решении. Теперь я завидовала тому, как хорошенькие девочки в школе одевались, чтобы подчеркнуть женственные изгибы своих тел, а моя глупая гордость не давала признать желание быть как они. Со временем это превратилось в досадный страх перед всем девичьим.

Прекрасные платья, сейчас лежащие передо мной, казались оружием, которое меня никогда не учили использовать. Мои щеки пылали при мысли о том, что нужно объяснять подобное Элино́р, носившей свою женственность с непринужденной грацией.

Элино́р виновато посмотрела на меня.

– Лютер говорил, что вы предпочитаете брюки, но в срочном порядке я собрала только платья. Завтра постараюсь найти вам брюки.

Я растянула губы в улыбке:

– Платья прекрасны, спасибо тебе!

Я провела по ним пальцами, коснувшись изящного кружева, блестящих самоцветов и разноцветной вышивки. Беспокойство комом встало в горле.

«Я Беллатор, – напомнила себе я. – Платья не испугаюсь».

Что-то в Элино́р разбудило воспоминания.

– Это ты ухаживала за мной после пожара на оружейном складе?

Элино́р вскинула брови:

– Вы помните?

– Обрывками. Помню, как Лютер просил тебя мне помочь.

Щеки Элино́р окрасились ярким румянцем.

– Надеюсь, вы не помните, как я вас мыла. Вы были в тяжелом состоянии, а Лютер хотел, чтобы я осмотрела ваши раны.

Я нахмурилась. Тем утром я проснулась без каких-либо повреждений – даже без единого синячка. Где-то в сознании назойливые угрызения совести зазвучали громче.

Элино́р вздохнула:

– Я нарядила бы вас получше, если бы знала, что вы перед всей семьей предстанете. Лютер паниковал, и я старалась изо всех сил. – Она откинулась назад, опершись на руки, и с любопытством на меня взглянула. – Таким взвинченным я его еще не видела.

Я нахмурилась еще сильнее:

– О чем это ты?

– Никогда не думала, что великий Лютер Корбуа способен суетиться, но он ни на шаг от вас не отходил. Каждые несколько минут проверял пульс, убеждаясь, что вы еще живы. Когда я наконец отправила его пойти вымыться, он взял с меня слово, что я глаз с вас не спущу.

– Он не... он не стал бы... Уверена, он не суетился, – запротестовала я, чувствуя, как теплеет в груди. – Он наверняка чувствовал вину за то, что отпустил меня в горящее здание.

– Может быть. – Элино́р поджала губы, а в глазах у нее появился подозрительный блеск.

Внезапно я почувствовала себя неловко, не зная, что делать с руками и лицом. Из коллекции Элино́р я выбрала самое простое платье-футляр из темно-синего бархата с прямым вырезом горловины, обнажавшим мне плечи, и вышитыми звездочками, летящими вверх от запястий. Не платье, а сама скромность, если не считать высокого разреза, обнажавшего бедро.

Я торопливо оделась, а Элино́р расчесала мне волосы и закрепила их серебряной заколкой, которую вытащила из своих длинных каштановых локонов.

Я осмелилась глянуть в висящее неподалеку зеркало и чуть не подпрыгнула. Казалось, я смотрю на незнакомку. Благодаря сну под серебристыми глазами у меня больше не лежали темные круги, коже вернулись тепло и здоровый цвет. Корона неярко озаряла мне лицо, подсвечивая яблочки щек и чуть вздернутый носик, которые я люто ненавидела: благодаря им я выглядела лапочкой-милашкой, что правдой не было.

Белоснежные волосы, которые большую часть своих двадцати лет я заплетала в косу, чтобы не мешали, наконец получили свободу и мягкими волнами струились по плечам; а мои выпуклости, так долго скрываемые под туниками и широкими брюками, сегодня дерзко подчеркивались обтягивающей тканью.

Почему-то я чувствовала себя более обнаженной, чем когда Элино́р застала меня в чем мать родила. Казалось, напоказ выставлена часть меня, которую я обычно прячу за семью замками, даже от себя самой.

Но как ни странно... я это не ненавидела. Женщина, смотревшая на меня из зеркала, источала неоспоримую силу. Возможно, она умела здорово драться в грязи или быстро влезать на деревья, но казалось, она способна превзойти мужчину тысячей других способов. Куда более интересных способов.

– Вы не привыкли наряжаться, да? – спросила Элино́р, нанося несколько капель цветочных духов мне на шею.

– У меня даже платья своего нет, – призналась я. – В обычной жизни все нарядное лишь помешало бы мне защищаться.

Элино́р провела рукой мне по волосам, легонько их взбивая:

– Знаете, слова способны ранить не хуже, чем клинок. Так же как титулы, влияние и внешность. Особенно здесь, при дворе. Отдельные Корбуа отказываются носить оружие, потому что считают, что это выставит их слабыми.

Я вскинула брови.

Элино́р кивнула и встретилась взглядом с моим отражением в зеркале:

– Если честно, я гораздо больше боюсь тех Корбуа, которые не носят оружие, чем тех, которые носят.

– Ты оружие не носишь.

Во взгляде Элинора читалось чистое озорство.

– Вот именно.

Засмеявшись, я взяла ножной ремень из принесенной Лютером кучи, потом нашла в постели кинжал Брека и зафиксировала его высоко на бедре, так, чтобы он хорошо просматривался в разрезе платья.

– Я пока с оружием не расстанусь, но твой совет ценю. – Я вздохнула. – Думаю, мне нужно многое узнать.

Элинора замялась:

– Если хотите... я могла бы вас учить. Делиться знаниями о монаршей жизни и протоколе.

Скептицизм не замедлил проявиться.

– Но только если я присоединюсь к Дому Корбуа?

– Помощь вам понадобится, даже если вы не присоединитесь к моему Дому. Особенно если вы не присоединитесь к моему Дому.

– А тебе хочется застолбить себе место при новой королеве, – холодно проговорила я.

Элинора отвела взгляд и принялась теревить складки своей юбки:

– Не стану притворяться, что это не приходило мне в голову. Я всю жизнь при дворе. Политика, сплетни, негласные правила – единственное, в чем я хорошо разбираюсь. Я не умею сражаться, как Аликс, и не обладаю такой огромной магической силой, как Лютер. – Элинора наконец посмотрела на меня, и на лице у нее я увидела скромную честность. – Было бы здорово почувствовать себя полезной. Особенно полезной той, с кем считаются все *они*.

Тут я поняла Элинора. Подобно мне, она родилась в коробке с плотно закрытой крышкой и толстыми стенами, созданной, чтобы навсегда оставить ее мелкой и несерьезной. Подобно мне, она мечтала о большем – сыграть заметную роль.

Я пожала плечами:

– Хорошо.

Элинора просияла:

– Хорошо?

Я взяла ее руки:

– Элинора Корбуа, согласна ли ты служить верным советником королеве по всем вопросам политики, сплетен, негласных правил и других досадных промахов, без которых я точно не обойдусь?

Казалось, Элинора сейчас разрыдается от счастья.

– Да, Ваше Величество, я почту за честь служить вам.

– Прекрасно. Давай на «ты» и, пожалуйста, зови меня Диём.

* * *

Назначить Элинора моим первым советником оказалось очень мудрым решением.

Новые обязанности она принялась исполнять с впечатляющим энтузиазмом. За следующие несколько часов мы прошли по дворцу, и Элинора показала мне каждую комнату, каждое потайное место, каждую черную лестницу и служебный коридор, годные для незаметного проскользывания. Она представила меня множеству слуг – при них нахваливала самых талантливых, тет-а-тет со мной предупреждала о любителях болтать и подглядывать.

Еще Элинор знала всех стражей и сообщила мне, кто мог заснуть на посту, кто поступил на службу благодаря взятке, а не заслугам. Она заверила, что меня охраняют четверо из числа лучших и самых деликатных, хотя накануне вечером Лютер снял с них стружку.

К полудню дворец уже казался мне не чужим, а... нет, еще не домом, а скорее знакомой территорией. Я уже чувствовала, что Элинор мне еще пригодится.

Я подумала, что придется сделать так, чтобы мой разрушительный план не затронул и ее.

Самым полезным было то, что Элинор без утайки говорила о своих родных и о их сложных отношениях. Эту тему мы обсуждали за ланчем из бутербродов-канапе и фруктов, которые вынесли на столик в саду, чтобы насладиться не по сезону теплой погодой и сбежать из людной столовой, спрятавшись от любопытных глаз и ушей. Рядом с нами растянулась на травке Сора, подставив солнцу расправленные крылья.

– Так Реми и Гэрет ненавидят друг друга? – спросила я, пока грызла кусок кислого зеленого яблока.

– Не совсем так. Они братья, поэтому наверняка предпочтут друг друга кому-то не из Корбуа. Хотя Гэрет так и не смирился с тем, что король Ультер выбрал регентом Реми. Гэрет считает, что титул должен был достаться ему как старшему брату.

– Так почему же не достался?

Элинор потупилась, кусая губу:

– Дяде Гэрету... сложно контролировать свой гнев. – Элинор бросила на меня взгляд. – Да и ты же его видела. Он показался тебе образцом дипломатичности?

– Верно подмечено. Почему же Гэрет так переживает из-за титула? Что нынешнее положение дает Реми?

– Регент исполняет обязанности монарха, когда сам монарх их исполнять не может. К примеру, когда Ультер был без сознания, трон фактически занимал Реми.

Я изогнула бровь:

– И никто не думал, что Реми связан с болезнью короля?

– Конечно думали, особенно в других Домах. Все подозревали, что дядя Реми пытался избавиться от брата, чтобы посадить на трон своего сына.

– И никто не сомневался, что следующим монархом станет Лютер? Я думала, магия может выбрать любого.

Элинор кивнула, потягивая вино:

– Может, но насчет Лютера настоящих сомнений никогда не возникало. Никто не сравнится с ним в магической силе. Он старается не использовать ее слишком часто. При мне это случилось лишь пару раз и *ой!* – Элинор шумно выдохнула, потом взглянула на меня с интересом. – Если твоя магия сильнее магии Лютера, удивительно, как тебе удавалось так долго прятаться. Подрастком если Лютер злился, то мог случайно снести целое здание. Его даже из школы забрали: так боялись, что из-за него кто-то пострадает. Лютеру пришлось учиться индивидуально.

Я начала возражать и объяснять, что магической силой не обладаю, но, вспомнив предупреждение Лютера, прикусила язык.

– А тебя не беспокоит, что твои родные могут убивать друг друга? – спросила я вместо этого.

– Беспокоило бы, если бы я в это верила. Сомневаюсь, что Реми спешит посадить Лютера на трон. Эти двое ладят не так хорошо, как кажется. – Элинор отправила в рот малину. – Ради семьи Реми и Лютер делают вид, что выступают единым фронтом, но я слышала, как они ссорятся, когда думают, что рядом никого нет. У них *очень* разные планы на будущее Люмоса.

Я постаралась не показывать, насколько мне любопытно:

– И какие же у них планы?

– Какими бы ни были, те планы улетели прочь, едва появилась ты. – Элинор усмехнулась, долила вина в мой бокал и придвинула его ближе ко мне. – Сейчас важны лишь твои планы.

В самом деле.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза, подставляя лицо теплему солнцу. Пришлось схватиться за поручни, потому что мир наклонялся, наклонялся и наклонялся. Похоже, вина я выпила больше, чем думала.

– Что ласкает глаз больше, чем две красавицы, нежащиеся под солнцем Люмноса? – поинтересовался мужчина голосом протяжным и вкрадчиво-приятным, как прикосновение атласа к голой коже.

– Уже пытаешься очаровать нашу новую королеву, да, Эмонн?

– Похоже, ты, Элли, уже опередила меня в этом.

Я села прямо и проморгалась, чтобы лицо Элинор не плыло перед глазами. Она же зло смотрела на Эмонна, наморщив нос:

– Ненавижу это прозвище.

Эмонн ухмыльнулся:

– Почему, думаешь, я его использую?

Элинор бросила в Эмонна клубнику, от которой он легко увернулся.

– Тебе что, больше надоедать некому?

– Вообще-то у нас с ее величеством есть планы. – Эмонн переключил внимание на меня, и его ухмылка превратилась во что-то более привлекательное.

Он согнул руку в локте и подался ко мне:

– Пойдем?

Я встала и, покачнувшись, схватилась за край столика. Эмонн изогнул бровь с таким видом, словно едва сдерживал смех.

– Хорошее вино, – смущенно пояснила я.

Мое внимание привлек звук открывающейся двери. На другом конце террасы, у дворца стоял Лютер и буквально пожирал меня глазами. Он не двигался и будто бы даже не дышал.

Я залилась краской. Лютер видел меня без одежды унижительное множество раз, но в этом платье я чувствовала себя оголенной больше, чем прежде.

Не подойти к нему и не потребовать обещанные ответы удалось с заметным усилием, но я была не в состоянии вести такую беседу, пока не протрезвею; и сомневалась, что жалко не попробую отомстить за то, как легко Лютер одолел меня накануне вечером.

И еще меньше доверия вызвал трепет, охвативший меня под пристальным взглядом Лютера, который сжимал и разжимал кулаки.

Сора встала, вытянула шею в сторону Лютера и зло замахала хвостом. Она раздраженно фыркнула, и из ноздрей у нее повалил дым.

Я усмехнулась. Похоже, не я одна держала обиду за вчерашнюю схватку.

Взяв под руку Эмонна, я оглянулась на свою новую советницу:

– Спасибо за сегодняшнее утро, Элинор. Давай сделаем такие встречи регулярными?

Элинор просияла:

– С большим удовольствием. Но, думаю, в следующий раз без стука мне лучше не входить.

Глава 7

Мы с Эмонном направились в сад, а Сора взмыла в небо, чтобы следить за нами. Эмонн вывел меня на гравиевую дорожку, обрамленную пышным лавандовым агератумом, ярко-розовыми и белыми петуньями, сладкий аромат которых пропитывал воздух.

– Лютер не отходит от тебя ни на шаг, Элинор – твоя собутыльница, а теперь твой покорный слуга устраивает тебе индивидуальную экскурсию. Смею я надеяться, что это означает твое намерение присоединиться к нашему благородному Дому?

– Я думаю об этом, – ответила я. – Ты и твои родственники не остановитесь ни перед чем, чтобы оказать мне теплый прием.

– Можно ли нас в этом винить? Если ты откажешься, мы потеряем всё. – Я захлопала глазами от такой прямоты, вызвав у Эмонна кривую улыбку. – Ты не согласна?

– Нет, согласна. Просто удивлена, что ты так откровенно это признаешь.

Эмонн вздохнул с преувеличенной тяжестью:

– Признаю, что откровенность у Корбуа не всегда считается добродетелью.

– Я уж заметила.

Я посмотрела через плечо. Лютер так и стоял на террасе, не сводя глаз с наших с Эмонном переплетенных рук. Я тотчас отвела взгляд.

– Поэтому ты позвал меня на прогулку – чтобы убедить согласиться на предложение твоего дяди?

Эмонн ответил обворожительной улыбкой:

– Признаюсь, что мотив у меня еще эгоистичнее. – Он заставил меня свернуть на другую дорожку, выложенную мозаикой из белой плитки и обрамленную причудливой формы топиариями, которая убежала прочь от дворца и пределов видимости Лютера. – Я надеялся, что ты позволишь мне сопровождать тебя на Бал Интронизации, – продолжал Эмонн, глаза которого заблестели в ответ на мое недоумение. – Это твое формальное представление Домам Люмноса.

У меня сердце остановилось.

– Бал? Чтобы представить меня?

– Да, но ничего из ряда вон выходящего в нем нет. – Эмонн рассеянно махнул рукой. – Музыка, танцы, неудобные наряды, грязные сплетни. Все как обычно.

Меня сразу замутило – не то от вина, не то оттого, что меня выставят перед Потомками Люмноса и обяжут танцевать.

– И когда этот бал?

– На следующий день после похорон короля.

– А похороны когда?

Эмонн снова напыщенно вздохнул:

– Мы старались хранить дядину смерть в тайне, пока ты не примешь решение. Увы, слуги оказались болтливей, чем мы надеялись. В городе уже появляются траурные ленты. Похороны мы сможем отложить еще максимум на два-три дня.

Я стиснула Эмонну руку, потому что окружающий мир зашатался. Через два-три дня меня представят как королеву.

На балу.

С танцами.

– По традиции монарха сопровождает супруг или супруга, но раз ты не замужем – ты ведь не замужем? – то вольна выбрать кого угодно. Я надеялся убедить тебя оказать эту честь мне. В животе забурлило. Я споткнулась.

Эмонн встал передо мной и прижал ладони мне к ребрам, чтобы удержать на месте. Тревожные колокольчики, которые гнали меня прочь от него, были заглушены звоном набата, уже выбившим меня из колеи.

– Ты как, ничего? – спросил Эмонн.

Слова не шли. Мой рот был суше ваты, горло словно углем набили.

– Лютер не рассказывал тебе об этом? – Эмонн нахмурился. – Он не очень прилежный советник.

– Он мне не советник, – выдавила я. – Он мне просто... – Я осеклась, толком не понимая, кем мне приходится Лютер.

– Дием, посмотри на меня. – Пальцы Эмонна согнулись у меня под подбородком, приподнимая его. Наши взгляды встретились, и он наградил меня умопомрачительной улыбкой, которая притупила мне панику. – Волноваться не о чем. Я помогу тебе справиться. – Большой палец Эмонна медленно очертил мне челюсть, взгляд скользнул к моим губам.

Хмельное возбуждение затопило мне грудь, глуша рассудок, и какую-то секунду я даже дышала с трудом. Потом мысли пронзило другое куда более неприятное чувство – чувство вины.

– Я не свободна! – выпалила я, резко отступая от Эмонна. – Не замужем, но... Генри... У нас, хм, все серьезно, – заявила я и почувствовала, что солгала.

Эмонн замер и наклонил голову буквально на долю дюйма:

– Он... смертный?

Я кивнула.

– Хм... – Эмонн прищурился. – И насколько серьезно у вас с этим Генри?

Я судорожно пыталась слепить ответ, который не выдал бы меня с головой.

Эмонн шагнул ко мне, как дикий кот, крадущийся к загнанной в угол мыши, и слова полились, не успела я их остановить:

– Он попросил меня выйти за него. Я... Я еще не дала ему ответ. – Я поморщилась.

Это мне раскрывать ему не следовало.

Вот правда-правда не следовало.

Эмонн смерил меня пронизательным взглядом. Ослепительная улыбка не исчезла с его губ, но она больше не сочеталась с расчетливым взглядом.

– Ну что же, – невозмутимо проговорил Эмонн. – Тогда Генри нужно прийти к нам на бал. Дома Люмноса будут *очень* рады с ним познакомиться.

– Нет! – Я покачала головой, чувствуя, как громко стучит сердце. – Его на балу не будет.

– Дием, счастливый мужчина, за которого ты выйдешь, станет королем-консортом. Если ты обручена или намерена обручиться, и представители других Домов выяснят, что ты скрыла это от них, для Оспаривания последствия будут катастрофическими. Каждый Дом Люмноса восстанет против тебя.

Боги, это плохо. Очень-очень плохо.

– Могу я быть с тобой честным? – Лицо Эмонна просветлело, резкость в нем сменилась жалостью, которой я не факт, что верила. – Уверен, этот Генри – человек замечательный. Но отношения между смертными и Потомками... – Эмонн поморщился. – Смертные умирают так быстро и так легко; разумеется, их дети объявлены вне закона, и...

Я ощетибилась:

– А ты понимаешь, что я дочь смертной?

– И не будь ты монархиней, тебя казнили бы. Такой участи ты ждешь для своих отпрысков?

От его слов меня передернуло. Я сомневалась, что хочу детей в принципе, но при мысли о том, что моего ребенка казнят из-за того, что его отец...

Я отшатнулась на несколько шагов:

– Мне нужно идти. Мне нужно поговорить с Лютером.

Понятия не имею, почему я так сказала. С кем с кем, а с Лютером обсуждать Генри мне точно не хотелось, и я уже содрогалась, представляя головомойку, которую он наверняка устроит мне за пренебрежение его советом.

– С Лютером?! – Эмонн засмеялся, словно не веря своим ушам. Он осторожно пригладил волосы, стараясь не испортить идеальную укладку. – Да, пожалуй, с ним поговорить стоит, – холодно продолжил он. – Лютер лучше других знает, что случается с детьми-полукровками.

Я напряглась:

– О чем это ты?

– Дием, милая, Лютер – Страж Законов. Его задача – обеспечивать соблюдение правил короля Ультера.

Я покачала головой, начиная понимать, но отказываясь верить:

– Об-беспечивать соблюдение?

Улыбка Эмонна наконец стала жестокой.

– Думаешь, кто проводит казни всех тех детей от имени монарха?

– Что?! – выпалила я.

Эмонн негромко зацокал языком:

– Да за прошедшие годы он десятки их убил. Бедняжки! В большинстве своем младенцы, которые не понимали, что с ними происходит, но некоторые... – Эмонн схватился за грудь и опустил подбородок, понизив голос до шепота: – Как же страшно было старшим детям, когда меч Лютера перерезал им шейки!

У меня покраснело перед глазами.

Убийца!

Злобный, бездушный, неисправимый *убийца*.

Неудивительно, что он остался безучастным, на глазах у Генри затоптав мальчишку до смерти! Что гибель еще одного смертного ребенка для такого убийцы, как он?

Мой гнев проснулся с взрывной внезапностью, наполнив грудь раскаленным добела огнем.

«Борись!»

В кои-то веки я и богами проклятый *голос* были в полном согласии.

– Мне пора. – Я резко отвернулась от Эмонна и зашагала к дворцу.

Над головой у меня пронзительно закричала Сора, и цветы в саду задрожали от нисходящего потока воздуха, поднятого ее крыльями. Когда я сошла с ухоженных дорожек, она резко села на траву передо мной, глаза ее метали молнии. Ее тяжелое дыхание звучало в унисон с моим, пахло дымом и ерошило мне волосы.

«Скажи, кого убить, – словно просила Сора. – Напусти меня на негодяев, и я заставлю их заплатить».

И я поняла, что она заставит. Если попрошу, она разорвет Лютера в клочья. Может, даже если не попрошу, учитывая мою ярость.

Лютер использовал *ее*, чтобы убивать тех детей? При мысли об этом мне стало дурно. Столько монархов командовали Сорой до меня – не определишь, сколько смертной крови она пролила по их приказу.

В этом проблема слепой преданности – ее можно использовать во вред так же, как во благо.

Мой взгляд упал на золоченую цепь на шее у гриверны. Направляла ее вовсе не верность. Покорность Соры исходила от рабства и ни от чего другого.

Сора когда-нибудь огорчалась из-за приказов, которые ей дают? Ей не давали спать крики невинных, моливших о пощаде, которую она не могла им даровать? Я заглянула в золотые глаза гриверны, но та не ответила.

Когда я потянулась к ней через нить нашей связи, почувствовала глубокое, безоговорочное желание уничтожить того, кто доставил мне такие страдания.

– Не трогай его! – скомандовала я, пробираясь мимо нее. Гриверна раздраженно щелкнула клювом. – Прости, девочка! – буркнула я. – Если кто-то убьет Лютера Корбуа, это буду я.

Глава 8

Когда я вернулась во дворец, Лютера не было ни на террасе, ни в общих комнатах, которые ранее показала мне Элинора.

И хорошо, что не было, потому что за час поисков мой гнев стих – немного стих – и к немалой своей досаде я вспомнила, что убить его не могу.

Пока не могу.

По самой крайней мере, мне до сих пор требовались ответы на вопросы о судьбе моей матери. Да и убийство сына регента вряд ли повышало мои шансы пережить Период Оспаривания с непорочной головой.

Осознание этого плохо помогало успокоить *голос*. Уступив ему в ночь, когда получила корону, я думала, что он пропал, но события той ночи лишь подстегнули его. Неведомая странная сила, которую он представлял, начала сопровождать каждый мой вдох тем же словом: «Борись!» «Борись!» «Борись!» Монотонный бубнеж напоминал мерные удары метронома, не отстающие от темпа моих бешено несущихся мыслей, и я чувствовала, что с каждым «Борись!» мое терпение тает. Я стала воплощением гнева и не могла терпеть ничье присутствие, тем более находиться во дворце, полном существ, на которых я плевать хотела.

Я расхаживала по коридорам, проигнорировав немало Корбуа, которые пытались отозвать меня в сторонку и «*просто поболтать*», когда из-за угла выглянула Лили.

– Ваше Вели... то есть, э-э-э... Дием, – зашептала она, поманила меня к себе и торопливо огляделась по сторонам. – Твой... ну, тот, кого ты просила привести. Он здесь. Точнее, не здесь, а...

– Где он? – напрямую спросила я.

– Я собиралась привести его к тебе в комнату, но в королевском крыле слишком много людей, наверное, они убирают для тебя монаршие покои, и я решила привести его в библиотеку, но там занимается Эльрик, а если кто в семье не умеет хранить секреты, это как раз Эльрик. Вот честное слово, он рассказывает все и всем. Тогда я решила привести его к себе в комнату, но это показалось очень-очень плохой идеей...

– Лили, скажи, где он, – не выдержала я и сквозь зубы добавила: – Пожалуйста!

– Ах да, конечно. – Принцесса улыбнулась. – Иди за мной.

Я проследовала за ней к массивным дверям с мудреной системой задвижек и толстых засовов, блокирующих ее снаружи, словно задачей было не выпускать обитателей дворца за порог, а не защищаться от незваных гостей. За дверями начиналась винтовая лестница, на которой с каждой ступенькой вниз становилось все темнее. Лили махнула рукой, и у наших ног появились светящиеся сферы, озаряющие пол.

Неведомое место, в которое мы шли, было по-настоящему неприглядным. Стены, вытесанные из зазубренного камня, оказались вопиюще голыми – ни гобеленов, ни предметов искусства, расставленных в других частях дворца, влажный воздух слабо пах гнилью.

– Что это за место? – шепотом спросила я: зловещую тишину даже нарушать было страшно.

– Подземная тюрьма. Ее не используют уже много лет. Когда я была маленькая, мы здесь играли.

– Лили, это ты? – Голос моего брата эхом отражался от бесконечных стен сырого камня.

– Теллер! – окликнула его я.

– Ди, я здесь, внизу. Спускайся скорее, здесь жутко.

Едва разыскав братишку во мраке, я бросилась к нему и обняла его за шею. Мы не разговаривали всего день, но с тех пор мой мир словно перевернулся вверх дном. Столько пла-

нов появилось и сорвалось после неожиданного открытия, которое мы сделали возле нашего домика на болоте.

Теллер сжал меня в объятиях, потом отстранился и сделал большие глаза:

– Ты платье надела?

Я ухмыльнулась и с пафосом перекинула волосы через плечо:

– Безумие, да? Другой одежды у них не нашлось.

– По-моему, она прекрасно выглядит, – вставила Лили, наблюдающая за нами с нежностью в глазах и милой улыбкой. – Она выглядит как королева.

– Так и есть, – согласился Теллер, глядя на меня с изумлением. – Ты выглядишь как... как...

– Скажи что-нибудь хорошее, не то я натравлю на тебя гриверну.

Теллер выпучил глаза:

– Боги, боги, верно: теперь ты контролируешь люмносскую гриверну.

– Сора чудо! – выпалила я. – Ты ее полюбишь. И ты еще не видел местную библиотеку.

Она огромная, тебе из нее уходить не захочется.

Теллер изумленно глянул на меня, провел рукой по губам, потом отступил на шаг и глянул на меня снова:

– Ты улыбаешься.

При нашей последней встрече я всхлипывала в объятиях братишки, умоляла помочь мне найти выход. Я потянулась внутрь себя, чтобы нащупать разбитую часть души, которая хотела все бросить и вернуться к тихой, невзрачной жизни, но осколков на прежнем месте не было.

– Ты нашел в своих учебниках что-нибудь полезное? – осторожно спросила я.

– Пока нет. Везде сказано одно и то же – корона переходит только после смерти. Но я буду искать дальше.

– Да, ищи дальше. – Я не знала, что делать с выражением своего лица, немного стыдясь того, что ответ братишки ничуть меня не расстроил.

– Как ты оказалась во дворце? – спросил Теллер. – Ты же вроде собиралась прятаться в какой-то сторожке?

Лили вздрогнула, потом, нахмутив брови, стала внимательно изучать пол. Я почти слышала, как бешено колотится ее сердце: принцесса ждала, когда я расскажу о ее предательстве.

– Я решила отправиться во дворец и сообщить им новость, – вместо обвинений проговорила я. – Гриверна все равно разыскала бы меня, так что прятаться не имело смысла.

В глазах Лили мелькнуло удивление, потом благодарность. Ее сияющие глаза могли осветить все королевство.

Я быстро пересказала, как меня представили Дому Корбуа, отдельно остановившись на предложении Лютера и Реми. Я почти видела, как крутятся шестеренки в умной голове Теллера: братишка оценивал имеющиеся у меня варианты.

– Предложение разумное, и для тебя, и для них, – заявил Теллер. – Особенно сейчас, до Оспаривания.

– А как происходит Оспаривание? Мне придется сражаться с каждым жителем Люмноса, который решит, что я недостойна короны?

– Нет, хвала богам. Если Оспаривать решит больше, чем один Дом, регент выберет сильнейшего из Оспаривателей. Если ты одолеешь его, тебя коронуют.

Я пожала плечами:

– Тогда ничего страшного. Отец отлично нас подготовил. С *одним* Потомком я справлюсь.

Теллер мрачно на меня посмотрел:

– Биться разрешено только магической силой, Ди. Никакого оружия.

У меня сердце упало.

– А возможен вариант, что Оспаривать мои права никому не захочется?

– Да! – вмешалась Лили. – Особенно если все поверят, что ты Корбуа. Ни один другой Дом не рискнет превращать нас во врагов.

Возможно, предложение Реми и Лютера стоило-таки обдумать. Я нахмурилась и потеряла виски. Попытки думать среди нескончаемого бубнежа *голоса* – «Борись! Борись! Борись!» – привели к мозголомной головной боли.

– Дием, когда ты собираешься рассказать об этом дома? – медленно спросил Теллер.

Вопрос братишки я проигнорировала:

– Один из кузенов упомянул Бал Интронизации – вам что-нибудь об этом известно?

– Бал?! – взвизгнула Лили.

В ответ на ее возглас Теллер улыбнулся. Нежность в его глазах напомнила мне то, как иногда на меня смотрел Генри. В животе у меня завязался узел.

– На балу тебя представят двору, – пояснил Теллер. – Это станет официальным началом Периода Оспаривания.

– На балу тоже проводятся какие-то испытания?

– В учебниках это не упоминается.

Мы с Теллером глянули на Лили, и та лишь плечами пожала.

По подземной пещере раскатился другой голос, низкий и зычный:

– Ты не понимаешь, что испытанием считается все, что ты делаешь между текущим моментом и коронацией?

Теллер замер.

Лили охнула.

Я ущипнула себя за переносицу и закрыла глаза.

Голос раздался снова:

– Сестренка, когда в следующий раз устроишь секретную встречу в подземной тюрьме, закрывай дверь за собой, уж постарайся не забыть.

Лили потупилась и стала жевать нижнюю губу. Теллер начал утешать ее, потом нервно глянул на лестницу и отстранился.

– Уходи, Лютер, – буркнула я.

– Ваше Величество, – невозмутимо начал он, – вас ищет много людей. Какое счастье, что ни один из них не додумался искать в самом низу лестницы.

Его высокомерный тон был как размахивание факелом возле бочки с керосином.

Голос больше не бубнил – теперь он *орал*.

Я чувствовала, что вдали Сора расхаживает по своему насесту и дико кричит.

– Успокойся, – шепнула я, убеждая себя, что обращаюсь к гриверне, а не к своему нарастающему раздражению. – Я в порядке. Опасности нет.

«Борись!»

Голос, очевидно, считал иначе.

– Что ты хочешь? – резко спросила я Лютера.

– Думаю, нам с тобой есть что обсудить.

Я зло уставилась на него:

– Да, да, пару моментов мне *обсудить* с тобой хотелось бы.

Теперь, глядя на Лютера, я видела только кровь. Кровь множества детей, которых убили, не дав им толком пожить.

Взгляд бесстрастных глаз Лютера скользнул к моему брату.

– Она всегда такая?

Теллер вскинул бровь:

– Вы имеете в виду неоправданно злая на всех и вся?

Лютер кивнул:

– Да.

«Борись!»

Я практически зарычала.

Теллер виновато посмотрел на меня.

– Нет, так было не всегда. Она изменилась недавно. С тех пор, как... – Теллер осекся, его ответ воплотился в наших взглядах друг на друга: «С тех пор, как она перестала принимать порошок огнекорня».

У меня закипела кровь. Нет, точка кипения была давно пройдена – кровь оставили томиться на клокочущем огне, и теперь она паром валила из-под крышки. Как смеют они обсуждать меня, словно я не стою прямо перед ними?!

«Борись!»

Мне хотелось их избить. Мне хотелось разорвать их на части. Мне хотелось ногтями разодрать им кожу. Мне хотелось...

– Тебе нужно использовать свою магию, – посоветовал Лютер.

Я прищурилась, стараясь сосредоточиться на чем-то помимо жажды к насилию:

– Что?!

– Божественность – так мы называем источник нашей магии – ненавидит, когда ее блокируют внутри физического тела. Слишком долгое пленение без глотка свободы ее злит. Чем дольше ты держишь ее взаперти, тем сильнее она злится.

– Ты описываешь ее как живое существо.

– В какой-то мере так оно и есть. Разве ты не слышишь, как она с тобой разговаривает?

«Борись! Борись!»

Я зажмурилась. Из-за монотонной пульсации боли во лбу и мстительного хора в мыслях я едва следила за разговором.

Пять минут. Мне требовались пять богами проклятых минут тишины и мира.

«Борись! Борись! Борись!»

– Заткнись! – процедила я сквозь зубы.

Лютер чуть заметно скривил рот, довольный, что оказался прав.

– Происходящее с тобой нормально. Потомков, только открывающих свою магическую силу, часто охватывает злость, потому что они еще не знают, как успокоить свою божественность.

– Это объясняет то, почему в школе все такие сволочи, – буркнул Теллер. – А вот Лили почему не такая?

– Меня Лютер научил, – ответила принцесса, гордо улыбаясь брату. – Он начал меня готовить еще до того, как проснулась моя магическая сила, чтобы она не застала меня врасплох.

Лютер кивнул:

– Для большинства Потомков опасны даже несколько дней без освобождения магической силы. Если ты подавляла ее столько лет... – Он окинул меня медленным оценивающим взглядом. – Ты – ходячая взрывчатка.

«Борись!»

Я точно чувствовала себя взрывчаткой. Желательно нацеленной в район его головы.

Неужели я сказала об этом вслух? Лютер расправил скрещенные руки и встал в боевую стойку. В устремленном на меня взгляде читались только тактические расчеты – как у солдата, оценивающего врага.

– Части этой силы нужно дать волю. А вам двоим, – он строго взглянул на Теллера и Лили, – лучше оказаться подальше, когда она свою силу высвободит.

– Я могу им навредить? – спросила я.

– Можешь, пока не научишься силу контролировать. Если честно, то, что твой брат еще дышит, объясняется лишь его впечатляющей способностью тебя не злить.

– Тогда как ты еще жив? – Это я точно сказала вслух.

Невеселая ухмылка Лютера сулила битву. Она и волновала, и пугала в равной степени.

«Борись!»

– Оставьте нас, – велел Лютер.

Лили схватила Теллера за руку, они вместе взбежали по темной лестнице и исчезли.

Я подумывала выдать особо язвительную подначку о приказах Лютера, о его титулах, о самой его жизни, которую мое правление сделает никчемной, но, если быть до конца честной, все эти разговоры о разрядке открыли крохотное оконце надежды в моей страдающей душе.

Когда-то я была счастливой, жизнерадостной девушкой. Я смеялась так же искренне, как любила. Я придумывала легкие, беззаботные шутки вместо грубых оскорблений и угроз. Я была терпеливой, сострадательной и отходчивой.

Женщину, которой я стала... я презирала.

Она была сильной, безусловно, но каким-то неправильным образом. Сила может подпитываться любовью. Когда-то я это понимала и сейчас отчаянно хотела снова найти ту часть себя.

Я точно не знала, как это повлияет на мой план уничтожить мир Потомков, но понимала, что если продолжу в таком же духе, то саморазрушусь прежде, чем успею одолеть хоть кого-то, или поддамся ненависти, как Вэнс и Хранители.

Мы с Лютером смотрели друг на друга в бессловесном напряжении. Его сильная магия танцевала у него в глазах, свет и тень переплетались, как любовники, обнимающиеся под луной. Побегу тьмы колючей проволокой обвивали ему предплечья и грудь, а свет струился по выпуклостям туловища, кружил по мускулистым бедрам, заковывая Лютера в сверкающие доспехи.

От такого зрелища в груди у меня что-то возбужденно зашевелилось.

«Борись!»

– Почему ты ее сдерживаешь? – спросила я, глядя, как магия пульсирует вокруг него, словно разумная сила. – Потомки редко используют свою магию при смертных. – Я скривила верхнюю губу. – Бойтесь, что мы заметим ваши слабые стороны?

– *Наши* слабые стороны, – поправил Лютер. В горле запершило от нужды эту поправку отвергнуть. – Если получается, мы стараемся не показывать смертным нашу магию. Она способна... растревожить наблюдающих ее в действии.

– С каких пор Потомки переживают о том, что растревожили смертных?

Лютер стал ходить вокруг меня медленными, плавными шагами хищника.

– Разве мы не даем смертным Люмоса жить, не зная тревог? Потомки не выходят за пределы своих домов, своих дворцов.

Почему-то его слова звучали фальшиво. Отрепетированно.

Я резко рассмеялась:

– Как любезно с вашей стороны разрешать нам жить на земле, которая изначально была нашей.

«Борись!»

Каменные стены сотряс низкий рокот, подозрительно похожий на рык Соры.

Лютер шагнул мне за спину, оказавшись вне поля моего зрения. Я упрямо не меняла позу.

– Смертные вольны жить, как им хочется, если соблюдают законы королевства. – И снова его слова показались пустыми и неискренними.

– Никакой воли нет в жизни по законам, которые мы не составляли и не имеем реальной власти изменить. – Я нахмурилась. – Может, Потомкам пора, наконец, понять, каково терять все, что дорого им.

Я тотчас поняла, что зашла слишком далеко. Выдала себя с головой.

Лютер замер – его неподвижность казалась какой-то противоестественной. Напряженная магической силой, каждая мышца его тела натянулась струной.

Когда он наконец заговорил, его голос звучал убийственно мягко:

– С вашей стороны, Ваше Величество, было бы разумнее держать такие мысли при себе.

Кровь можно пустить даже королеве.

«Уничтожь!»

Голос изменился. Сосредоточился.

Словно почувствовав угрозу, он защищал свою хозяйку. Он крался внутри меня, заражая мне вены обжигающим жаром. Руки дрожали от болезненного желания уступить его безжалостному зову.

Где-то вдали Сора буквально заходила яростью.

– Нет, – тихо сказала я, умоляя *голос*, гриверну, собственный дикий гнев умерить кровожадность.

Я не могла убить Лютера, пока не могла, прямо сейчас не могла.

– Довольно разговоров, Дием. – Лютер подошел ко мне спереди. На одной ладони у него появилась сфера пульсирующего света, на другой – шипастый комок тьмы. – Используй свою магию, не то я нападу.

От такого зрелища мои собственные пальцы сжались, горя желанием ответить так же.

«Уничтожь!»

– Забыл, что ты не смеешь называть меня по имени? – прошипела я. – Для тебя я Ваше Величество.

– Дием, заставь меня так тебя называть! – Лютер махнул рукой, и в мою сторону вылетела стрела тьмы.

Я едва успела отпрянуть, прежде чем она вонзилась в стену у меня за спиной.

– Ты мог меня убить! – прокричала я.

– Так защищайся!

Я потянулась к бедру за кинжалом. Черный колючий побег хлестнул меня по ладони, так что кинжал вылетел и укатился туда, где я не могла его достать.

– Никакого оружия. Только магия.

– Я же говорила, у меня нет...

Ко мне метнулось облако ярко сияющей дробы. Взвизгнув, я упала на колени в тот самый момент, когда раскаленные светящиеся точки пронеслись у меня над головой.

– Хватит притворяться. Встань и защищайся!

– Я не притворяюсь, я... Проклятье!

Я повернулась на бок за долю секунды до того, как топор из тени рассек место, где я сидела, оставив в полу зазубренную брешь.

– Как много лжи! – Лютер зацокал языком. – Теперь ты станешь утверждать, что не целовала меня.

– Я и не целовала! – огрызнулась я. – Это ты меня поцеловал. Я стала невинной наблюдательницей.

– Ничего невинного в том поцелуе не было. Ни с твоей стороны, ни с моей. – Лютер облизнул губы, и у меня забурлила кровь. – Если тебе требуются доказательства, у меня на коже до сих пор остались кровавые следы твоих рук.

«Уничтожь!»

Я рванула за своим упавшим кинжалом и швырнула его Лютеру в грудь. Принц вздохнул, от его легкого кистевого движения вокруг него появилась стена голубого света, от которой кинжал отскочил, не причинив ему вреда.

– Это ниже твоего достоинства, – прошептал Лютер, закатив глаза.

Он закатил свои гребаные глаза!

«Уничтожь! Уничтожь!»

Я поднялась на ноги и заскрипела зубами, едва не стирая их в порошок:

– Надоело мне с тобой разговаривать! – Я пошла было мимо, но взрыв мерцающих искр заставил меня вскрикнуть и дернуться обратно.

– Используй магическую силу. Я чувствую ее в тебе, чувствую, как она нарастает. Свет жжет, тьма жалит – зови их, преврати их в нужное тебе оружие.

– Не могу.

– Я не остановлюсь, пока ты это не сделаешь.

«Уничтожь! Уничтожь! Уничтожь!»

– Я не могу контролировать эту силу, – выпалила я, выдавая свое отчаяние, но в глазах Лютера не было сострадания.

– Старайся больше, Дием. Сосредоточься.

– Отвали! – прохрипела я, а грудь у меня едва не лопалась от попыток сдержаться.

– Тогда объясни, почему ты так злишься.

Красная дымка застлала мне глаза.

Нет, кровь.

Кровь невинных.

– Объясни! – рявкнул Лютер.

«Борись!»

«Убей!»

«Уничтожь!»

– Ты убил их! – крикнула я. – Это ты убил всех тех детей.

– Каких детей?

– Детей-полукровок, ты, ублюдок безжалостный! Эмонн рассказал мне всё. Это ты их казнил. Ты веками их истреблял.

Лютер побледнел. Его эфирная броня замерцала.

– Ты не представляешь, о чем говоришь, – тихо сказал он.

– Разве ты не Страж Законов?

– Я Страж Законов, но...

– Твоя обязанность – проводить все казни?

– Да.

– Так ты это отрицаешь? Отрицаешь, что убил их?

– Все не так просто, как ты...

– Ты это отрицаешь?! – прорычала я.

У Лютера затрепетали ноздри, но он не ответил.

– Ты это отрицаешь?

– Да, я это отрицаю! – прогремел он в ответ и швырнул в меня залп световых стрел, потом еще один.

Я нагибалась и поворачивалась, чтобы от них спрятаться, вздрогнув, когда одна из них пролетела на волосок от моей щеки.

У Лютера сбилось дыхание. Его грудь ходила ходуном от резких, сбивчивых вдохов.

– Ты правда так обо мне думаешь? Думаешь, я способен на *такое*? – Лютер гневно цедил сквозь зубы, но в его словах сквозила чуть ли не обида. – Поэтому ты так люто меня ненавидишь?

Вопреки холоду подземной тюрьмы, по моему телу растекался жар, грозя затопить меня.

Я вытерла пот, капавший с моего лица:

– У меня *так много* причин тебя ненавидеть.

– Неужели? – рычал Лютер. – Или проще злиться на меня, чем посмотреть в зеркало и принять правду?

«Борись!»

«Убей!»

«Уничтожь!»

Глаза мне застилала пелена, тело одновременно изнемогало от жары и от холода. Оно горело и мерзло, обжигало и коченело, испепелялось и рассыпалось.

– Хватит убежать от себя, Дием. Прими то, кто ты есть и кем тебе суждено стать.

Застонав, я прижала дрожащие ладони к вискам. *Голос* кричал и визжал, требуя свободы, вонзал мне когти в горло, бил кулаками хрупкий череп.

Я не могла вынести такое, не могла *пережить* такое.

– Я думал, ты бесстрашная. – Лютер оскалился. – Перестань быть такой трусихой.

«Борись!»

«Убей!»

«Уничтожь!»

Я сломалась.

Только что дрожала и задыхалась, а потом...

Я летела. Парила в воздухе в коконе сияющей белой сферы, которая трещала и гудела, пока мои волосы танцевали вокруг плеч на вихрящемся ветру. Шипастые побеги голубого света овивали поверхность сферы, скользили по полу, превращая подземную тюрьму в сияющие джунгли кривых остроконечных плетней.

Из каждого шипа капала мутная черная жидкость, словно плети кровоточили. Жидкость кружилась, растекалась, заливала пол – тeneвое озеро стало морем, волны которого угрожающе вздымались и бились о стены.

Лютер отступил на шаг, когда чернильная тьма хлестнула ему ноги. Он ладонью заслонил глаза от моего слепящего сияния, а вот мои глаза, впившись в него, видели его предельно четко.

Лютер ухмылялся. Ухмылялся! Это зрелище меня доконало.

Я была умирающей звездой, взрывающейся наружу и внутрь, поглощающей все, чего я касалась.

Моим пронзительным крикам вторил рев гриверны, когда из груди у меня вырвался залп чистой энергии. Лютер окружил меня защитным куполом, но моя энергия прожгла его, как огонь – пергамент. Магическая сила обрушилась на стены тюрьмы, дрожащий каменный потолок покрылся трещинами.

Кряхтя от натуги, Лютер создал вокруг меня еще один заслон, потом еще один. Языки серебристого пламени, выбивавшиеся у меня из-под кожи, легко прожигали каждый из них, превращаясь в дымку, которая застывала, опускаясь на obsидиановые волны и покрывая их пеной сверкающей изморози.

Я полностью потеряла самоощущение. В теле у меня вместо одной души жили несколько. Они корнями тянулись из земли под дворцом, пробивались сквозь камень, зарывались мне под кожу. Они синхронно пульсировали у меня внутри, и каждая увеличивала силу моей души.

Одна, ярче всех остальных, вместе взятых, разительно выделялась на общем фоне. Отражавшее ее лицо колыхалось у меня перед глазами, слишком нечеткое, чтобы можно было разглядеть как следует, кроме одной черты – серых глаз. Очень похожие на мои, они смотрели на меня. Вокруг тех глаз прорезались морщинки, как при улыбке.

Как при улыбке надежды. Как при улыбке судьбы.

То состояние продлилось несколько секунд, или час, или целую жизнь. Когда оно закончилось, я стояла на коленях. Изнутри у меня по-прежнему сияли звезды, под светящейся кожей вены казались угольно-черными. В полу подо мной образовалась воронка; в трещинах сквозь строительный мусор пробивались побеги.

А потом я слышала смех.

Когда подняла голову, магические доспехи Лютера исчезли. Его одежда висела драными ключьями, которые дымились там, где их опалило, а в прорехах виднелся шрам на груди. Окровавленное тело покрыла мозаика ожогов и порезов, одна бровь практически сгорела, зато на

лице читалась радость, чуть ли не эйфория. Его улыбка тянулась от уха до уха, глаза сияли от восторженного изумления.

Холодный лоск исчез – передо мной предстал Лютер без маски, и он был дико, безудержно счастлив.

Я едва узнала его.

– Я чувствовал, что в тебе живет сила, – тихо проговорил Лютер. Он покачал головой и засмеялся снова, всем телом задрожав в детском изумлении. – Блаженный Клан, ты невероятна, притом что показала только ее капельку. Ты будешь неуправляема. Представить не могу, как ты так долго держала силу в себе и она не сожгла тебя заживо.

Я смотрела на свои раскрытые ладони. Они были такими же, как всегда. Но при этом...

– Тебе стало лучше? – спросил Лютер. Я не ответила, и его улыбка погасла. – Помогла тебе разрядка?

Да.

И нет.

Лютер оказался совершенно прав. Взрыв энергии стал запорным клапаном моего гнева. В голове прояснилось, пульс выровнялся, кожа посвежела. *Голос* теперь был нем как могила.

Но его малиновый туман развеялся, обнажив то, от чего я пряталась месяцами, а может, и с детства, когда меня мучили непонятные видения.

Я была Потомком.

Я обладала магической силой.

Я была сильна, я была быстра. Я умела исцелять.

Я понимала, что проживу века. Даже тысячелетия.

А мои родные не проживут. И Генри с Морой не проживут.

Я проведу с ними несколько десятилетий, это в лучшем случае, если повезет. И эти десятилетия будут мучительные и душераздирающие: у меня на глазах дорогие мне люди сморщатся, ослабнут и превратятся в прах.

Я стану скорбеть по ним и, одного за другим, похороню в холодной земле. Я стану беспомощно наблюдать, как все, кто их знал, тоже умирают, пока воспоминания не сохранятся лишь у меня в голове и у меня в сердце.

А потом я останусь одна. Совершенно и навечно одна. И никакая магия мира это не предотвратит.

Одна. Такова была моя судьба.

– Я согласна.

Лютер с опаской приблизился и помог мне встать, осторожно обняв за плечи, чтобы удержать меня в равновесии.

– На что ты согласна?

– Я присоединюсь к Дому Корбуа, – хрипло ответила я. – Но только если ты будешь защищать моих родных и близких, пока они живы. Даже если я погибну при Оспаривании. – У меня задрожали ладони. – Обещай, что защитишь их, и я присоединюсь к вам.

– Дием... – Голос Лютера звучал мягко и мучительно нежно. Он опустил голову в попытке перехватить мой взгляд. – Что с тобой не так?

Всё.

Я подняла взгляд, и мое разбитое, кровоточащее сердце отразилось в его встревоженных глазах.

– Хочешь завоевать мое доверие – пообещай, что защитишь их, даже если я не смогу.

Слеза рекой покатилась по щеке. Когда-то меня ужасала возможность расплакаться перед Лютером. Сейчас я просто пыталась не сломаться.

– Пожалуйста, Лютер! – шепнула я срывающимся голосом.

– Да, конечно. – Он смахнул слезу мне со щеки и кивнул с серьезным видом. – Я не позволю, чтобы с ними что-то случилось, обещаю тебе.

Не сказав больше ни слова, я вырвалась из его объятий и двинулась прочь – вверх по винтовой лестнице, по извилистым коридорам, за дверь с многочисленной охраной и в холодную, пустую постель.

Я перестала сдерживать слезы и рыдала, пока не исчез окружающий мир.

Глава 9

Я была опустошена во всех смыслах этого слова.

Вернувшись из подземной тюрьмы, я предалась глубокому, душераздирающему отчаянию, которое затянуло в сон без сновидений, но утром проснулась в оцепенении.

Один взрывной выброс магической силы опустошил мои запасы энергии, и теперь тело ныло, а голова кружилась. Мылась и одевалась я, словно плавая в масле, – приходилось стараться в два раза больше обычного, чтобы выполнить любое действие в два раза медленнее обычного.

Мои мысли и *голос* были тише, чем когда-либо. Хаос еще грохотал где-то внутри, но впервые за многие месяцы я могла *просто сидеть* в тишине.

Слезы, злость, паника, надежда – все это казалось до странного чуждым и чужим. Даже когда я решилась позволить себе обратиться к самым мрачным мыслям, скрытые в них страхи казались не больше чем сломанными безделушками на грязной полке.

Я всегда представляла Потомков бесстрастными оболочками с магией вместо сердец. Именно так я себя сейчас чувствовала – бесконечно сильной, но бездонно пустой.

Проснувшись на заре, я сидела в кресле и апатично смотрела в стену, пока тишину не нарушил стук в дверь.

Открыв, я увидела Лютера с подносом, заставленным слоеными пирожными, горячими пышными омлетами, разнообразными соками и чаями. Он смотрел на меня как на раненое чудовище, которое может и горло порвать, и рухнуть замертво.

– Я подумал, что сегодня утром ты захочешь позавтракать без свидетелей.

Я уставилась на него.

Злость... Я должна была испытывать к нему злость?

– И я обещал рассказать тебе... – взгляд Лютера метнулся к страже, – о нашей общей знакомой.

Да. О моей матери.

О ней мне узнать хотелось. Очень хотелось. По крайней мере, это я чувствовала.

Я отошла в сторону и стала смотреть, как Лютер расставляет еду на маленьком столике, потом опустилась на стул напротив него.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Лютер, скользнув взглядом мне по лицу. – Помогло тебе использование магии?

Я открыла рот, чтобы ответить, но... Помогло ли мне оно? Такое состояние лучше, чем злиться?

– Ты был прав, – проговорила я. – В отношении разрядки. – Я начала накладывать еду себе в тарелку, не столько от голода, сколько от желания чем-то себя занять.

Лютер немного расслабился, глядя, как я откусываю первые кусочки.

– То, что я вчера тебе наговорил... Я только хотел спровоцировать тебя использовать магию. Я вовсе не собирался...

– Ничего страшного.

Лютер подался вперед:

– Ты не труси...

– Налей мне чаю?

Лютер нахмурился.

Он налил чай из чайника в изящную фарфоровую чашечку и передал мне:

– Просто знай, что ты последний человек, которого я...

– А сахару дашь?

Лютер опустил подбородок и медленно придвинул мне сахарницу:

– Если бы ты только позволила мне...

– Почему сегодня ты ощущаешься иначе? – Я бросила в чай кусочек сахара. – Обычно, когда тыходишь в комнату, я чувствую твою магическую силу. А сегодня – нет.

Тяжело вздохнув, Лютер откинулся на спинку стула:

– Потому что я израсходовал свою магическую силу вчера вечером, стараясь не дать дворцу рухнуть нам на головы. Ты должна гордиться собой: на то, чтобы выгореть, у меня, как правило, уходят часы. Ты же опустошила мои резервы за минуты.

В любой другой день от таких слов я стала бы невероятно самодовольной. Нахально самодовольной. Зло ухмыляясь, я делала бы полные сексуального подтекста намеки на его *стойкость*.

Сегодня я просто помешала чай.

– Кажется, я тоже опустошена.

– Нет-нет. Ничего подобного. – Лютер криво улыбнулся. – Твою силу я чувствую. Она меньше, чем обычно, но все равно больше, чем у любого знакомого мне Потомка.

Я замерла, услышав такую новость.

– Каждый Потомок способен чувствовать мою магическую силу?

– Нет. Друг друга ощущают лишь самые могущественные. В Люмносе таких лишь несколько. Но даже способные не поймут, что сила исходит от тебя, пока не окажутся рядом.

– Ясно.

Лютер молчал, ожидая, что я скажу больше. А я откинулась на спинку стула и пила чай маленькими глотками.

Лютер сдвинул брови:

– Мой отец официально объявил о смерти короля. Он боялся, что промедление растолкуют как попытку что-то скрыть. Я-то надеялся немного потянуть время, чтобы ты успела привыкнуть...

– Понятно, – кивнула я.

– Похороны состоятся через несколько дней. Ты должна присутствовать, но можешь никого не приветствовать и ни с кем не разговаривать. Так будет до самого...

– Бала. Эмонн объяснил мне.

Губы Лютера сжались в тонкую полоску.

– Как любезно с его стороны.

– Он попросил разрешения сопровождать меня.

Лютер отвел взгляд, уставившись куда-то вдаль. Мышцы у его челюсти задергались.

– Я сделала ошибку, – тихо сказала я. – Раскрыла то, что не следовало.

Взгляд Лютера снова метнулся ко мне.

Он положил локти на стол и переплел пальцы:

– Расскажи мне.

Я отставила чашку и сделала глубокий, медленный вдох:

– Эмонн флиртовал со мной, а я перебрала с алкоголем и опьянела. – Я потупилась. Даже нынешнее оцепенение не смягчило болезненную неловкость моего признания. – Я сказала ему, что смертный мужчина, с которым я встречаюсь, сделал мне предложение.

Лютер сидел не шелохнувшись.

– Это... правда? – спросил он словно через силу.

– Да.

Возникла тяжелая пауза.

– Ты уже дала ему ответ?

Я поморщилась:

– Еще нет.

Закрыв глаза, я напряглась в ожидании его ответа, но долгое время слышала только мучительную тишину. Потом раздался его вздох, потом скрип кожи, словно Лютер усаживался поудобнее. Потом снова воцарилась тишина.

Боги, это было хуже нравоучений. Лютер сделал вдох, и я снова напряглась.

– Об этом не беспокойся. С Эмонном я справлюсь.

Подняв голову, я перехватила взгляд, лишенный осуждения и упрёка. Он был скорее... мягким. Понимающим.

И, может, немного грустным.

– У моего очаровательного кузена странный талант выуживать секреты, которые другие предпочли бы не раскрывать. На определенном этапе это случается с каждым членом семьи. Считай это обрядом посвящения в Дом Корбуа.

Я захлопала глазами. По старой привычке я задумалась над мотивами Лютера, но мои подозрения быстро растворились в апатии. По неведомой причине приятно было вести с ним разговор, не обреченный закончиться кровопролитием.

– А может у Эмонна случайно оказаться еще и странный талант держать чужие секреты при себе? – спросила я.

Лютер хохотнул:

– Я с ним поговорю. Если нужно, я могу быть очень *убедителен*.

Вздыхнув, я бессильно откинулась на спинку стула:

– Спасибо.

Мягкость исчезла из взгляда Лютера, сменившись характерной сосредоточенностью.

– Этот смертный, он знает о королевской короне?

– Пока нет. – Я пожала плечами и потупилась. – Я даже не уверена, что он теперь захочет на мне жениться.

– Потому что теперь ты королева?

– Потому что теперь я Потомок.

– Ты всегда была Потомком.

– Он этого не знал. Я этого не знала.

Лютер нахмурился:

– Правда не знала?

– До прошлой ночи не знала. Подозрения у меня, наверное, были, но по-настоящему я в это не верила.

– Поэтому ты была расстроена?

Я не ответила – не могла ответить, не сломав стены, которые так старательно воздвигала моя психика, чтобы держать меня в руках.

Я откашлялась: нужно было сменить тему.

– Расскажи мне о моей матери.

Лютер стал держаться иначе.

Он выпрямил спину, сложил руки, переплел пальцы так, что костяшки побелели:

– Сперва скажи, что тебе известно.

– Мы договаривались не так.

– Я согласился рассказать тебе то, что могу. Я обещал твоей матери утаить некоторые вещи от тебя. Если пойму, что тебе из...

– Моя мать хотела, чтобы ты хранил от меня секреты?

– Да.

– Почему?

Лютер взглянул на меня с любопытством:

– Разве это не очевидно? Она наверняка знала, кто ты.

– Мама не утаила бы это от меня, – возразила я, но едва эти слова сорвались с губ, поняла, что больше не верю в них.

– Она была непреклонна в желании не пускать тебя в наш мир.

– Потому что он опасен.

– Тогда почему она отправила твоего брата в академию Потомков? Ты правда веришь, что она пеклась о его безопасности меньше, чем о твоей?

Ответить я не могла. Я задавала маме тот же самый вопрос, и ответ всегда получала одинаковый: «Просто доверься мне, моя маленькая воительница. Я знаю, что делаю». В то время я винила в этом двойные стандарты в воспитании мальчиков и девочек, но сейчас...

– Меня удивляет лишь то, что это так долго сходило ей с рук. – Во взгляде Лютера сверкало что-то лихое и дурманящее. – Я догадался сразу же, как тебя увидел. Хотя должен признать, что, услышав заверения Моры в том, что ты родилась с карими глазами, начал сомневаться. Нужно было понять, что она готова соврать, чтобы тебя защитить.

– Мора не соврала. Я впрямь родилась с карими глазами.

Лютер резко наклонил голову набок:

– Это невозможно.

– Я помню свои глаза, Лютер. И свои волосы. Они были того же цвета, что у Теллера. Тем более у Потомков глаза голубые, даже у полукровок.

– Это только у Потомков Люмноса. У каждой из девяти династий определенный цвет глаз. В Арборосе он зеленый, в Монтиосе – фиолетовый, в Фортосе – красный...

– А серый у кого-то есть?

Нижняя челюсть Лютера задвигалась, словно он пережевывал мысли, которые не был готов выплюнуть.

– Нет, – ответил он, и в коротком слове чувствовалась недосказанность. – Но на тебе корона Блаженной Матери. И я видел, как тебе подчиняются ее свет и тень.

– Может, магия ошиблась.

– Магия не ошибается.

– Если она так непогрешима, то почему требует, чтобы я билась с кем-то не на жизнь, а на смерть, дабы доказать, что я ее достойна?

– Она и не требует, – просто ответил Лютер. – Оспаривание – нововведение. До Кровавой войны Дома постоянно убивали монарха, чтобы попробовать стать следующими избранными. На какое-то время это повергло королевство в хаос. Оспаривание стало компромиссом, положившим этому конец. Теперь Дома получают одну попытку сместить нового монарха и если терпят неудачу, то должны признать права этого монарха и не вмешиваться в его правление.

– А если я не соглашусь на Оспаривание? Я по-прежнему буду считаться королевой?

– Да. – Ответ Лютера получился быстрым и на удивление решительным. – Ты Королева, пока не испустишь дух.

– Но? – настойчиво спросила я.

– Но... – Лютер вздохнул. – Твои планы будет почти невозможно осуществить без поддержки Домов, оставшихся восьми монархов и армии Эмариона. – Лютер помрачнел. – А у меня такое чувство, что планов у тебя громадье и ты намерена их реализовать.

Прищурившись, я обдумывала его ответ. Слова Лютера были советом или очередной зашифрованной угрозой?

Лютер встал, обошел вокруг стола, потом наклонился и уперся руками в поручни моего стула, пригвождая меня к месту. У меня сердце замерло от его близости.

– Ваше Величество, какими бы ни были ваши планы, я могу помочь, – пророкотал Лютер. – Я найду способ это доказать.

Я прижалась к высокой спинке стула, отчаянно стараясь сохранить дистанцию между нами:

– Ты больше всех выиграешь от моего провала. С какой стати мне тебе доверять?

– Твоя мать мне доверяла.

– Нет, моя мать тебя шантажировала и теперь, вероятно, мертва из-за этого.

– Я помогал твоей матери задолго до того, как она узнала мои секреты. И я очень сомневаюсь, что она мертва.

Погасшая искра снова засияла в глубине моей души и прорезала тени – возродилась надежда.

Я прижала ладони к груди Лютера и, потеснив его, вскочила:

– Мама жива? Ты уверен?

– Полной уверенности ни в чем нет. Но зная, куда она направлялась, убегая отсюда...

Да, я сказал бы, что она жива.

Пульс у меня подскочил так, что комната закружилась.

– Куда она направлялась? Она еще там? Она?..

Лютер взял меня за плечи и осторожно подтолкнул обратно к стулу:

– Сначала скажи, что тебе известно.

– Лютер, пожалуйста...

– Сядь.

Я смотрела на него с мольбой и отчаянием, но стальная решимость Лютера предупреждала, что упрашиванием ничего не добиться.

Я без сил опустилась на стул.

– Скажи, что тебе известно, – повторил Лютер.

– Мне известно, что ты договаривался о сделке между моей матерью и королем, чтобы Теллер учился в академии Потомков при условии, что мама станет работать на короля до конца своих дней. Не только как целительница, а выполнять любые приказы короля.

Лютер странно на меня посмотрел:

– А еще?

– А еще мне известно, что в день ее исчезновения вы ссорились. Мама угрожала раскрыть твой секрет, если ты не согласишься с ее требованиями.

– А еще?

Я нервно сглотнула:

– Это все.

– *Это* все, что ты знаешь? – Лютер насупился. – Ты даже не знаешь секрет? Или то, как Орели его раскрыла? А хотя бы с кем она работала, знаешь?

Горячий румянец залил мне щеки. Как мог он знать о моей матери куда больше, чем я?

Лютер поскреб подбородок, его спокойствие надламывалось.

– Я думал, она хотя бы... Когда ты сказала, что занимаешь ее место, я решил... – Он провел руками по волосам, и несколько черных прядок выпало у него из хвоста.

– Лютер, скажи мне, где она! – потребовала я, снова вскакивая на ноги.

Он начал расхаживать по комнате, плотно сцепив руки за спиной. Стоило мне встать у него на пути, Лютер просто менял направление. Он даже в глаза мне взглянуть не желал.

– Я думал, что смогу рассказать тебе хоть что-то, не нарушая обещание, – пробормотал он. – Проклятье, ты возненавидишь меня за это, но я не могу.

Оцепенение сменилось паникой: я чувствовала, что столь желанные ответы ускользают от меня.

– Но... но ведь ты сказал... ты поклялся!

– Я сказал, что поделюсь с тобой тем, чем волен поделиться. Я и не представлял... – Казалось, Лютер искренне огорчен. – Ты слишком много не знаешь. Все, что я скажу, будет предательством по отношению к Орели.

Ожило отчаяние вчерашнего вечера, разверзлась бездна у моих ног, и меня подталкивало к ее краю. Я рванула вперед, бросилась на Лютера и вцепилась ему в грудь, стиснув плотные, как гранит, мышцы. Он был единственной нитью, связывающей меня с матерью, и я хваталась за него, как за спасательный трос в бурном море.

– Пожалуйста, Лютер! Это моя мама. Она мне нужна.

Что-то надломилось в нас обоих.

Я почувствовала это инстинктивно. В лице Лютера я увидела тьму такой глубины, что у меня сердце сжалось. Каким-то образом мои слова разбередили скрытую рану, мучившую его так же сильно, как меня – исчезновение мамы.

Его сердце бешено колотилось под моей дрожащей ладонью.

Заговорил Лютер сбивчиво, будто за абсолютно каждое слово приходилось сражаться:

– На деле никакой сделки не было. Орели хотела отдать твоего брата в академию Потомков, и я согласился, потому что... – Лютер покачал головой. – Неважно. Никакой платы не взи-малось. Сделку мы заключили для видимости, чтобы никто не задавал вопросы. Даже король ничего не знал – только я. А потом...

Лютер замялся, и я затаила дыхание. Я даже шевельнуться не решалась из страха, что он передумает.

– Я застиг твою мать за шпионажем. Она собирала во дворце информацию. Я выяснил это и предъявил ей претензию.

– Тот спор, – потрясенно проговорила я. – Когда я вас увидела...

– Нет, претензии я предъявлял Орели раньше, за несколько месяцев до ее исчезновения. Я очень злился, хотел лишить ее доступа во дворец, но у нас с ней была... – Лютер потупился, кадык у него заходил ходуном, – ...общая цель, которую я не мог игнорировать. Поэтому я позволил Орели остаться и помог ей.

Моя мать шпионила за королем.

И Лютер помог ей. Он мог казнить ее за измену, но *помог* ей.

Ладони Лютера нежно обхватили мне плечи, наши тела переплелись в странном интимном объятии. Он крепко держал меня на месте, а я льнула к нему, каждый из нас безмолвно умолял другого не убегать.

– В день, когда ты увидела нашу ссору, Орели попросила меня о помощи. Она хотела посетить место, в которое смертные не допускаются, и знала, что я могу доставить ее туда.

– Куда?

Свет в его глазах погас.

– Это я сказать тебе не могу, прости. Эту черту я не переступлю.

– Нет! – Мои пальцы стиснули рубашку Лютера. По прошествии стольких месяцев я вплотную приблизилась к тому, чтобы найти маму. Я могла умолять, если понадобится. Я могла рыдать или унижаться. Я могла броситься Лютеру в ноги. Ради мамы я ни перед чем не остановилась бы. – Я твоя королева, разве не мне ты должен быть верен?

– Я верен тебе. Больше, чем ты думаешь. – Пронзительный взгляд Лютера горел невероятным упорством. – Я готов принять любое наказание, которое ты назначишь. Высеки меня. Заточи в тюрьму. Изгони из семьи. Вышли из королевства, если понадобится. Но я дал обещание. – Лицо Лютера почти неощутимо приблизилось к моему. – А обещание я выполняю, Ваше Величество. Чего бы это ни стоило.

Вчерашняя Дием уничтожила бы его. Словами, или кинжалами, или магией, или всеми тремя способами сразу. Я закричала бы и поклялась бы заставить его заплатить.

Но еще вчерашняя Дием попросила Лютера дать ей обещание – обещание, оберегавшее все, чем я дорожила. Обещание Лютера было единственной имеющейся у меня гарантией того, что даже если клятая корона меня погубит, то любимые мною люди не пострадают.

Как ни пыталась я вызвать гнев, к которому привыкла, ничего не получалось. Я не могла ненавидеть Лютера за то, что он держит слово. Больше не могла.

– У меня нет вариантов убедить тебя рассказать мне, где она?

Лютер чуть заметно покачал головой:

– Прости.

Когда я вырывалась из его объятий, он сопротивлялся, но отпустил меня.

Я повернулась к нему спиной и подошла к столу, на котором стоял забытый завтрак:

– Уходи. Оставь меня.

Целую секунду ни один из нас не говорил ни слова и не сдвигался с места. Наконец застучали шаги Лютера, остановились, а потом скрипнула открытая дверь.

– Обещание свое я не нарушу, но могу предложить другое, – начал Лютер. – Если Орели не вернется до конца года, я сам отправлюсь за ней и верну сюда. Слово даю.

У меня аж сердце екнуло. До конца года оставалось два месяца. Если не погибну на Оспаривании и выдержу коронацию...

Я повернулась, чтобы ответить, но Лютер уже ушел.

Глава 10

Мы с Элинон провели целое утро, составляя план на Бал Интронизации. Точнее, я сидела в ступоре, пережевывая разговор с Лютером, а Элинон любезно не замечала этого, вслух рассуждая о платьях, украшениях и прическах.

Ни о Генри, ни об Эмонне я ей не рассказала: о втором, потому что было неловко, о первом, потому что у меня не было ответов на вопросы, которые Элинон задала бы.

Потребность рассказать о короне Генри и моему отцу росла от секунды к секунде. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то из них услышал новость от досужих сплетников, но, сколько бы я ни стояла у зеркала и ни приказывала короне исчезнуть, она даже не мигала. Выйти в Смертный Город с короной на голове и со сворой гвардейцев за спиной я просто не могла.

Проблему следовало решить... и поскорее.

Мы с Элинон перебрались на наше любимое место в глубине залитой полуденным солнцем террасы с видом на сад. Она призналась, что всегда хотела быть художницей, и я уговорила ее показать мне свои работы. Рисунки Элинон оказались впечатляюще реалистичными и такими яркими, будто бы двигались по листу альбома.

Я упростила ее нарисовать мне портрет Соры – гриверна была единственной, за встречу с кем я однозначно благодарна короне, – и мы заманили ее на террасу бочонком блестящих зеленых яблок, которыми я соблазнительно махала, чтобы Сора не отвлекалась.

– Расскажи мне про своих кузенов и кузин, – попросила я.

Элинон прищурилась, изучая черты Соры:

– У меня их сотни. Про кого именно?

– Только про самых важных.

– Кого ты считаешь важными?

– Мне интереснее, кого ты считаешь важными.

Я отпрянула от Сориной морды, когда гриверна кинула яблоко у меня в руке. Сора фыркнула и раздраженно забила хвостом. Вопреки пугающей внешности, вспышка ее гнева получилась такой трогательной, что я сдалась и швырнула Соре яблоко.

– Вообще-то она и так довольно избалованная, – смеясь, предупредила Элинон. – Кстати об избалованных... Говорят, с кузеном Эмонном ты уже знакома.

Элинон многозначительно задвигала бровями, и я бросила на нее взгляд:

– Он был очень приветлив, хотя, кажется, не очень популярен при дворе.

– Напротив, Эмонн очень популярен. Только не среди моих двоюродных братьев. Они потеряли много перспективных любовниц из-за его улыбок и подмигиваний. А Эмонн никогда не позволяет забывать об этом.

От воспоминаний о нашей обескураживающей прогулке по саду моя улыбка померкла.

– Доверять ему можно?

Элинон пожала плечами:

– Эмонн амбициозен. Его магическая сила слаба, и он вынужден компенсировать ее недостаток умом и очарованием. – Элинон перекинула волосы на спину и ухмыльнулась. – Совсем как я. Не удивляюсь, что он первым попытался завоевать твое расположение. Он знает, как подольститься к власти имущим.

– А мне стоит проявлять к нему расположение?

Элинон задумчиво пожевала кончик карандаша:

– Эмонн может быть тебе полезен. Он хорошо знает другие Дома и всегда собирает лучшие сплетни. Лучшие после моих, разумеется. Но с Эмонном ничего не бывает просто так. Если он что-то отдает, то взамен требует чего-то ценнее. Может, ему хватит того, что ты коро-

лева, и он ищет твоего расположения, но продавать сплетни *о тебе* он будет с той же легкостью, что продавал их *тебе*.

Я застонала. Как же меня угораздило выдать один из самых важных своих секретов Потомку, печально известному продажей сплетен?

– А как насчет его брата? – спросила я.

– Тарана? Ну, они противоположности абсолютно во всем. Эмонн вечно такой вылощенный, вечно планы строит. А Таран как дикий слон в посудной лавке. – Элинон нежно улыбнулась. – Он тебе понравится. Придворные интриги не интересуют его совершенно. Благодаря сильной магии и дяде-королю Таран мог бы заполучить любой нужный ему титул, но отверг все. Я постоянно недоумеваю, как Таран мог родиться в этой семье: он бесит отца полным отсутствием интереса к власти.

Сора раздраженно заскребла лапой по земле, размазывая дерн по траве. Я бросила яблоко в воздух, и через секунду оно с сочным хрустом исчезло между ее челюстями.

– Кто еще? – спросила я.

– Лили, разумеется. Она солнышко. Хотя, боюсь, слишком наивна в плане того, что значит быть единственной принцессой. Уверена, Реми собирается выдать ее замуж сразу после ее совершеннолетия.

В животе у меня образовался узел при мысли о том, что Лили продадут, как рабыню, и о том, как на это отреагирует Теллер.

– Лютер это допустит?

– Лютер скорее дворец спалит, чем допустит, чтобы Лили принуждали к браку. – Элинон тяжело вздохнула. – Но Лили желает, чтобы родители ею гордились. Если Реми захочет, чтобы она вышла замуж, боюсь, она убедит себя, что хочет этого сама.

Сразу вспомнился мой братишка, который вечно спешил без жалоб принять требования наших родителей. Я до сих пор сомневалась, что Теллер хотел учиться в академии Потомков, но мама так убежденно это предлагала, что Теллер вполне мог согласиться, лишь чтобы ее порадовать.

Неудивительно, что они с Лили крепко сдружились. Но по этой же причине их унылое будущее казалось еще безысходнее.

– А как насчет Аликс?

– Она проводит все свое время с Королевской Гвардией, поэтому мы не очень близки, но познакомиться с ней однозначно стоит. Аликс казнит меня за такие слова – думаю, в буквальном смысле, – но она не менее амбициозна, чем Эмонн. Просто ей интересно добиться успеха благодаря своим заслугам, а не интригами или по праву рождения.

Я почесала Сорины чешуйчатые челюсти – гриверна, довольно урча, приникла к моей руке.

– А что у Аликс за история? Она больше похожа на солдата, чем на придворную даму.

– Ее отец имеет высокое звание в армии Эмариона. Мать умерла молодой, поэтому отец брал Аликс с собой на военные задания. Наверное, она привыкла к битвам и к жизни среди солдат. Однажды она сказала мне, что мечтает когда-нибудь командовать армией. Я до сих пор думаю, что у нее получится. Аликс никому не оставит ни единого шанса.

Я нервно сглотнула. Если Аликс впрямь будет командовать армией, я, вероятно, окажусь на другой стороне поля боя.

– Среди Потомков много солдат-женщин? – спросила я. – Среди смертных они редкость. Элинон кивнула:

– Мы сражаемся с помощью магии, поэтому даже миниатюрная женщина может пересилить бугая. Хотя готова спорить, что Аликс одолеет мужчину голыми руками так же легко, как магией.

Судя по тому немногому, что я видела, не было сомнений, что это правда. Аликс очень напоминала меня саму, по крайней мере, такую, какой я мечтала стать.

– Лютера ты не упомянула, – отметила я.

Элино́р взглянула на меня с интересом:

– Я не думала, что это нужно. Кажется, вы уже очень хорошо знакомы.

– Ничего подобного! – выпалила я, пожалуй, чересчур поспешно. – Я едва его знаю.

Элино́р изогнула одну из изящных, выразительных бровей:

– Лютер... хм-м, как бы объяснить, какой он? Порой кажется, он родился тысячу лет назад. Будущее Люмноса бре́менем лежало у него на плечах даже до того, как проснулась его магия. Периодически в нем просматривается мужчина, каким Лютер мог бы стать в другой жизни, но он слишком глубоко погребен под обязанностями перед королевством, короной и Домом. Лютер настолько поглощен своим долгом, что ни на что другое ни сил, ни времени не находит.

Грусть в голосе Элино́р задела меня за живое. Впечатления о воспитании Лютера у меня складывались самые мрачные – в нем не было ни радости, ни любви, в доме моих родителей считавшихся основой основ.

Такое воспитание многое объясняло в характере Лютера – его холодность, его одержимость титулами и протоколами, но оно также делало его загадкой. Если Лютер так предан своей семье, зачем помогал моей матери? Зачем помогает *мне*?

Элино́р нахально усмехнулась:

– Каждый год на свой день рождения я прошу у Лютера одно и то же – чтобы он напился и наконец выпустил пар. Таран единственный видел его в таком состоянии и клянется, что это умора.

Я попыталась представить невероятно серьезного, вечно мрачного принца хихикающим пьянчужгой. Ничего не вышло, подобное даже вообразить не получалось.

Хотя были моменты...

Солнечная радость в его глазах, когда я дала волю своей магической силе. Утро после того, как он вынес меня из горящего оружейного склада, – его непринужденная улыбка и искренние рассказы о Соре. Ухмылка, кривившая ему губы всякий раз, когда ему удавалось меня подначить.

Элино́р не ошиблась – за фасадом у Лютера скрывалось что-то другое. *Кто-то* другой.

Может, он не врал, когда говорил мне, что собирался служить монарху, а не быть им. Может, увидев мою силу на свободе, он удостоверился, что для нас обоих это реальность, а не сон, от которого мы проснемся.

Для меня магическая сила стала железными цепями на запястьях, приковывающими меня к бессмертной земле, пока моих смертных любимых уносит река времени. Но, может, Лютер благодаря ей понял, что его цепи наконец разрушены?

Или же я чересчур поспешно купилась на тщательно подготовленную для меня ложь, в которой меня хотел уверить Лютер.

– Наверное, он ждал дня, когда станет королем и не будет ни перед кем отвечать, – сказала я. – Не верю, что он рад предложению своего отца, по которому не сможет оспорить мои права.

Уловившая намек Сора издала гортанный звук.

Элино́р положила альбом на колени:

– Раз ты так считаешь, почему приблизила его к себе настолько, что позволяешь давать советы?

– Наверное, потому, что друзей нужно держать близко, а врагов еще ближе. И еще ближе, если не уверена, кто есть кто. – Честнее я ответить не осмелилась бы.

Элино́р постучала карандашом по виску и улыбнулась:

– Ваше Величество, придворный этикет вы осваиваете просто молниеносно!

Я засмеялась, хотя грудь у меня раздулась от гордости за комплимент:
– Тем более Лютер мне не советник. Мой единственный советник – ты.
Карандаш камешком упал из руки Элинон.
– Я?!

Она тарасилась на меня так, словно я поделилась планами заменить дворец шалашиком из листьев.

– Лютер говорил тебе что-то другое? – Я закатила глаза. – То, что он ходит за мной по пятам и указывает, еще не означает...

– Н-н-нет, – пролепетала Элинон, быстро хлопая глазами. – Я просто... Я думала... Лютер и Эмонн – члены Королевского Совета, а я... – Она ссутулилась, будто испугавшись, что занимает слишком много места. – Я впрямь единственный твой советник?

Я села рядом с Элинон на низкую мраморную скамеечку и подтолкнула девушку коленом:

– Может, они давали советы королю, но мне нужны советники, которым могу доверять я. Когда я спросила, почему ты хочешь мне помогать, ты не рассказала приятную мне историю. Ты рассказала мне правду. Я нескоро забуду это, Элинон. Если те мужчины захотят давать мне советы, им стоит брать уроки у тебя.

– Спасибо, – чуть слышно пробормотала Элинон, склонилась над альбомом, и кудри занавесом упали ей на лицо. Но я успела увидеть блеск у нее под длинными ресницами.

Элинон негромко шмыгнула носом:

– Никто в меня прежде не верил. Я была лишь глупенькой пустышкой, у которой магия слабая, а других достоинств нет.

Что-то в ее ответе ударило по струнам моей души, и их низкий голос зазвенел у меня в ушах.

– Они хотят, чтобы мы чувствовали себя ничтожными, Элинон. Они хотят, чтобы мы были тихими, предсказуемыми, незначительными, покорными. Потом они внушают нам, что мы этого заслуживаем. Но мне кажется, им просто страшно, что мы перестанем слушать их и начнем слушать друг друга. А знаешь, почему они боятся таких женщин, как мы?

Наши взгляды встретились, у обеих глаза сияли одинаковой решимостью.

– Почему? – спросила Элинон.

Моя ответная ухмылка получилась однозначно злой.

– Потому что так им и надо, разрази их гром!

Сора клацнула зубами и настойчиво гаркнула. Наверное, она просто заждалась очередного яблока, но часть меня гадала, неужели моя умная гриверна слушает меня и соглашается со мной.

Элинон вытерла щеки и подарила мне улыбку, в которой отражался свет самой Блаженной Люмнос.

– Дием Корбуа, я очень рада, что ты стала моей королевой.

* * *

От разговора с Элинон у меня улучшилось настроение. Страдания предыдущего вечера по-прежнему угнетали, но из их темной почвы прорастало зерно надежды.

Будучи королевой, я могла помогать людям. Смертным, конечно же, но до меня начинало доходить, что я могу помогать и Потомкам. Хорошим Потомкам – достойным, как бы мало их ни было. Веками нашим королевством правили архаичные, несправедливые традиции. Возможно, мне одной было по силам положить им конец.

Если переживу Оспаривание.

Такие мысли кружились у меня в голове, когда я бродила по дворцу. Элинон ушла на встречу с друзьями из другого Дома, пообещав вернуться с новостями о том, какие сплетни о

новой королеве ходят в элитах. Лютер, моя вечная тень, как ни странно, пропал, а до возвращения Лили и Теллера из школы оставалось еще несколько часов.

Отсутствовали даже обычно сопровождавшие меня стражи: их отозвали после того, как я официально присоединилась к Дому Корбуа. Впервые мне представилась возможность разгуливать по огромной территории, ставшей моим новым домом, одной.

Такова была моя судьба. Жить в этом дворце. *Одной.*

Одной-одинешеньке, в окружении сотен чужаков, добывающихся моего внимания.

– Ваше Величество, вот вы где!

– Реми! – проговорила я, вежливо кивая в знак приветствия.

– Какой приятный сюрприз! А мой сын утверждал, что вы слишком заняты, чтобы встретиться со мной сегодня.

Так Лютер старался не подпустить меня к своему отцу?

Интересно.

В ответ я изобразила небрежное равнодушие:

– Вы хотите что-то обсудить?

– Мне хотелось официально поприветствовать вас в Доме Корбуа. – Реми церемонно поклонился. – Блаженная Мать Люмнос удостоила нас чести служить нашему королевству на протяжении многих поколений. Мы все надеемся продолжить эту великую традицию вместе с вами.

Реми был непревзойденным дипломатом. Его лицо дышало сердечностью, бархатный голос мог умиротворить любого. Его поза источала и открытость, и почтительность. Судя по всему, Реми был в восторге от моего появления во дворце.

Лишь чуть заметное напряжение мышцы у челюсти – эту черту унаследовал его сын – выдавало известную мне правду.

– Ничуть не сомневаюсь, что это так, – отозвалась я, мило улыбаясь.

Внизу щеки у Реми дернулась мышца.

– Насколько я понимаю, мой сын сообщил вам, что похороны короля состоятся через два дня.

– Да, сообщил. А Эмонн любезно рассказал мне о Бале Интронизации.

Улыбка Реми напоминала теплую карамель – тягучая, медовая. Ничего общего с ослепительной улыбкой его сына, которая была еще и редкой.

– Очень рад, что они прислушались к моему приказу быть вам полезными.

– Столько новых кузенов рвались предложить мне помощь. Я и не подозревала, что обязана этим вам.

Мышца снова дернулась.

– Как ваш регент, я лишь хотел...

– Регент покойного короля, – поправила я. – Я своего еще не выбрала.

Наконец благообразная маска треснула. Губы Реми по-прежнему улыбались, глаза щурились, но тепла в его лице как не бывало, словно его унес зимний ветер.

– Если вы *таки* взойдете на престол, Ваше Величество. Чтобы тот счастливый день настал, нужно преодолеть много препятствий.

Я вскинула бровь:

– Так много препятствий? Говорят, Оспаривание монарха Корбуа – дело почти неслышанное. Надеюсь, вы не намекаете, что ваш Дом не в состоянии обеспечить защиту, обещанную по нашей договоренности.

В глазах Реми мелькнуло что-то опасное и дикое – еще одна черта, которую я слишком часто подмечала в его сыне.

– Секрет такого влияния не в одной фамилии Корбуа. Он в крепости наших связей во всех девяти королевствах. В многочисленных врагах, которых наживет осмелившийся перейти

нам дорогу. – Угрозу Реми озвучил с бесцеремонной легкостью, словно говорил о погоде. Вот что значит настоящий дипломат. – И разумеется, мы обладаем мудростью, накопленной долгими веками службы. Если самые младшие Корбуа готовы помочь, старшие, если вы захотите их слушать, могут дать немало дельных советов.

Так и подмывало провоцировать Реми дальше. До чего трудно было смотреть на него, не думая обо всей несправедливости, допущенной к смертным при его регентстве.

Но всему свое время. Мне, конечно, хотелось, чтобы Реми и его родственники и дальше сомневались в своем будущем и старались меня задобрить, а не копать в моей смертной жизни, но перегибать палку и делать их врагами не следовало.

Пока не следовало.

Я улыбнулась ему самой благодарной из своих улыбок:

– Отвергнуть столь ценный дар было бы верхом глупости. Я охотно выслушаю любые ваши наставления, регент.

Напряжение упало с плеч Реми, лицо снова стало обаятельным.

– Рад слышать. Мы сможем завтра встретиться, дабы разработать стратегию Домо-приемов?

– Домо-приемов? – чуть замявшись, повторила я.

– Личных встреч с главами каждого из Двадцати Домов. Это важнейшая мера по предотвращению Оспаривания. – Реми вскинул бровь. – Мой сын уже наверняка начал готовить вас к ним.

– Нет, не начал, – раздраженно ответила я. – Тем важнее для меня внимательно слушать ваши советы.

Я сказала именно то, что требовалось, по крайней мере, так казалось по торжествующей ухмылке Реми.

– Ваше Величество, прошу вас извинить моего сына за ошибку. Я серьезно с ним поговорю.

– Да, пожалуйста. Передайте, что королеве не нравится, когда от нее утаивают важную, столь необходимую ей информацию. – Теперь ухмыльнулась я. – Прошу передать ему мое замечание дословно.

Реми отвесил еще один церемонный поклон; его опущенная голова едва скрывала надменную самонадеянность.

– До завтра, Ваше Величество.

Отвернувшись, я бросилась к ближайшей двери. Целый день изображать уверенность было трудно даже мне: я чувствовала, что вот-вот утону в раздраз, царившем у меня внутри, а предстоящие встречи с могущественнейшими Потомками Люмноса – настолько важные, что, по мнению Реми, нам требовалась стратегия, – грозили меня доконать.

За спиной у меня откашлялись:

– Ваше Величество, по-моему, эта дверь ведет в служебный коридор.

Вот дерьмо!

– Да, я в курсе, – бойко соврала я и помахала рукой, прежде чем исчезнуть за дверью. – Королева должна знать каждый дюйм своего дворца.

* * *

Я оказалась в темном непримечательном коридоре. Вдоль каждой из стен тянулись шкафы, забитые ведрами, тряпками, хрустальной посудой и столовым серебром, постельным и столовым бельем разных цветов и толстыми восковыми свечами всевозможных размеров. Направо и налево от меня тянулись безоконные стены, освещенные сферами, парившими через большие интервалы.

Я подошла к ближайшей и посмотрела на нее, чувствуя, как в груди всколыхнулось странное чувство близости. Казалось, маленький кусочек вырвали у меня из-под ребер и повесили к потолку.

Чья магия подпитывала эти сферы? Какой-то слуга отвечал за то, чтобы его сила освещала эти коридоры? Или все это связано с короной у меня над головой?

– Говорят, она уже спит с Эмонном. Быстро же у нее получилось.

Шаги и тихий гул голосов раздавались слева от меня.

– А я слышал, что она убила короля. Один из стражей сказал, что она напала на него в день его смерти.

У меня аж челюсть защемило. Ко мне приближалась большая группа слуг, явно судачившая обо мне. Одна часть меня хотела остаться здесь и поговорить с ними без обиняков, но другая, бо́льшая, наполнилась паникой, пока я искала выход.

– Король и без того умирал. Если она впрямь его прикончила, это милосердие. Всем известно, что Ультер ждал своего ухода с тех пор, как умер его единственный друг.

Голоса зазвучали громче. Сквозь приоткрытую дверь я увидела разделенные полки вдоль стен. Многие секции ломались от свернутого пергамента и перевязанных шпагатом коробок.

Почтовая комната – я запомнила ее по экскурсии, которую провела мне Элинор. Проем у дальней от меня стены вел в переднюю часть дворца.

– По-моему, она что-то замышляет. Как она может быть могущественнее принца Лютера, притом что никто о ней не слышал? Она наверняка...

Я выскользнула из коридора, едва не столкнувшись с проходящими мимо слугами. Выдох облегчения получился таким глубоким, что у меня аж легкие засадило. Я выползла из почтовой комнаты, ухмыляясь тому, что едва спаслась от унижения, потом повернулась, чтобы пробраться в фойе.

И врезалась прямо в грудь Генри Олбанону.

Глава 11

Однажды, еще девчонкой, я чуть не погибла.

Мы с Теллером устроили трехмесячный поединок по лазанию на деревья, и я нацелилась на гигантский кипарис, растущий на краю болота, который был почти в два раза выше высочайшей из покоренных Теллером вершин.

Когда позади осталась примерно треть пути, длинные ветки стали слишком тонкими, чтобы держать мой вес, но гордость и подначки брата заставляли меня игнорировать инстинкты. Я ползла все выше и выше, пока с роковым *хрясть!* не полетела в мелкую воду головой вперед.

Трудно сказать, милостивый ли бог, или тайная кровь Потомков, или просто тупая удача не дали моей шее сломаться о каменистый берег. Когда я наконец пришла в сознание, легкие наполнились водой, а руки и ноги ооченели так, что не могли двигаться. Я с ужасом наблюдала, как мир медленно тает вдали, а его место занимает холодный пустой ужас.

Врезавшись в Генри, моего смертного лучшего друга, ставшего любовником, посреди королевского дворца с короной Люмноса на голове, я чувствовала себя точно так же.

Я беспомощно наблюдала, как эмоции сменяют друг друга на лице у Генри, кружась, словно спицы на колесе.

Шок, потом смятение.

Осознание.

Горечь.

Потом злость. Столько злости.

Я что-то сказала – может, позвала его по имени или дала какие-то слабые объяснения, – но не расслышала сама. Я чувствовала, как шевелятся мои губы; чувствовала, как бьется мое сердце; чувствовала, как тонкое платье становится свинцовым и тянет меня вниз, вниз во тьму; но слышала только голос Генри и слова, которые он повторял:

– Ты одна из них. Ты одна из них.

Я неуверенно шагнула к нему.

Генри отпрянул от меня, как от опасной болезни, которой мог случайно заразиться:

– Ты врала мне.

В его глазах плескалась ощутимая ненависть. Я могла плыть через нее, могла утонуть в ней.

– Я не знала, – оправдывалась я. – Клянусь тебе, Генри!

– Ты не знала?! – изрыгнул он.

Я приблизилась еще на шаг. Генри бросил мешок, который нес, и письма рассыпались по мраморному полу. Видимо, он наконец убедил отца передать ему часть обязанностей дворцового курьера.

Мне везло как покойнице.

Ладонь Генри скользнула под край туники, потом выше, к пупку – к плоскому ножу, который, как я знала, был спрятан за поясом брюк.

Ножик, который стражи у парадных дверей дворца гарантированно пропускали, когда его обыскивали.

Он собирался пырнуть меня ножом. Генри.

Мой Генри.

Он увидел, что я заметила его жест, и замер. На долю секунды мы понимали друг друга самым гнусным и болезненным образом.

Стражи у парадной двери обратили внимание на откровенную враждебность лица Генри и взяли нас в кольцо, со зловецким скрипом вынимая мечи из ножен. Любопытные слуги, ока-

завшиися неподалеку, притворились, что заняты невидимыми делами, а пара кузенов Корбуа откровенно глазела из соседней комнаты.

Слишком много любопытных глаз. Слишком много наостренных ушей и острых клинков.

Я выпрямила спину и повысила тон, изобразив высокомерие:

– Эй ты, курьер! Мне нужно кое-что отправить. Послание очень важной мне персоне. – Я вытаращила глаза. – Ты ведь пройдешь ко мне в кабинет, чтобы я его взяла?

Каждой дрожащей клеточкой тела я умоляла Генри услышать мою невысказанную просьбу: «Дай мне шанс! Не ставь на мне крест!»

У меня едва не подогнулись колени, когда Генри чуть заметно кивнул.

Два стража выступили вперед, чтобы к нам присоединиться.

– Эскорт не нужен, – заявила я, отмахиваясь от стражей, вопреки их осторожным неодобрительным взглядам. – Мы пойдем одни.

Проблема, как я вскоре поняла, заключалась в том, что я понятия не имела, где находятся королевские кабинеты. Элинор упоминала их во время экскурсии, но единственными местами во дворце, которые я могла найти самостоятельно и рассчитывать, что там меня не побеспокоят, были подземная тюрьма и мои покои.

Ни то, ни другое идеальным не было, но мне казалось, что, если отвести Генри в тюрьму с ее темными запертыми камерами, он вонзит мне нож в бок, не дав объясниться.

Значит, оставались мои покои.

По коридорам я шла, глядя прямо перед собой, слишком боясь оглянуться и увидеть ненависть в глазах Генри. В мыслях царил беспорядок, и я дошла почти до самого королевского крыла, прежде чем сообразила, что шагов Генри за собой больше не слышу.

Обернувшись, я увидела его футах в пятидесяти от меня, уставившимся на приоткрытые двери. То, что Генри увидел за ними, заворожило его настолько, что он даже не заметил, что я к нему подошла.

Вслед за Генри я заглянула в маленькую читальню. Лютер и Эмонн устроились в дальнем от нас углу и, понизив голоса, о чем-то оживленно беседовали.

У меня внутри все скрутило. Если Эмонн увидит, как Генри проскальзывает ко мне в комнату... Какие бы страшные тайны Эмонна ни знал Лютер, их вряд ли хватит, чтобы купить его деликатность.

Я схватила Генри за руку:

– Нам нужно идти. Нельзя, чтобы тебя здесь увидели.

Из читальни донесся грохот. Обернувшись, я увидела, что Эмонн злобно ухмыляется, при том, что Лютер схватил его за горло и пригвоздил к стене, заставив болтать ногами.

Тот разговор явно не заладился.

Я дернула Генри за рукав:

– Нам правда нужно идти.

– Это он. – Завороженный, Генри не шевелился. – Потомок, которого я видел... Убийца смертного паренька. Это он.

В груди у меня стало тесно.

Мысленно я уже осудила Лютера за тот ужасный поступок, но в душе цеплялась за надежду, что это недоразумение.

Теперь это стало фактом, от которого не скрыться. Генри никогда не простит меня, если узнает, что я пособничаю Потомку, которого он презирает настолько, что готов умереть за то, чтобы призвать его к ответственности.

– Он поплатится, – пообещала я. – Клянусь! Я позабочусь, чтобы он поплатился. Но я не смогу это сделать, если тебя здесь увидят.

Генри зло посмотрел на меня, потом снова на читальню – в его сузившихся глазах полыхал гнев.

– Ладно.

Я увела его в королевское крыло, но заметила группу стражей, болтающих перед моими покоями. Какими бы деликатными ни считали их Лютер и Элинон, рисковать жизнью Генри я готова не была. Я свернула за угол и затащила его в первую попавшуюся комнату.

Обернувшись, я увидела, что выражение лица Генри изменилось. Он глазел на парящую надо мной корону, и его гнев сменился чем-то более разрушительным.

– Ты королева, – прошептал Генри.

Страшно хотелось обнять его за шею и уткнуться ему в грудь. Хотелось повернуть время вспять, чтобы мы снова стали двумя наивными подростками, открывающими, во что может превратиться дружба, если сбобрить ее доверием и честностью, если дать ей немного времени.

«Дать немного времени» значило вырасти совсем не такими, как мы сейчас.

– Я не знала об этом! – взмолилась я. – Клянусь своей жизнью и жизнью *Теллера*, я понятия не имела!

Темные от недоверия глаза Генри впились в мои.

– Как такое возможно? Как ты могла не знать?

– У меня те же вопросы, уверяю тебя. Когда король умер, эта штукавина просто... появилась. Я думала, она выбрала смертную, пока... – Я вздрогнула, вспоминая подземную тюрьму. – По-настоящему я поняла все лишь вчера вечером.

Напряжение схлынуло с лица Генри – совсем чуть-чуть.

– Получается, дело в твоём родном отце?

– Это единственное объяснение. У моей матери карие глаза, и состарилась она слишком быстро, чтобы быть Потомком.

– Думаешь, она знала?

Этот вопрос я хотела задать маме больше всего на свете и больше всего на свете боялась получить на него ответ.

– У мамы были свои секреты, но мне с трудом верится, что она скрыла бы от меня такое. Самые важные и нужные вещи она нам всегда говорила.

– А как насчет порошка огнекорня? – спросил Генри. – Он часть этой аферы?

Я уже открыла рот, чтобы сказать «нет», но как было на самом деле?

Генри, на лице которого появилось какое-то непонятное выражение, отвернулся.

Целиком ту историю я не рассказывала никому, даже Теллеру, – лишь твердила, что у меня были страшные галлюцинации и огнекорень их остановил.

Но мама знала правду.

Много лет назад я, перепуганная крошка, рассказала всю правду только ей.

Я призналась, что в видениях могу заставить сияние свечей рисовать картины на потолке. Я могла выманить тени из углов комнаты и закутаться в них, как в теплое одеяло. Я могла заставить их плясать – сделать так, чтобы свет и тьма весело кружились в вальсе. Я сказала ей, что свет и тьма – мои друзья, мои безмолвные спутники, выполняющие любые мои прихоти.

В ответ на это мама объявила, что у меня *болезнь*, а малиновый порошок поможет мне вылечиться.

И он помогал, пока два месяца назад я не перестала его принимать. До того самого момента, когда *голос*, который Лютер называл божественностью, не стал призывать меня *бороться*.

– Меня сейчас стошнит, – простонала я, осознав всю силу маминого предательства.

Спотыкаясь, я подошла к столу и схватилась за его края, чтобы не упасть; а чтобы не вырвало, выдыхала через рот.

Ладонь Генри осторожно коснулась моей спины. Я сосредоточилась на том, как она ощущалась. Я лгнула к ней, как свисающая со скалы веревка.

– Порошок огнекорня явно сдерживал мое естество Потомка, – выдавила я из себя между судорожными вдохами. – И мама это знала. Она знала, что во мне просыпается магическая сила, поэтому...

– Порошок подавляет все связанное с Потомками?

Я посмотрела на Генри, в глазах которого появился хитрый блеск.

– О чем это ты? – спросила я.

– О других чертах Потомков. О силе, самоисцелении, долголетию, плотной коже и костях.

Может огнекорень подавлять и их?

Я по-прежнему дышала с трудом, стараясь, чтобы меня не вывернуло:

– Точно не знаю. Вряд ли...

– Где она брала огнекорень? У тебя еще есть?

– Запасы я уничтожила несколько недель назад. Где мама брала порошок, не знаю, но я...

– Можешь достать еще? Или показать, как его готовить?

Я раскрыла рот, когда меня осенила догадка.

– Ты хочешь использовать порошок как оружие.

Генри замер. Его взгляд метнулся к короне, потом снова упал на меня. Мы смотрели друг на друга с неловким пониманием – и с вопросом.

Генри был Хранителем Вечнопламени, группы, занимающейся проникновением в среду Потомков и даже их уничтожением. Он показал мне лица мятежников, места их встреч, татуировку, которая использовалась как секретный знак членства.

А я оказалась не просто их врагом, а *королевой* их врагов. Я могла повязать и казнить за измену каждого из Хранителей. Для острастки я могла уничтожить даже их родных и близких. Законы Потомков позволяли наказывать смертных предателей любыми способами без ограничений.

Либо я могла отпустить Генри – забыть, что знала его, Хранителей и их дела, и молиться о том, чтобы никогда не стать объектом их козней. Я могла смотреть, как мой лучший друг, мужчина, который нравился мне как никто другой, навсегда уходит из моей жизни.

Либо...

– Могу попробовать достать еще порошка, – слабо предложила я.

Простейшие слова выражали все на свете: «Я выбираю тебя».

Генри нахмурился, внимательно изучая мою реакцию:

– Ты до сих пор хочешь нам помочь?

Я медленно поднесла руку к его лицу, опасаясь, что Генри остановит меня или отпрянет, как раньше, но он не шевелился, пока мои пальцы поглаживали ему щеку.

– Это по-прежнему я, Генри. Я по-прежнему Дием. И я... я по-прежнему люблю тебя. – Такие слова я ему еще не говорила.

Если честно, сказав их сейчас, я чувствовала больше стыда, чем страсти.

Но я была в отчаянии. В ужасающем, полнейшем отчаянии.

Моя мать сбежала, возможно, навсегда. Я уже разрушила свою карьеру целительницы и отношения с отцом. Привычная мне жизнь в Смертном Городе закончилась. Если потеряю Генри, что останется от меня?

Генри молчал, но в его взгляде читалась борьба между сердцем и разумом. Это зерно надежды я принялась отчаянно возвращать.

– Ты просил меня за тебя выйти, – напомнила я. Генри поморщился. Ударь он меня в грудь, было бы не так больно, но я гнула свое: – Если ты не передумал, мы могли бы заниматься этим вместе. Я могла бы использовать эту корону в помощь тебе. В помощь смертным.

Борьба в его лице медленно и осторожно превратилась в созерцание возможного будущего.

– Через пару дней состоится бал. Меня как новую королеву представят самым влиятельным Потомкам Люмноса. Соберутся представители всех Двадцати Домов, – торопливо и хрипло сказала я. – Ты мог бы прийти как мой сопровождающий, подслушать что-то полезное или...

– Или мы могли бы совершить нападение.

В словах Генри скрывался вызов. Еще один незаданный вопрос: «Как далеко ты готова зайти?»

– Собравшись вместе, они станут легкими мишенями, – проговорил Генри. – Мы могли бы выкосить их одним ударом.

Сразу вспомнилось нападение на оружейный склад. Стражи, которым я оказывала помощь, с обожженными до неузнаваемости лицами. Потомок, которого я нашла внутри склада, с горлом, вспоротым так жестоко, что его не спасли даже способности к самоисцелению. Перт, который сгорел бы заживо, не вытащи я его из здания.

Желудок словно наполнился густым жиром.

– Для нападения еще рановато. Королевской власти у меня не будет до самой коронации. Придется подождать до тех пор.

Я не знала, повелся ли Генри на мою отговорку. Я не знала, повелась ли на нее сама.

Генри медленно кивнул:

– Ты права. Этот козырь выкладывать чересчур быстро нельзя. Королева-Хранительница – очень хороший шанс, терять его не стоит.

Я облегченно выдохнула – пожалуй, слишком громко.

– Так ты пойдешь со мной на бал? Как мой суженый?

Генри снова замялся.

Внезапно меня с головой накрыли страх потерять Генри и потребность привязать его к себе душой и телом. Я крепко обвила руками его шею и прижалась к нему, поднимая голову повыше, пока наши лбы не соприкоснулись.

– Ты мне нужен. Без тебя я не справлюсь.

Взгляд Генри скользил по моему лицу, пылая взрывчатой смесью новой неуверенности и старой страсти. Его пальцы обвили мне талию, потом замерли.

– Пожалуйста, Генри! – взмолилась я. – Останься со мной. Правь со мной. Будь моим королем! – Мои слова возбудили нас обоих.

Тотчас начались поцелуи, прикосновения, мольбы, вздохи.

Мои губы впились в губы Генри, потом принялись странствовать по его коже, пока я кончиком языка клялась в вечной верности. Пальцы Генри запутались в моих волосах – я догадывалась, что он нашупывает корону и удивляется тому, что она так хорошо просматривается, но при этом эфемерна, как воздух.

Вот его ладони скользнули на тонкие бретели у меня на плечах, опустили их ниже и накрыли мои затвердевшие соски. Я негромко застонала, наслаждаясь и прикосновениями Генри, и облегчением, что он до сих пор желает меня, даже в гадкой, отвратительной ипостаси Потомка.

– Скажи это снова! – грубо велел Генри.

– Будь моим королем! – выпалила я, прижимая ладони к его лицу. – Первым смертным королем Люмноса.

Генри со стоном содрогнулся, потом поднял меня и заставил ногами оплести его торс – так он мог отнести меня на кровать. Взбудораженная, я едва дышала, слишком боясь, что, если остановлюсь хоть на миг и прислушаюсь к сомнениям, проникающим мне в мысли, Генри передумает и навсегда от меня откажется.

– Они наконец попятятся, – шептал он сквозь поцелуи. – Мы заставим! Они больше ничего у нас не отнимут.

Одежда слетела с нас прочь. Первой стала туника Генри – ее небрежно бросили в сторону, когда я жадно вцепилась ему в крепкие плечи. Потом пояс брюк скользнул ему на бедра, голод Генри загудел у меня в ушах. Потом поднялись мои юбки – грубая ладонь заскользила мне по икрам, по коленям, по бедрам, потом выше и выше, пока у меня не перехватило дыхание, и...

У двери кто-то откашлялся. На пороге стоял Лютер.

Глава 12

Лютер закрыл за собой дверь, глядя прямо на Генри. Глаза у него были пустыми и бездушными, как у самого настоящего ледяного принца. Зазубренный шрам дергался, словно вспышка злой молнии, грозящей ударить.

Генри сполз с меня и натянул штаны. Его взгляд метался между Лютером и полом. Алые пятна усеяли ему лицо и голую грудь – от смущения, что его поймали, от злости на Лютера или, возможно, от того и другого вместе.

Жар стыда залил щеки и мне. Ни один из мужчин не смотрел на меня, когда я натягивала бретели и одергивала юбки.

Ничего плохого мы с Генри не делали. Как взрослая женщина я имела полное право на интимные отношения с мужчиной, которого только что убедила на мне жениться.

Почему же мне вдруг захотелось отыграть назад?

Генри схватил тунику и натянул через голову. Лютер сосредоточенно следил за каждым его движением.

Я вспомнила нож, скрытый у Генри за поясом, и убийственную ненависть, плескавшуюся у него в глазах, когда мы шли по коридору. Эта встреча легко могла превратиться в бойню.

Я взяла Генри за руку.

– Я провожу тебя, – предложила я с обманчивым спокойствием.

– Не советую так делать. – Отрывистые слова Лютера прозвучали без всякого выражения. На меня смотреть он по-прежнему отказывался. – Один из стражей видел, как вы сюда вошли. Он ждет за дверью, чтобы выпроводить мистера Олбанона из дворца.

Жутко стало от небрежной фамильярности, с какой Лютер произнес имя Генри. Я так беспокоилась о том, чтобы уговорить его не убить Лютера, но вдруг их ненависть взаимна? Если Лютер запомнил Генри в день, когда убил того парнишку, не захочет ли он навредить ему, чтобы скрыть тот инцидент?

Я осторожно встала меж двумя мужчинами.

– Этому стражу можно доверять? Если с Генри что-то случится... – предупредила я, не договорив.

Ледяной взгляд Лютера наконец упал на меня, и по спине у меня побежал холодок.

– Ничего с ним не случится.

Сделав глубокий вдох, я повернулась к Генри.

– Тебе пора идти, – проговорила я с мягкой настойчивостью.

Его глаза метали молнии.

– Почему это я должен уходить? Я ваш будущий король. Они должны подчиняться нам!

Спина Лютера напряглась с таким усилием, что я почти услышала, как под бронзовой кожей хрустят крепкие, как сталь, кости.

– Генри, пожалуйста! – взмолилась я. – Давай я сперва кое-что улажу. Я пришлю тебе весточку, как только смогу.

Генри чуть не зарычал от досады, но нахмурился и уступил, двинувшись к выходу. Я так и стояла между ним и Лютером.

Я потянулась к пальцам Генри, желая в последний раз ощутить знакомое прикосновение его кожи, но он отдернул руку. Не удосужившись оглянуться, Генри свернул за угол за ждущим его стражем и исчез из вида.

Я смотрела на коридор, до сих пор ощущая ладони Генри у меня на бедрах. Губы припухли от его поцелуев. Но сейчас, без близости его теплого тела, я почувствовала...

Смятение. Неуверенность.

Тяжелый взгляд Лютера только усугублял мое состояние. Я даже оглянуться не отважилась, чтобы не видеть осуждение в его глазах.

– Любые свои мысли держи при себе, – огрызнулась я. – Не желаю их слышать!

– Тебе нужно их услышать.

– Моя личная жизнь тебя не касается.

– Ты королева Люмноса. Твоя личная жизнь касается всего королевства.

Я стиснула зубы так, что они протестующе заскрипели.

– И *меня* она касается с тех пор, как ты меня...

– Я не целовала тебя, – прошипела я, поворачиваясь к нему лицом. – Это ты *меня* поцеловал. Может, я не оттолкнула тебя так быстро, как следовало, но это...

– ...не то, что я собирался сказать, – перебил Лютер. – Это касается меня с тех пор, как ты попросила меня позаботиться, чтобы Эмонн не болтал о Генри.

Мои щеки залились краской.

– Но смею заверить, моя королева, когда я впрямь поцелую тебя, никаких сомнений не будет. Ты поймешь, что я тебя добился, и у меня не будет желания это отрицать.

Я залилась краской с ног до головы и нервно сглотнула. Я не упустила то, какие слова подобрал Лютер. Ни «*если я тебя поцелую*». Ни «*если вдруг случится так, что я тебя поцелую*».

«*Когда я тебя поцелую*».

Я отвернулась, не в силах вынести голубого сияния глаз Лютера:

– Так Эмонн согласился не болтать?

– Согласился, но не просто так.

– Ну конечно! – буркнула я. – Чего же он хочет?

– Ты возьмешь его сопровождающим на Бал Интронизации. Ты станцует с ним первый танец и будешь рядом с ним весь вечер.

– Я не могу это сделать.

– Мне это тоже не нравится, но просьба довольно простая...

– Дело не в том, что я хочу – я не могу.

Лютер замер:

– Почему?

Я отмалчивалась, сколько могла, боясь капкана, который неминуемо поставлю себе своим ответом:

– Я согласилась выйти замуж за Генри. Он будет сопровождать меня на бал как мой суженый. – Я покрутила изящный жемчужный браслет, который надела по настоянию Элинор. – Мне отлично известно, как сильно вы все презираете смертных, но суженого выбирать мне, королева я или нет.

Несколько мучительно неловких минут мы оба молчали. Лютер сжимал и разжимал кулаки. Воздух вокруг него гудел от злой магической силы, едва сдерживаемой. У Лютера даже горло напряглось от старания сдерживать поток неодобрения.

– Ладно, выкладывай, – простонала я.

– Не здесь.

Без всякого предупреждения Лютер взял меня за руку, пугающе осторожно, ярости вопреки. Коридором он повел меня в крыло, где наши комнаты располагались напротив друг друга. Прижав ладонь к моей спине, Лютер подтолкнул меня вправо, прочь от моих стражей, в свои личные покои.

Лютер крикнул двум стражам у двери моей комнаты, чтобы переместились в дальний конец коридора. Дверь закрылась, потом раздался щелчок: ее заперли на замок.

Лютер опасно глянул на меня:

– Жди здесь.

Я проследила, как он уходит в боковую комнату, потом обернулась, чтобы осмотреться, и судорожно вдохнула: в этих покоех я уже бывала. Тогда я провела здесь совсем немного времени, но сейчас опознала комнату, в которой исчез Лютер, как спальню, в которой проснулась наутро после атаки на оружейный склад.

Спальня Лютера.

Я голой отмокала в *его* ванне.

Моя ладонь, которую Лютер накрыл своей, лежала на *его* постели.

Я с трудом приструнила дикие мысли, оглядывая комнату внимательнее. Мебели в ней оказалось немного, позолоченные декоративные вещицы, украшавшие большинство комнат дворца, отсутствовали начисто; но, вопреки простоте, тепла, уюта и своеобразия хватало.

У одной стены стоял деревянный письменный стол, заваленный неоконченными письмами. Резные боковины стола изображали членов Клана и их смертных возлюбленных. В центре Люмнос слилась в объятиях с мужчиной, за которым последовала в вечную ночь, бросив все.

В зоне отдыха уютные кожаные кресла соседствовали с высокими стеллажами со старыми книгами и картинами маслом на маленьких подставках. Рашкульный портрет Лили, обрамленный, стоял на баре из красного дерева, полном бутылок разных оттенков коричневого. В углу лежали грязные сапоги, на скамеечке для ног – камзол.

В общем, обстановка была домашняя.

В комнате сильно пахло древесным, маскулиным мускусом Лютера. Против моей воли этот запах вернул меня в нашу совместную поездку верхом – его крупные ладони распластались у меня на животе, его горячее дыхание обжигало мне кожу...

Предательские мысли заставили вполголоса выругаться. Тело слишком охотно напоминало, какой одинокой и неудовлетворенной осталась я после прерванного свидания с Генри.

Мерцание свечей привлекло мое внимание к маленькому алькову в другом конце комнаты. В арочной нише стоял блестящий мраморный бюст Люмнос, узнаваемый по короне – такой же, как та, что сейчас носила я. Бюст окружали свечи, сухоцветы и гладкие цветные камни. Шаги Лютера застучали громче: он вернулся в комнату и остановился рядом со мной.

– Я не думала, что ты такой набожный, – проговорила я.

Лютер не отвечал так долго, что я повернулась к нему. Его взгляд был устремлен на мраморный бюст, лицо дышало благоговением.

– Когда я был совсем маленьким, Блаженная Мать Люмнос спасла меня от смерти. Я поклялся служить ей всю жизнь, защищать ее королевство и ее народ. Прежде я думал... – Лютер заглянул мне в глаза и, как и раньше, посмотрел словно сквозь меня, словно увидел нечто далеко за пределами моего взгляда, затих и покачал головой. – Неважно. – Он посмотрел на предмет, который держал в руках, потом протянул его мне. – Вот.

Я взяла записную книжку, маленькую, чуть больше моей ладони, с переплетом из хорошей, коньячного цвета кожи. Страницы оказались хрупкими, в крошечных заломах оттого, что их много раз переворачивали.

– Что это? – спросила я, открывая книжку.

Лютер промолчал.

На каждой странице было по наброску детского лица вместе с именем и описанием.

«Эммалин, новорожденная, отец – Петр из Дома Бенетт, мать – смертная Гарриет Билкингз. Глаза светло-голубые, волосы прямые белокурые, кожа светлая. Мать и дочь благополучно переправлены в Мерос».

«Дидрик, восемь месяцев, отец – смертный Карелл Дженкс, мать – Уилмора из Дома Алтиен. Глаза темно-синие, волосы густые рыжие, родимое пятно на левом локте. Отец и сын благополучно переправлены в Умброс».

«Заларик, семь лет, отец – Жан из Дома Гановерр, мать – смертная Пенна Грейстолл. Глаза темно-синие со светлыми крапинками, волосы черные вьющиеся, кожа темно-коричневая. Мать казнена. Ребенок благополучно переправлен в Умброс».

Подобных страниц было бесчисленное множество. Большинство записей касалось новорожденных, попадались и о тех, кто постарше, реже – о подростках и лишь одна о взрослом человеке.

Стук моего сердца стал оглушительным.

Ближе к концу книжки драная алая ленточка обозначала новый раздел. На первый взгляд его содержание не отличалось от основного – лица, имена, описания, но каждая страница там перечеркивалась жирным красным крестом. На каждой отсутствовала заключительная фраза: «Благополучно переправлен».

– Лютер, что это? – тише спросила я.

– Мое покаяние.

Наши взгляды встретились, боль в глазах Лютера врезалась в меня лучше любого ножа.

– Ты обвинила меня в том, что я как Страж Законов казнил детей-полукровок, а я обвинение отверг.

– Ты их вывез, – пролепетала я. – Всех тех детей... Ты не убил их, а вывез из Люмноса.

Лютер медленно кивнул и опустил плечи, словно много-много лет задерживал дыхание, а теперь смог выдохнуть.

– А дети, записанные в конце книжки? Там страницы перечеркнуты красным крестом.

– Их я не спас, – ответил Лютер, и в каждом ужасном слове звучало глубокое сожаление.

Я листала книжку, не в силах оторвать взгляд от мини-зарисовок. Лютеру удалось запечатлеть боль детей, брошенных родителями, королем, родиной.

Таким ребенком могла быть я. Таким ребенком *стала бы* я, не спрячь меня мама среди смертных. Как бы я ни злилась на ее секреты, нельзя было отрицать, что они спасли мне жизнь.

– Эта записная книжка – мой смертный приговор, – тихо добавил Лютер. – В ней доказательство измены, совершенной сотни раз. Даже если ты простишь меня, как королева, другие позаботятся, чтобы я получил по заслугам.

– Никогда! – выпалила я и прижала книжку к груди, словно стараясь защитить. – Я никогда не расскажу об этом. Никому и никогда.

– Знаю. Я доверяю тебе.

Я взглядела в лицо Лютера, в его вечно бесстрастные черты, стараясь найти какое-то объяснение мужчине, постоянно попиравшему мои суждения.

– Лютер, почему ты мне сейчас об этом рассказываешь? Как это связано с Генри?

Лютер задвигал челюстью: продолжать ему, похоже, не хотелось.

– Если ты твердо настроена вступить в этот брак, я тебя поддержу. Но служить тебе с честью значит высказаться начистоту. Потомки не примут смертного короля, Ваше Величество. Даже в качестве консорта.

Я ошетибилась:

– Я в их разрешении не нуждаюсь.

Черты лица Лютера заострились, как стекло.

– Позволь мне выразиться яснее. Если на Балу Интронизации ты представишь Генри как своего суженого, он не переживет Обряд Коронации. Дома не останутся ни перед чем, чтобы не подпустить к трону смертного. Монарших предназначенцев они и за куда меньшее уничтожали.

У меня сердце замерло, во рту появился вкус пепла.

Лютер приблизился ко мне, прижал руку к записной книжке, лежащей у меня на ладонях, и легонько коснулся моего запястья пальцами:

– Книжку я тебе показал, чтобы ты поняла: говорю я не из предубеждения. Я жизнью рискнул бы, чтобы защитить смертного. Я уже рисковал и не единожды. – Голос Лютера смягчился. – Но если ты решишься на этот шаг, боюсь, Генри и армия Эмариона не защитит. А я не желаю, чтобы еще один человек в нашем королевстве погибал из-за своего происхождения.

Я должна была спорить, орать, что ханжи меня насилием не запугают; клясться, что спалю королевство дотла, если кто-то попробует обидеть Генри.

Но, наверное, в глубине души я уже знала правду, потому что сердцем чувствовала лишь невыносимую тяжесть, горюя о потере, которую мой разум принимать отказывался.

– Ты хочешь сказать, что я должна его отпустить, – оцепенело проговорила я.

– Это не мое дело.

– Лютер, не веди себя как мой советник. Будь моим другом. – Я посмотрела на него горящими глазами. – Хочешь сказать, я должна его бросить?

Лютер переступил с ноги на ногу:

– Хочу сказать... – Он замялся. Нахмурился. – Если его любишь... – Лютер посмотрел на меня и покачал головой, точно не верил собственным словам. – Дождись Коронации, – наконец проговорил он. – Пройди Оспаривание, получи весь авторитет монарха, а потом... – Он тяжело вздохнул. – Потом мы составим план. Если ты впрямь этого хочешь, я помогу тебе найти варианты.

Интересно, сделал бы Лютер такое предложение, зная, что Генри поклялся его убить? Что я тоже поклялась его убить?

Почему-то мне казалось, что да.

– Никогда не подумала бы, что ты такой романтик, – сказала я, растянув губы в слабой улыбке, на которую Лютер ответил такой же, хотя у нас обоих это получилось болезненно мрачно.

– Вы многое обо мне не знаете, Ваше Величество.

«И начинаю это понимать», – беззвучно сказала я себе.

Лютер посмотрел мне через плечо на мраморный бюст, мерцающий в сиянии свечей:

– Блаженная Мать отдала жизнь за право быть со своим любимым. Боюсь, она срязит меня наповал, если я велю тебе бросить Генри.

Лютер глубоко вдохнул и сцепил руки за спиной:

– Я... ошибался. Насчет поцелуя. – Он отступил на шаг, чтобы отдалиться от меня. – Ты была права. Я поцеловал тебя, ты меня оттолкнула. Я должен принести тебе извинения.

«Кто из нас теперь врет?» – подумала я.

Лютер изогнул брови:

– Такое больше не повтори...

С губ у меня сорвался возглас:

– Этот секрет знала моя мать? Его она использовала против тебя?

– И его тоже, – признал Лютер.

– Такое мама никому раскрывать не стала бы. Она не поставила бы тех детей под удар.

– Знаю. Она помогала мне вывозить их из Люмоса.

Я вскинула брови:

– Мама помогала тебе с этим?

– Бывали случаи, когда я не мог надолго отлучаться из Люмоса, или когда дети были слишком маленькими или слишком слабыми физически, чтобы путешествовать в одиночку. Орели сопровождала их к моим контактными лицам в королевствах, где смертных преследуют не так сильно.

Сколько раз мама срывалась с места и исчезала, порой на несколько дней, практически без предупреждения? Это случалось так часто, что я не задавала вопросов до тех пор, пока мама не исчезла навсегда.

– Мой отец знал об этом?

– Вряд ли. О наших делах мы условились не говорить никому, даже родным. Исключение составляли несколько помощников.

Меня пронзила паника.

– Поэтому мама пропала? Если ее поймали за вывозом ребенка...

– Нет, – перебил Лютер, в голосе которого появилось сочувствие. – Орели исчезла по собственным причинам, со мной не связанным.

И что я должна была чувствовать: облегчение или разочарование?

– Раз мама помогала тебе, то почему угрожала разоблачить? – хмуро спросила я.

– Твоя мать имела обыкновение озвучивать страшные угрозы, которые вовсе не собиралась осуществлять. – Глаза Лютера замерцали весельем. – Совсем как ее дочь.

Я хмуро зыркнула на Лютера, хотя возразить не могла: когда меня загоняли в угол, в первую очередь я прибегала именно к браваде и к угрозам, и именно Лютер знал об этом не понаслышке.

– Если ты понимал, что моя мама тебя не предаст, зачем помогал ей? Почему не уличил ее во лжи?

– Потому что наше совместное дело было важнее. Мы с твоей матерью не во всем соглашались и частенько не ладили. Но я ее уважал. – Лютер шагнул ко мне и, приблизив лицо, серьезно заглянул в глаза. – И я никогда не навредил бы ей.

Голова кругом шла от всего услышанного. Взлеты и падения в отношениях с этим загадочным мужчиной стали утомительными. Лютер должен был быть объектом моих планов. Лютер, как никто другой, должен был бояться моего правления, а он непостижимым, необъяснимым образом стал моим наперсником. Даже сейчас я не знала, хочу пришибить его или обнять за шею и поблагодарить.

Вопреки всем причинам считать Лютера врагом, какая-то часть меня страстно хотела ему довериться. Меня тянуло к его сиянию, как мотылька к огню, хотя крылышки обгорали и скручивались от силы его пламени.

Я в последний раз взглянула на записную книжку, которую держала в руках, беззвучно помолилась за детей, записанных на хрупких страницах, поцеловала уголок и вернула ее Лютеру.

– Передай Эмонну, что я согласна купить его молчание. Я возьму его на бал сопровождающим.

Глава 13

Я пробежала глазами написанные мною слова. Их было слишком много и одновременно недостаточно.

Г!

Зря я попросила тебя прийти на праздник, о котором мы говорили. Там тебе будет небезопасно. Пожалуйста, не злись. Я просто хочу тебя защитить.

Мои надежды на наше будущее не изменились. Я пошлю за тобой, как только смогу.

Д.

Мне хотелось сказать Генри очень многое, но то, что я наносила ему такой удар письмом-шифровкой, было скверно. И я не верила, что Лютер или неведомый курьер, которого он отправит, воздержится от соблазна прочесть королевское послание.

Я сложила лист пополам, наклонила свечу и скрепила половинки капельками лазурной жидкости. Использовать королевскую печать я не осмелилась, вместо этого вдавив в мягкий воск стебелек наперстянки.

Детьми мы с Генри частенько проводили послеобеденное время в лесу, собирали наперстянку для Центра целителей и сочиняли байки о приключениях, в которые однажды отправимся вместе.

Я надеялась, что Генри вспомнит цветок. Надеялась, он поймет, что означает наперстянка – что я не забыла, кто я и откуда. Я надеялась, он тоже не забыл.

– Ну вот, – проговорила я, поднимая письмо в воздух. – Генри не обрадуется, поэтому скажи своему гонцу, чтобы доставил письмо и поскорее убирался.

Лютер выхватил письмо у меня из руки и сунул во внутренний карман сюртука:

– Я сам его доставлю.

– Нет! – Я вскочила с места. При таком раскладе бойни было не избежать. – Кого-нибудь другого отправь.

Лютер изогнул бровь.

Я внимательно взгляделась ему в лицо.

– Ты слишком легко узнаваем. Не хочу, чтобы тебя увидели и связали Генри с монархиней Люмноса.

Доля правды в этом имелась.

Лютер поджал губы, то ли обидевшись, то ли забавляясь:

– Я правда умею держаться незаметно. Особенно среди смертных.

Я подошла к нему и с кривой улыбкой похлопала то место на груди, где во внутреннем кармане лежало мое письмо:

– Считай это непосредственным приказом.

Взгляд синевато-серых глаз скользнул туда, где мои пальцы касались его сюртука, задержавшись достаточно долго, чтобы я отдернула руку.

– Как пожелаете, моя королева.

Чтобы спрятаться от чересчур тяжелого взгляда Лютера, я принялась наводить порядок на столе:

– Мне нужно домой. Я должна поговорить с отцом, а делать это здесь не хочется.

– Я бы не советовал.

– Вообще-то это не просьба.

– Все королевство следит за каждым твоим движением. Если покинешь дворец...

– Ты наверняка что-нибудь придумаешь.

Лютер негромко заворчал:

– Дождись хотя бы окончания бала. Наутро после него большинство гостей разъедется, сплетников станет меньше, а у меня появится время подготовить отвлекающий маневр.

Вариант неидеальный, но от подглядывающих не отмахнешься.

Я уже почувствовала беспокойство Соры из-за незнакомцев, прибывших во дворец за день; их планы относительно меня раздражали ее безмерно. Как бы ни рвалась я встретиться с отцом, рисковать тем, что приведу Потомков к его порогу, я не могла. Оставалось надеяться, что Теллеру еще немного удастся побереечь его от лишних контактов.

Я схватила пальто и направилась к двери:

– Ладно, я буду в подземной тюрьме. На этот раз постараюсь не врываться и не устраивать со мной магических поединков, договорились?

* * *

Лишь с пятой попытки мне удалось пробраться в подземную тюрьму незамеченной.

Прежде я не придавала значения тому, насколько прав был Лютер – насколько он прав всегда, к моему вящему раздражению – насчет притока гостей. Прибывшие непрерывным потоком двигались по фойе дворца. Пройти по любому коридору без неловкой церемонии представления стало почти невозможным.

Когда я наконец скользнула за двери тюрьмы и спустилась к холодному основанию спиральной лестницы, Лили и Теллер уже устроились в одной из камер. Они сидели рядышком на нарах и говорили так тихо, что не услышишь. Руки они положили достаточно близко, чтобы касаться друг друга, и мизинчик Лили изогнулся вокруг мизинца моего братишки. Даже изда- лека я видела, с каким обожанием Теллер смотрит на что-то рассказывающую ему Лили.

Я откашлялась. Лили и Теллер отскочили друг от друга, лица у обоих покрылись алыми пятнами. Теллер сунул руки в карманы и смотрел куда угодно, только не на меня. Лили сделала реверанс. Дважды.

– Простите, что напугала, – проговорила я, кусая губу, чтобы сдержать ухмылку. Для «просто разговаривавших» вид у них был чересчур виноватый.

– Ну... э-э-э... Я очень рада видеть вас снова, Ваше Величество, – пролепетала Лили, сделав еще один реверанс.

– Лили, ну в самом деле, ты можешь звать меня просто Дием.

– Да, конечно, Ваше Вели... – Девушка робко улыбнулась. – С привычкой расстаться непросто. Лютер вечно заставляет нас называть титулы, даже среди родных и близких.

– Неужели? – В голове мелькнула озорная мысль. – Ну, тогда мне обязательно нужно называть его титулы, когда я к нему обращаюсь. Какие они у него?

Лили сделала глубокий вдох:

– Его Королевское Высочество лорд Лютер Корбуа, достопочтенный Страж Законов, Страж Света, Верховный генерал Королевской Гвардии, достопочтенный член Королевского Совета, личный советник монарха, Принц Люмноса, Королевства Света и Тени.

– Только и всего? – фыркнула я.

Теллер закашлялся, чтобы скрыть смех от сидящей с очень гордым видом Лили.

– Эти титулы хоть что-нибудь значат? – спросила я девушку.

– Да, конечно. – Лили закатила глаза. – Все постоянно за них сражаются.

– Некоторые титулы я знаю, – вставил Теллер. – Верховный генерал означает, что он командует Королевской Гвардией. А Королевский Совет – самые доверенные лица монарха.

Лили наморщила нос:

– Так подразумевается. Король Ультер просто делал советниками своих братьев и их сыновей.

– Страж Закона назначает наказание тем, кто не повинуется монарху, – продолжал Теллер. – И он проводит... ну... – Он шаркнул ногой. – Казни.

Я вспомнила детей из записной книжки Лютера, и сердце болезненно сжалось.

– А чем занимается Страж Света?

– Это очень важное звание, – ответила Лили, понизив голос, чуть ли не почтительно. – Таких Стражей два. Страж Света – официальный представитель монарха. Страж Теней отвечает за менее публичные дела.

– Так чем конкретно они *занимаются*?

– На деле, чем хотят. Любые приказы Стража по силе равны королевским. Лютер вечно умаляет свой авторитет, твердит, что он просто посыльный, а отец говорит, что быть Стражем – все равно, что быть королем. Пока монарх не отменит его решение, оно имеет силу закона.

Я попыталась представить, кому могу доверить применение такой власти от моего имени. Неделю назад я назвала бы своих родителей. Сейчас же, с учетом секретов, которые они от меня хранили, и правды о моем происхождении, которую они от меня скрыли... Их предательство напоминало открытую рану, которую еще предстояло залечить.

Хорошим Стражем в один прекрасный день обещал стать Теллер. У него имелись все качества, нужные лидеру: острый ум, спокойствие, умение сострадать, – и я доверяла ему безоговорочно. Но он был молод, его взгляд еще не омрачила усталость, какая появляется у столкнувшихся со злом, которое таит этот мир. От этого зла я собиралась защищать братишку, сколько получится.

А еще был Генри. Я попросила его стать королем-консортом. Какую власть это подразумевает, я толком не понимала, но ведь это, как минимум, значило, что я доверяю ему править в мое отсутствие... Так ведь?

Я оттолкнула тревогу, дышавшую мне в спину:

– А кто Страж Теней?

– Дядя Гэрет, – ответила Лили.

Отец Эмонна. Надменный, ехидный хлыщ, смотревший на меня так, будто моя кровь полусмертной осквернила саму корону. Этот тип был вправе говорить от имени монарха – от моего имени?

– Я думала, не Стражи, а регент имеет власть, равную монаршей, – проговорила я.

Лили покачала головой:

– Обязанности регента отец выполняет, лишь когда монарх недееспособен, или до коронации нового монарха. Во всех других ситуациях регент не имеет никакой власти.

Неудивительно, что Реми с удовольствием сделал Лютера козлом отпущения, чтобы ко мне подольститься. За долгие месяцы болезни короля Ультера он привык к власти и явно не хотел от нее отказываться.

Теллер посмотрел на меня:

– Дием, что случилось вчера после нашего ухода?

Лили сложила руки, как в мольбе, и улыбнулась, подпрыгивая на носочках:

– Да, да! Ты использовала свою магическую силу? Какая она у тебя? Ты управляешь и светом, и тенью, как Лютер?

У меня в горле пересохло.

Я целый день заметала эмоции вчерашнего вечера в пыльные, темные закоулки сознания, сгребала осколки боли в аккуратные кучки, чтобы разобраться с ними в другой раз. Но вопрос Теллера был как дверь, оставленная приоткрытой в бурю. Внезапный порыв ветра залетел ко мне в сознание и разворошил результат моей кропотливой работы в душное облако.

Я чувствовала, как во взгляд возвращается пустота, как ее мертвый вес давит на сердце. Хотелось быть сильной ради Теллера, но я так страшно устала.

– У тебя есть магическая сила? – уже тише спросил Теллер.

Я чуть заметно кивнула:

– Кажется, да.

Лили прыгала, визжала, поздравляла меня, задавала вопрос за вопросом. Такое поведение напомнило мне, как ее брат неожиданно обрадовался выбросу моей магической силы. На миг показалось, что и Теллер за меня рад. Глаза у него стали круглыми от удивления, губы изогнулись в улыбке, полной благоговейного страха.

А потом я уловила его, тот момент, когда мысли Теллера совпали с моими, и он понял, что этот момент значит для меня. Для нас. Для нашей семьи.

Для нашего будущего.

Впервые за всю жизнь своего братишки я увидела, как погас огонек в его глазах. Если прежде я думала, что самое страшное уже позади, то сильно ошибалась.

– Лили, не возражаешь, если мы с Теллером поговорим наедине? – хрипло спросила я.

Девушка перестала радоваться и будто неожиданно почувствовала смену настроения у нас обоих:

– Да, да, конечно. Я пока, ну, побуду наверху.

Лили ушла, не сказав больше ни слова, хотя я заметила, как, пробираясь мимо Теллера, она сжала ему руку. Казалось, в полутемной тишине мы с братом простояли целую вечность, скованные осознанием одной страшной истины за другой.

– Выходит, это правда, – проговорил Теллер. – После появления короны я, конечно, почти не сомневался, но... думал, вдруг...

– И я так думала. – Я нервно сглотнула. – До вчерашнего вечера я не... – Договорить я не смогла. Это и не требовалось: мы оба всё поняли.

Теллер сделал медленный шаг вперед, потом еще один, потом бросился ко мне и обнял за шею.

Щекой я чувствовала его слезы, мокрые и теплые, или же то были мои слезы. Еще я чувствовала дрожь его страха и гаснущий свет надежды.

Или же то были мои страх и надежда.

Мы долго держали друг друга в объятиях, пытались осмыслить, плакали, и наши сердца вместе разбивались в подземном сумраке. Под гнетом изнеможения, навсегда поселившегося в моей душе, все мои внутренние стены растрескались и рассыпались в порошок.

– Мне страшно, – шептала я, наполовину надеясь, что мои слова не долетят до ушей братишки. – Я не справлюсь.

– Если кто справится, то это ты, – резко заявил Теллер. – У тебя всегда все получалось, как бы страшно ни было.

– Тел, речь ведь не о том, чтобы влезть на высокое дерево или обследовать новую пещеру. Мне двадцать лет. Я и не жила толком. Королевой быть не для меня.

Оторвавшись от меня, Теллер прижал ладони мне к плечам. Глаза у него были мокрыми и покрасневшими, но голос звучал твердо:

– Раз Люмнос тебя выбрала, значит, на то есть причина. Она что-то в тебе видит, какое-то особое предназначение. Ты должна ей довериться.

– С каких пор мы доверяем члену Клана?

Теллер улыбнулся и сжал мне плечи:

– С тех пор, как ей хватило здравомыслия выбрать Дием Беллатор.

Я безостановочно всхлипывала, но тут смогла слабо улыбнуться, чувствуя, как давящий страх немного отступает.

– Ничего особенного во мне нет, Теллер. Корона просто уходит к тому, у кого самая сильная магия.

– А кому достается самая сильная магия? Потомки потратили века на то, чтобы воспитать могущественнейших отпрысков, и так, как им хотелось, никогда не получалось. Посмотри на

Лютера и Лили, они родные брат и сестра, но он могущественный, а она нет. Может, это не совпадение. Может, есть причина, по которой вам с Лютером досталось больше магической силы, чем кому-либо.

Я отстранилась и закрыла лицо руками, раздавленная сияющим бременем у меня на голове. Перед Потомками я здорово павлинилась, а наедине с Теллером почувствовала себя девчонкой, нарядившейся в одежду, которая ей до смешного велика.

Теллер потянул меня за запястья:

– Чем я могу помочь?

– Нет, я не хочу, чтобы ты с ними связывался! Потомки опасны.

– Мама твердила тебе то же самое, и глянть, к чему это привело. И не надо так на меня смотреть, сама знаешь, что я прав. Кроме того, с Потомками я уже связался, причем куда раньше, чем ты. Это ты сейчас играешь в догонялки.

Мы обменялись насмешливым и раздраженным взглядами, в полной мере оценить которые способны лишь младший братишка-умник и его остервенелая старшая сестрица.

– Позволь мне тебе помочь, – не унимался Теллер.

Я судорожно выдохнула и попыталась снова набраться уверенности:

– После бала я встречаюсь с главами Двадцати Домов. Можешь собрать о них информацию? Особенно о том, как они относятся к смертным и полукровкам?

Тень обиды скользнула по лицу Теллера.

– Это труда не составит. До тебя однокашники ежедневно напоминали мне о том, как их семьи относятся к смертным вроде меня.

Я замерла:

– Что значит «до меня»?

– Они знают, что теперь я брат королевы. – Поймав мой полный ужаса взгляд, Теллер пожал плечами и криво улыбнулся. – В этом не осталось сомнений с тех пор, как каждый Корбуа начал относиться ко мне как к лучшему другу.

Я выругалась сквозь зубы:

– Думаешь, новость уже и до отца долетела?

Улыбка Теллера погасла.

– Еще нет. Но тебе нужно ему сказать. Если он услышит от кого-то другого...

– Знаю. – В горле встал комок. – Лютер попросил меня подождать окончания бала. Сможешь до тех пор удержать отца от похода в город?

– Я попробую, но... – Пряча от меня глаза, Теллер провел рукой по темно-каштановым кудрям. – Дома он почти не бывает. После вашей ссоры он постоянно бродит по лесу один.

Узел внутри меня превратился в тяжелый камень на душе. Мне нужно было помириться с отцом. Сейчас казалось, что оставшиеся нам с ним годы утекают как песок сквозь пальцы.

– Мне пора, – вздохнула я, глянув на лестницу.

Почему-то в мрачной тени подвала мне было безопаснее, чем в ярко освещенных солнцем коридорах, которые ждали наверху. Я притянула братишку к себе, чтобы обнять напоследок.

– Теллер... – начала я, и у меня сорвался голос.

– Знаю, – буркнул он, обнимая меня изо всех сил. – Я тоже тебя люблю.

– Даже если я бездушное чудовище-Потомок, как остальные они? – шепотом спросила я.

– Даже если так. – Теллер отстранился от меня и улыбнулся. – Можешь показать мне свою магию, пока я не ушел?

Использовать магическую силу хотелось меньше всего на свете. Слишком свежи были связанные с ней воспоминания о боли. Но взглянув на Теллера, я увидела любопытство, сияющее сквозь пелену его грусти, и поняла, что нужно хотя бы попробовать.

– Да, конечно, – буркнула я, растягивая губы в улыбке. – Но тебе придется отойти подальше. Я еще не умею контролировать свою силу.

Теллер послушался – пересек подвал и взбежал до половины лестницы. Лицо у него сияло от радостного предвкушения.

Я сосредоточенно смотрела прямо перед собой и пыталась вспомнить, каким образом вытащила магическую силу наружу и как наконец стравила гнев *голоса*, который так долго держала взаперти.

С тех пор *голос* молчал. При мысли о том, что он вернется мне в голову, тотчас задрожали руки.

Я сжимала и разжимала кулаки, стараясь вызвать ледяной жар, который тогда ощутила, или пульсирующий гул магической энергии, но чувствовала лишь, что ладони пустые и влажные.

Вспомнилось, как Лютер провоцировал меня, как играл на моих комплексах и на чувстве вины до тех пор, пока я не взорвалась. Я попыталась вызвать эти чувства снова, мысленно науськивая себя за каждую глупость и безрассудность, совершенную за последние недели. Список вариантов получился длинным.

Ничего не случилось. Даже не мелькнуло. И мне это *очень* понравилось.

Ни злого *голоса*, ни пульсации магической силы. Я чувствовала себя восхитительно обыкновенной. Ни королевой, ни даже Потомком. Просто... собой.

Как бы мне ни хотелось порадовать Теллера, я не могла расстаться с пусть даже мимолетным ощущением нормальности, невзрачности, полной непримечательности простой смертной. Именно такой я когда-то боялась оказаться, а теперь судорожно цеплялась за это ощущение.

– Кажется, вчера я полностью израсходовала свою силу, – соврала я. – Думаю, мне нужно чуть больше времени на отдых и восстановление.

– Да, да, конечно. – Теллер небрежно пожал плечами, хотя его разочарование было очевидно. – Тогда в другой раз.

– Само собой. – Я скупно улыбнулась. – В другой раз.

Я всей душой надеялась, что этот другой раз никогда не настанет.

Глава 14

За день до похорон коридоры дворца и сад кишели гостями, отчаянно желавшими остановить меня и еще до Бала Интронизации что-то потребовать.

Я укрылась в личном читальном зале монархов – обшитой деревом комнате на верхнем этаже дворца с потолком целиком из стекла. Морозящий дождь окутал комнату мягким серым светом, стук тяжелых капель в оконные стекла напоминал колыбельную.

Со своими проблемами я заключила временное перемирие. После того как Лютер, удивив меня, снова принес мне в покои поднос с завтраком – это становилось нашей утренней традицией, – мы даже вместе поели во вполне приятной обстановке, пока он делал ежедневный доклад о ситуации в королевстве.

Я расспрашивала Лютера о самых влиятельных Потомках Люмоса – меня интересовали их взаимоотношения, их слабости – всё в малейших подробностях. Я по-прежнему трепетала, когда из-под маски бессердечного принца пробивался восхищенный взгляд.

До полной победы над чувством незащищенности было очень далеко – оно затаилось, поджидая своего часа, но благодаря зарождающейся дружбе с Элинон, поддержке Теллера и Генри, а также заверениям Лютера, что моя мать жива, я наконец-то начала улыбаться искренне.

После общения с Сорой и долгого ланча с Элинон, во время которого мы обсудили свежие слухи о новой монархине Корбуа (очевидно, меня либо похитили в младенчестве и вырастили лоси; либо Реми до недавнего времени держал меня в подземной тюрьме, потому что я жуткая уродка), вторую половину дня я провела, свернувшись калачиком, перед разожженным камином с мягким пледом, чашкой горячего чая и стопкой книг о культуре Потомков.

– Я так понимаю, что за нагоняй от отца мне нужно благодарить мою королеву.

Услышав голос Лютера, я спрятала улыбку.

– Что? – отозвалась я, изображая непонимание, потянулась и села на мягкой софе. – Странно, я ведь точно говорила ему, как здорово ты мне помогаешь.

– Мне казалось, мы с тобой объявили перемирие, – пробормотал Лютер, усаживаясь в кресло рядом со мной.

Лицо у него было как всегда серьезным, зато мышцы бугрились от напряжения. Похоже, мой разговор с Реми достиг цели – подействовал на нервы и регенту, и его сыну.

– Да я не осмелилась бы вступить в войну с Его Королевским Высочеством принцем Лютером Корбуа, Стражем Закона и чего-то там еще, членом Совета Снобов, Верховным генералом или нет, погоди, с Генеральным верховником? – Я нахмурилась, поглаживая подбородок.

Бесстрастная маска на миг соскользнула, и Лютер окинул меня добродушным взглядом:

– Мне было велено молить о прощении за то, что я утаил от нашей красавицы королевы «жизненно важную информацию», которую ей «очень хотелось получить».

Как я ни пыталась, победоносную улыбку сдержать не удалось. По крайней мере, теперь я знала, что Реми можно доверять в плане передачи сообщений.

– Ну, представь мое удивление, когда твой отец сказал, что следующие три недели я проведу, встречаясь с главами Двадцати Домов. И это после того, как я узнала о бале от Эмонна. – Я неодобрительно зацокала языком. – Если это твоя заявка на должность моего советника, принц, тебе придется как следует постараться.

– Я никогда не собирался скрывать эту информацию от тебя. Просто хотел не ошеломить, а дать тебе немного привыкнуть.

– Ошеломить меня? – Я села прямее. – Так ты думал, что я с этим не справлюсь?

Лютер сжал подлокотники кресла так, что костяшки побелели:

– Я имел в виду другое.

Я громко захлопнула книгу, лежавшую у меня на коленях. За стеклянными панелями замер размытый силуэт Соры: гриверна приостановила купание под дождем и смерила нас бдительным янтарным взглядом.

– Похоже, ты счел меня слишком слабенькой, чтобы сообщать о моем собственном расписании, – сварливо заметила я.

– Я, как никто другой, знаю, что ты не слабенькая, – прорычал Лютер, теряя самообладание. – Но моя обязанность – защищать тебя любимыми возможными способами.

– От кого защищать, от меня самой? – Я прищурилась, ожидая, что Лютер пойдет на попятную, но в его глазах горело упрямое пламя под стать моему. – Лютер, я не ребенок, я взрослая женщина.

– Я в курсе, Ваше Величество, уверяю вас, – проговорил Лютер низко, хрипло, многозначительно.

Мое тело вспыхнуло, глубоко внутри все сжалось. Желание в его голосе не имело ничего общего с пустым подхалимажем Эмонна. Я тотчас почувствовала себя слишком распаленной, слишком восприимчивой, слишком напряженной.

Я сбросила плед с колен, собираясь демонстративно выйти из читального зала, но толстая ткань зацепила мне юбки и задрала их до самых бедер. Взгляд Лютера прилип к обнажившейся коже, опалая мне плоть. Но вот принц спохватился, выпрямил спину и снова посмотрел мне в глаза.

Не надо было мне так реагировать. Благодаря моей привычке открывать дверь в разной стадии наготы, Лютер уже видел мое тело почти полностью. Но почему-то секреты, которые мы недавно друг другу открыли, делали происходящее между нами сейчас до опасного интимным.

У Лютера всегда имелось преимущество, выгодная позиция, с которой он разрушал мою решимость его ненавидеть. Сейчас мне вдруг захотелось, чтобы он корчился под моим взглядом и сомневался во всем, что якобы знает обо мне.

Я бросилась обратно на софу и скрестила ноги так, что юбки задрались еще выше, обнажив бедра чуть ли не до линии талии. Изогнув спину, я подняла подбородок, молча бросая Лютеру вызов.

Зрачки у него расширились, когда он смотрел на меня, совсем как у хищника на охоте. Чувствовалось, Лютер борется с желанием посмотреть снова – или, может, больше, чем *посмотреть*.

Я играла с огнем, и азарт игры заманил меня в сердце пожарища. Лютер притягивал меня, как никто другой. Когда ссорилась с ним, когда дразнила его, я словно поджигала фитиль и закрывала глаза, никогда не зная, насколько близка к саморазрушению.

Чувствуя, что Лютер за мной наблюдает, я дала волю глазам. Куда дольше, чем позволяли приличия, я смотрела на его острые скулы, на полные губы, на квадратный подбородок. Я смотрела на ткань, туго натянувшуюся там, где его тело демонстрировало мощь: на широких плечах, на мускулистых руках и ногах. Я вгляделась в крупные сильные ладони, лежавшие у Лютера на коленях, – на ладони, которые прижимали меня к нему, на ладони, которые исследовали мне ляжки и бедра.

Я гадала, вспоминает ли Лютер те моменты в такое неподходящее время, как сейчас. Пересыхает ли от воспоминаний у него во рту, ускоряется ли пульс, как у меня сейчас.

К чести Лютера, он и бровью не повел, сохраняя противоестественное спокойствие. Казалось, затаилось даже его дыхание. Его единственной реакцией была вопрошающая искра в глазах – посмею я оценивать его или нет?

Я взяла за привычку при каждой встрече с Лютером мысленно перечислять причины его ненавидеть, но вчерашние события заставили меня усомниться в каждой из них. Сейчас, разглядывая его, я внезапно пришла к пугающему выводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.